

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2024

Том 24

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

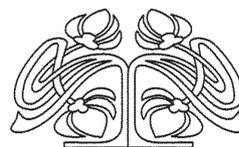

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия
Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Антипова Е. А. Категориальный анализ феномена музея: пространство и время 4

Артёмов В. Н. Цивилизационная основа бытийственности институционального человека 10

Батурина И. В. Метатренды и мифологемы тематики искусственного интеллекта западного научного дискурса 14

Безменов В. В. Феномен «симбиоза» государственных структур и исламских организаций в современной Индонезии 19

Богатов М. А., Павлова Д. А. Онтология декларации: к характеристике современной философии 24

Буняев М. Б. Соотношение свободы и насилия как одна из основополагающих проблем мысли 30

Дуплинская Ю. М., Стеклова И. В. Вопрос о качественной определенности бита в естественном и искусственном интеллекте 36

Иванова Д. Д. Жизненный путь личности: опыт социально-философской концептуализации 41

Кротов А. А. Чернышевский и Наполеон III 46

Сомова О. А. Душа как субстанция личности: феноменологическое pro et contra 51

Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Листвина Е. В., Рязанов А. В. Государство и этническая идентичность: противостояние или союз? 56

Шаткин М. А. Проблема приватности в цифровом обществе ролевого интеллекта 62

Психология

Акбутаев В. О. Основные виды военной идентичности курсантов военных вузов 67

Гоголь С. С. Генерализованная готовность как социально-психологическая установка личности 73

Елисеева Н. Д. Количественный анализ психологического состояния современного якутского общества 79

Комаров В. В. Архетипические образы лидера 84

Рягузова Е. В. Сострадание и доброта как разные сценарии просоциального поведения личности 90

Педагогика

Абрамова И. Е., Шишмолина Е. П. Мотивация студентов гуманитарных специальностей к изучению иностранных языков: изменения и тенденции 97

Корепанова М. В. Модель методического сопровождения педагогов при проектировании образовательного процесса 102

Тимонин А. Н. Теоретические аспекты готовности будущего педагога к аналитической деятельности 107

Шустова И. Ю. Методы и формы воспитания современного школьника 112

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.03.2024
Подписано в свет 29.03.2024
Формат 60 × 84 1/8.
Усл. печ. л. 13,72 (14,75).
Тираж 100 экз. Заказ 16-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

– на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Antipova E. A.** Categorical analysis of the museum phenomenon: Space and time 4
- Artyomov V. N.** The civilizational basis of the beingness of an institutional person 10
- Baturina I. V.** Megatrends and mythologems of artificial intelligence topics in Western scientific discourse 14
- Bezmenov V. V.** The phenomenon of "symbiosis" of the state and Islamic organizations in modern Indonesia 19
- Bogatov M. A., Pavlova D. A.** Ontology of declaration: Towards the characteristics of modern philosophy 24
- Bunyaev M. B.** The correlation between freedom and violence as one of the fundamental problems of thinking 30
- Duplinskya Yu. M., Steklova I. V.** The question of the qualitative definiteness of the bit in the natural and artificial intelligence 36
- Ivanova D. D.** The life path of a personality: The experience of socio-philosophical conceptualization 41
- Krotov A. A.** Chernyshevsky and Napoleon III 46
- Somova O. A.** The soul as the substance of a personality: Phenomenological pro et contra 51
- Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Listvina E. V., Ryazanov A. V.** The state and ethnic identity: Confrontation or alliance? 56
- Shatkin M. A.** The problem of privacy in a digital society of swarm intelligence 62

Psychology

- Akbutaev V. O.** Main types of military identity of military universities cadets 67
- Gogol S. S.** Generalized readiness as a socio-psychological attitude 73
- Eliseeva N. D.** Quantitative analysis of the psychological state of modern Yakut society 79
- Komarov V. V.** Archetypal images of a leader 84
- Ryaguzova E. V.** Compassion and kindness as different scenarios of pro-social behavior of the person 90

Pedagogy

- Abramova I. E., Shishmolina E. P.** Motivation of humanities students to learn foreign languages: Changes and trends 97
- Korepanova M. V.** Model of methodological support of teachers in the design of the educational process 102
- Timonin A. N.** Theoretical aspects of the future teacher's readiness for analytical activity 107
- Shustova I. Yu.** Methods and forms of education of a modern student 112

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Антипова Екатерина Алексеевна, кандидат филос. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Ekaterina A. Antipova (Saratov, Russia)

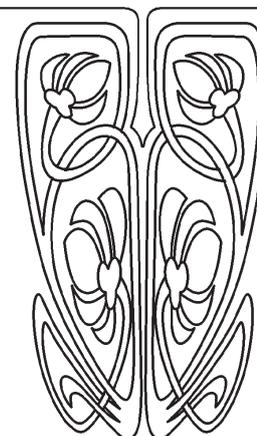
Members of the Editorial Board:

Ljudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)

Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–9

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–9

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-4-9>

EDN: TKEITG

Научная статья
УДК 069.1+130.2

Категориальный анализ феномена музея: пространство и время

Е. А. Антипова

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, г. Саратов, пр. им. Петра Столыпина, зд. 4, стр. 3

Антипова Екатерина Алексеевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, cat.petrulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7954-9693>

Аннотация. Введение. Музей предоставляет социуму возможность особого взаимодействия с пространством и временем для целей познания и наиболее полного усвоения им кодов, существующих в культуре и обществе. **Теоретический анализ.** Восприятие социумом пространства и времени в музее будут рассмотрены и проанализированы с позиции мифа, что позволяет выявить архетипические представления человечества, сложившиеся в древности и во многом не утратившие своего влияния на современную культуру и общество. Зародившиеся в прошлом способы институцирования деятельности социума в трансформированном виде переходили из одной эпохи в другую, сохраняя при этом некоторые характерные черты и вместе с тем приобретая новые, которые становились необходимыми для существования в ином социокультурном контексте. Одной из таких характерных черт является представление о том, что пространство и время в музее обладают профанным и сакральным измерениями. **Заключение.** Пространство и время в музее являются зеркалом не только мифических мотивов, но также и доминант развития современного мира. Эти фундаментальные основы концентрируют все наиболее значимые черты, присущие человеческим сообществам, транслирующие их социуму.

Ключевые слова: музей, мифологическое пространство, мифологическое время, экспозиция, выставка

Для цитирования: Антипова Е. А. Категориальный анализ феномена музея: пространство и время // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 4–9. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-4-9>, EDN: TKEITG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

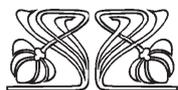
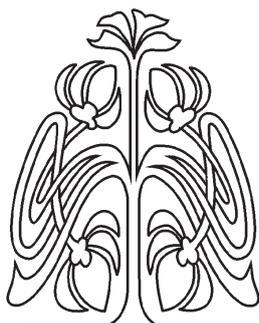
Categorical analysis of the museum phenomenon: Space and time

Е. А. Antipova

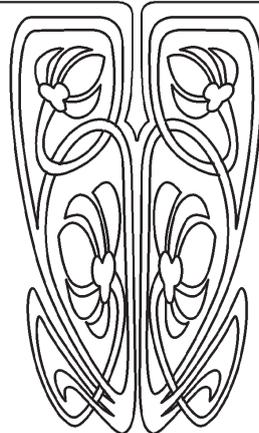
Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, building 4, block 3 Peter Stolypin Ave., Saratov 410012, Russia

Ekaterina A. Antipova, cat.petrulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7954-9693>

© Антипова Е. А., 2024

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. The museum provides society with the opportunity for special interaction with space and time for the purposes of acquiring knowledge and the most complete assimilation of codes existing in culture and society. **Theoretical analysis.** Society's perception of space and time in the museum will be examined and analyzed from the perspective of myth, which makes it possible to identify archetypal ideas of humanity that developed in ancient times and have largely not lost their influence on modern culture and society. The methods of institutionalizing the activities of society, which originated in the past, passed from one era to another in a transformed form, while retaining some characteristic features and at the same time acquiring new ones that became necessary for existence in a different sociocultural context. One of these characteristic features is the idea that space and time in a museum have profane and sacred dimensions. **Conclusion.** Space and time in the museum are a mirror not only of mythical motifs, but also of the dominant developments of the modern world. These fundamental principles concentrate all the most significant features inherent in human communities for the purpose of their further transmission to society.

Keywords: museum, mythological space, mythological time, exposition, exhibition

For citation: Antipova E. A. Categorical analysis of the museum phenomenon: Space and time. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 4–9 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-4-9>, EDN: TKEITG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Пространство и время – фундаментальные понятия, необходимые при описании и познании мира. Эти термины фигурируют в естественно-научных исследованиях, философских и богословских трудах, художественных текстах, а также на уровне бытового восприятия. Они фиксируют отношение общества, социальной группы и отдельного индивида к миру. Пространство и время – это способ структурирования бытия, дифференциации его на составные элементы.

Пространство и время представляют основу для формирования и существования единой для общества картины мира: ее внутренней структуры, необходимой для ориентирования в ней человека. В пространстве и времени разворачивается бытие социума, происходит становление повседневных практик и доминант духовного развития. Пространство и время оказывают влияние на ценностные устремления всего общества и отдельных его единиц. Категории пространства и времени способствуют выявлению тенденций социокультурных процессов развития человеческих сообществ и тех трансформаций, которые происходят на уровне различных социальных институтов. Исследование особенностей восприятия социумом категорий пространства и времени позволяет проанализировать доминанты трансформационных процессов, происходящих в обществе, и выявить тенденции будущих социокультурных изменений. Отдельные аспекты конструирования музейного пространства и времени рассматривались автором ранее [1].

Теоретический анализ

В музее пространство и время являются инструментами моделирования социокультурных кодов, реконструирования истории, а также воссоздания жизненных пространств,

принадлежавших отдельным индивидам и человеческим сообществам. Пространство и время в музее поставлены на службу социуму: в особо организованном виде они предстают перед взором индивида, помогают ему постичь колорит иных эпох, сообществ и культур. При этом сам индивид не является участником событий, а остается в позиции внешнего наблюдателя, которому открыто будущее (современность) и соответственно находящегося «в вечности над временем». Наряду с этим наблюдатель имеет собственные начальные установки, диктующие ему направление восприятия экспозиционно-выставочного пространства, с заложенным в него нарративом. Музей стремится как создать резонанс между этими двумя составляющими, так и усилить смыслы, содержащиеся в экспозиции. Для этого создается оппозиция сакральное – профанное. Индивид приходит из профанного пространства и времени внешнего мира в сакральное пространство и время музея. Выявление особенностей конструирования в музее сакрального и противопоставления его профанному является целью данного исследования.

Под сакральным будет пониматься принадлежность к высшей сфере, несотворенной человеком, «священность, трепетность, культовость, сверхценность» [2, с. 73]. Сакральное конструируется обществом, но подобный аспект осознанно не артикулируется, так как является разрушительным для данной категории. Под профанным будет пониматься принадлежность к обыденности, повседневности. Профанное – это то, что создано обществом и признается им в качестве продукта деятельности индивидов.

Представление о том, что пространство и время в музее сакральны, целенаправленно начало формироваться в период активного увеличения числа общедоступных и публичных музеев. В энциклопедиях, словарях и статьях подчеркивалась связь музея с античным мусейоном,

который являлся синтезом таких феноменов, как храм муз, святилище, школа и библиотека и в то же время был сакральным местом, открытым для общественной интеллектуальной жизни [3, с. 29]. Музей позволял осуществлять связь между профанным и сакральным пространством и временем для решения значимых для всего социума задач. Стоит отметить, что зарождение музейно-нов приходится на период Античности – времени перехода от Мифа к Логосу, времени разложения мифологического сознания и становления сознания религиозного.

Образ музейнона являлся ориентиром для современного музея. Именно вследствие этого продолжительное время музеи воспринимались как нечто родственное античному храму муз, что стало причиной для формирования особой преемственности между этими двумя институциями. Так, воплощенные и одобренные социумом архитектурные проекты строительства зданий первых публичных и общедоступных музеев стали способом демонстрации взаимосвязи музейнона и музея, а также средством утверждения сакрального статуса последнего. Е. В. Ермоленко, анализируя музейную архитектуру XIX в., указывает на наличие интерпретации музея как храма [4, с. 69]. Аналогичные мысли содержатся и в работе К. Хадсона, который отмечает, что в XIX в. «музеи стали рассматривать как своего рода храмы, предназначение которых – создавать благоговейное отношение к экспонатам», а также утверждает, что само здание музея при подобном подходе сакрально [5, с. 30]. Так, архитектурная форма музея представляет собой основу для восприятия его как преемника музейнона, который обладает сакральными функциями и зависим от мифологической формы мировосприятия. Музейное здание фиксирует внешнюю особенность пространства и оказывает значительное влияние на восприятие пространства и времени внутри него.

Современный музей конструирует характерную для музейнонов особенность: служит местом перехода в сакральное измерение. Индивиды, посещающие музей, оказываются вне повседневных проблем и задач современного мира, им предоставляется возможность постижения смыслов и идей, находящихся за гранью обыденности. В музее пространство заведомо сакрально и благодаря этому все объекты, помещенные в него, приобретают особую смысловую нагрузку, становятся значимыми для общества ценностями. Социуму в сакральном пространстве предоставляется возможность для рефлексии и переосмысления важности тех проблем, ко-

торые в профанном пространстве не обладают той же значимостью, так как являются частью обыденности.

Музеи создаются обществом с целью получения доступа к сакральному измерению, в котором происходит мифологизация исторических процессов, событий, идей и смыслов. Музей, как и миф, выполняет важную функцию: рассказывает о первособытиях, сохранение памяти о которых поддерживается посредством «ритуалов» (памятные мероприятия, выставки, экскурсии и прочие формы работы с аудиторией). События, истории и герои, представленные в музее посредством экспонатов, могут относиться как к глубокой древности, так и быть частью современного мира. Однако при их перемещении в сакральное измерение музея они утрачивают связи с профанным пространством и временем и сами становятся частью мифа – мифологизируются.

В музее влияние пространства и времени на экспонаты равнозначны тому влиянию, которое оказывают сами экспонаты на пространство и время. Е. М. Мелетинский, рассуждая о мифе, пишет: «Каждый атрибут, прикрепленный к определенному фрагменту пространства или времени, превращается в данное в этом фрагменте содержание, и наоборот, особенности содержания придают специфический характер соответствующей точке в пространстве и во времени» [6, с. 50]. Выбор предметов для хранения и экспонирования является одной из важнейших задач музея, ведь они становятся элементами сакрального измерения и наделяются возможностями для того, чтобы оказывать влияние на общество. В музее профанные предметы, став экспонатами, приобретают сакральный статус. При этом предмет, названный экспонатом, но не воспринятый в подобном качестве социумом, становится элементом, разрушающим целостность сакрального пространства и времени в музее. Он также начинает оказывать негативное влияние на взаимосвязанные с ним предметы, тем самым лишая их сакрального статуса. Подобное можно проиллюстрировать отношением посетителей музея к объектам современного искусства, некоторые из которых являются обыденными бытовыми предметами. Ощущение их прочной связи со сферой профанного оказывает десакрализирующее воздействие на сакральное пространство музея.

Социум воспринимает музей не только как собрание отдельных невзаимосвязанных друг с другом предметов, но и как место, где воссоздаются исторические события, формируются социальные мифы, а также предстают образы

прошлого, настоящего и будущего. Во многом именно поэтому так важно, чтобы пространство и время в музее были едины с экспонатами, ведь только посредством подобной взаимосвязи создается комфортная среда для трансляции социокультурных кодов и их успешного усвоения. Сакральное пространство и время лишь способствуют подобному процессу, ведь уровень доверия социума к представленной в музее информации взаимосвязан с общим впечатлением от восприятия экспозиции.

Сфера сакрального пространства и времени состоит из узловых точек – первособытий – архе (ἀρχή). Музей, представая в качестве эффективного способа мифологизации информации, любое попадающее в сферу его влияния событие должен трансформировать в архе и поместить его в циклическое время. К. Хюбнер отмечает, что архе «постоянно повторяется, ибо оно является действующим в рамках профанного времени. Но оно остается идентичным себе, поскольку оно принадлежит вечному миру, недоступному смертным» [7, с. 128]. Соответственно, событие, ставшее архе в сакральном измерении музея, может воспроизводиться бесчисленное количество раз и оставаться при этом равным себе.

Сакральное пространство и время в музее служат основой для существования в социуме доступа к «первособытиям» и историческому прошлому. Музей становится местом свершения ритуалов, которые актуализируются в исторической памяти человечества посредством их циклического воссоздания. В музее категория «здесь и сейчас» становится равноценной категории «там и тогда», что представляет собой оппозицию категории «время–вечность». События, свершившиеся в «мифические времена», не утрачивают своей значимости и не предаются забвению, которое по сути равнозначно уничтожению любой исторической преемственности и социальной памяти общества.

Накопление, сохранение и трансляция социально значимой информации – основополагающая задача музея. Он оберегает общество от утраты накопленных за многие столетия ценностей. М. Элиаде отмечает, что «человек первобытного общества не только обязан восстанавливать в памяти мифическую историю своего племени, но и время от времени *актуализировать* значительную ее часть» [8, с. 23], что в меньшей мере характерно для современного человека. В связи с этим воспроизведение архе в музее становится основой общественного единства и значимым условием для существования общего исторического прошлого.

Время в музее сакрально, что способствует наиболее эффективному сохранению и актуализированию в нем социального опыта. Усвоение знаний и впечатлений от взаимодействия и символического участия в событиях, свершавшихся в «мифические времена», представляет собой результативный способ интериоризации. Условием существования такого метода является то, что время в музее равнозначно времени в мифе, в котором отсутствует членение целостного временного потока на отдельные позиции. Время в музее также циклично и целостно, как и в мифе. События, воспринимающиеся в профанном измерении в качестве необратимого прошлого, в музее существуют в настоящем времени. Музей предоставляет социуму возможность соприкоснуться с сакральным временем и посредством этого приобрести эмоциональный опыт взаимодействия с историческим прошлым.

В музее время представлено в циклическом виде. Каждый раз, приходя на экспозицию, человек оказывается среди свершившихся событий. Однако они не утрачивают своей значимости и не уходят в небытие благодаря ритуалам, которые воссоздают и воспроизводят их, тем самым снова наполняя жизнью. Подобные ритуалы, свершающиеся в музее, значимы для общества. Е. В. Листвина и М. О. Орлов отмечают, что для устойчивого развития общества необходим процесс наращивания в нем социальных связей [9, с. 175]. Сакральное пространство и время музея устраняют границу, разделяющую общество с его прошлым, и сохраняют преемственность, которая является необходимой основой для дальнейшего существования и развития социума.

Пространство в музее, как и в мифе, «не изотропно, так как отнюдь не все равно, в каком направлении распространяется последовательность событий» [7, с. 155]. В музее задается определенное направление раскрытия информации о представленных исторических фактах. Пространство в музее структурировано и организовано особым образом для того, чтобы посетители воспринимали представленное информационное содержание последовательно. Основная цель музея состоит в создании условий для восприятия социумом истории не как ряда разрозненных единичных фактов, а как целостного процесса, в котором каждый элемент и каждое событие имеют свое единственное и неповторимое место, а вместе с ним и значение.

Координаты в пространстве музея присваиваются всему тому, что представлено в экспозиции. Свободное размещение экспонатов невозможно, так как оно может нарушить целостность

сакрального пространства и времени, тем самым переводя эти две фундаментальные основы музея на профанный уровень. Именно возможность возникновения подобной ситуации служит причиной того, что каждое вносимое в экспозицию изменение проходит проверку и имеет обоснование, а также представляет значимость и важность для научно-просветительских целей музея.

В пространстве музея конструируются условия для принятия первособытий. Однако при всем разнообразии историй, фактов и тем многие экспозиции отсылают к одному и тому же архе. Музей становится для социума пространством, удобным для воспроизведения первособытий и взаимодействия с ними из разных локаций, располагающихся в профанном пространстве. Появление новых музеев делает доступ к архе наиболее комфортным и стабильным для социума. Распространение музеев как точек сосредоточения сакрального среди профанного пространства – одна из социокультурных тенденций современного общества, стремящегося к гомогенизации под влиянием направленной государственной политики.

Мифологизация пространства и времени в музее служит необходимым условием универсализации способов трансляции обществу социокультурных кодов и ценностей. Сакральное пространство и время музея формируют условия для интуитивного восприятия обществом транслируемой информации. Музей сосредотачивает объекты материального и нематериального мира в своем универсальном и упорядоченном пространстве для удовлетворения социокультурных потребностей различных социальных групп. Собранные объекты оцениваются и декодируются экспертами, а также посредством задействованных музеем внутренних процедур трансформируются в форму, которая является наиболее эффективной для целей мифологизации.

Современный музей, сохраняя за собой особенности сакрального измерения, успешно существует в техногенном мире, где ценность представляет рационализированное научное знание. Однако при этом он продолжает работать с наиболее устойчивой и эффективной формой трансляции информации для социума – с мифом – формой фиксации социального, а не индивидуального опыта. Подобная особенность является значимой для музея, ориентированного на работу не только с отдельными индивидами, но и с многочисленными социальными группами.

Заключение

Музей для сохранения возможности использовать в своей работе миф, а вместе с ним и особенности мифического пространства и времени, которые обладают сакральными свойствами, обеспечивающими функционирование научных моделей работы с материальными и нематериальными объектами наряду с направленным формированием сакрального пространства и времени, применяет научные методы работы с экспонатами и информацией о них. Эти методы также задействуются при оформлении экспозиции, что способствует рационализации и «разумному» объяснению историй, сведений и фактов, принявших в пространстве музея форму мифа.

Пространство и время в музее являются зеркалом не только мифических мотивов, но и доминант развития современного мира. Эти фундаментальные основы концентрируют все наиболее значимые черты, присущие человеческим сообществам с целью их дальнейшей трансляции социуму. Пространство и время объединяют в себе повседневный и обыденный опыт жизни людей и предстают в качестве созданной обществом комфортной среды для жизни.

Список литературы

1. Петрунина Е. А. Социально-философский подход к изучению пространства и времени в музее // Вестник развития науки и образования. 2018. № 2. С. 76–81.
2. Фёдорова И. В. Сакральное и его понятийно-терминологический статус // Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 72–75.
3. Петрунина Е. А. Феномен музея в современных трансформационных социокультурных процессах: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2021. 291 с.
4. Ермоленко Е. В. Пространственное ядро в структуре музея // Архитектура и современные информационные технологии. 2017. №. 2 (39). С. 68–80.
5. Хадсон К. Влиятельные музеи / пер. с англ. Л. Мотылев. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. 194 с.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
7. Хьюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. М. : Республика, 1996. 448 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа. 4-е изд. / пер. с фр. В. П. Большакова. М. : Академический проспект, 2010. 256 с.
9. Листвина Е. В., Орлов М. О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. № 1 (45). С. 174–189.

References

1. Petrunina E. A. Social and philosphical approach to the examination of space and time in the museum. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education Development], 2018, no. 2, pp. 76–81 (in Russian).
2. Fyodorova I. V. The Sacral and its Conceptual-terminological Definition. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian Vector], 2011, no. 2, pp. 72–75 (in Russian).
3. Petrunina E. A. *The Phenomenon of the Museum in Modern Transformational Socio-Cultural Processes: Socio-Philosophical Analysis*. Diss. Cand. Sci. (Philos.). Saratov, 2021. 291 p. (in Russian).
4. Ermolenko E. V. Spatial core in the museum's structure. *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii* [Architecture and Modern Information Technologies], 2017, no. 2 (39), pp. 68–80 (in Russian).
5. Hudson K. *Museums of influence*. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, Cambridge University Press, 1987. 220 p. (Russ. ed.: Hudson K. *Vliyatel'nye muzei*. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001. 194 p.).
6. Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN, 2000. 407 p. (in Russian).
7. Hübner K. *Die Wahrheit des Mythos*. München, Verlag C. H. Beck, 1985. 465 p. (Russ. ed.: Hyubner K. *Istina mifa*. Moscow, Respublika, 1996. 448 p.).
8. Eliade M. *Aspects du mythe*. Paris, Gallimard, 1963. 246 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Aspekty mifa*. Moscow, Akademicheskij prospekt, 2010. 256 p.).
9. Listvina E. V., Orlov M. O. The vital space of a civilization. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2007, no. 1 (45), pp. 174–189 (in Russian).

Поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 10–13

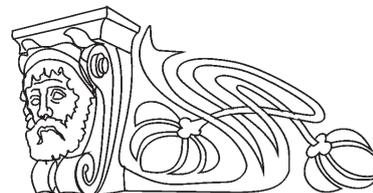
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 10–11

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-10-13>, EDN: SIXSJU

Научная статья

УДК [1:316]+111.32

Цивилизационная основа бытийственности институционального человека

В. Н. Артёмов

Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 412300, Саратовская область, г. Балашов, ул. К. Маркса, д. 29

Артёмов Владимир Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, vladimir-artemov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7624-6375>

Аннотация. Введение. Атеистическая литература настаивает на том, что религиозная вера обязана своим возникновением невежеству человека. В свою очередь это «невежество» человека тесно связано с онтологическими основаниями институционального человека, определяющими цивилизационную основу его бытийственности. **Теоретический анализ.** Преодолевая интеллектуальную ограниченность, исследование онтологических оснований становления социального бытия в настоящее время приобретает важное как научное, так и социально–политическое значение в развитии социального пространства. Рассматривая бытие человека через категорию институционального человека, философская концепция институционального человека предполагает разноплановые исследования, включающие анализ цивилизационной основы бытийственности социального пространства и жизненного пространства человека как взаимообусловленных категорий, связанных с историческими задачами. **Эмпирический анализ.** В настоящее время действие законов развития социального бытия в контексте задач истории остаётся мало проработанной проблемой. Когда вскрывается взаимообусловленность законов самоорганизации и организации бытия, рождается новое знание, расширяется цивилизационная основа бытийственности институционального человека. **Заключение.** Расширяющиеся возможности вышедшей в космос цивилизации влекут изменения в организации социального бытия. Появляются новые смыслы институционального человека – Человека системы мироздания.

Ключевые слова: институциональный человек, законы организации и самоорганизации, культура, онтологические и ценностные основания, сознание, философские смыслы, цивилизационная основа

Для цитирования: Артёмов В. Н. Цивилизационная основа бытийственности институционального человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 10–13. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-10-13>, EDN: SIXSJU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The civilizational basis of the beingness of an institutional person

V. N. Artyomov

Balashov Institute (branch) of the Saratov State University, 29 Carl Marx St., Balashov, Saratov Region 412300, Russia

Vladimir N. Artyomov, vladimir-artemov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7624-6375>

Abstract. Introduction. Atheistic literature insists that religious faith owes its origin to human ignorance. In its turn, this ‘ignorance’ of a person is closely connected with the ontological foundations of an institutional person determining the civilizational basis of his or her beingness. **Theoretical analysis.** Overcoming intellectual limitation the study of the ontological foundations of the formation of social being is now acquiring important scientific and socio-political significance in the development of social space. Considering the existence of a person through the category of an institutional person the philosophical concept of an institutional person involves diverse studies including both the analysis of the civilizational basis of the beingness of the social space and the living space of a person as mutually conditioned categories connected with historical tasks. **Empirical analysis.** Despite the perfect understanding of the laws of dialectics, the effect of the laws of the development of social being in the context of the tasks of history remains a poorly developed problem at the present time. Revealing the interdependence of the laws of self-organization and organization of being a new knowledge is born, and the civilizational basis of the beingness of an institutional person expands. **Conclusion.** The expanding possibilities of the civilization that has entered the space entail changes in the organization of social life. New meanings of an institutional person – a person of the universe system – are emerging.

Keywords: institutional person, laws of organization and self-organization, culture, ontological and value foundations, consciousness, philosophical meanings, civilizational basis

For citation: Artyomov V. N. The civilizational basis of the beingness of an institutional person. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 10–13 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-10-13>, EDN: SIXSJU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Введенная в научный оборот на рубеже веков категория «институциональный человек» наиболее полно отражает сущностные особенности человека. Институциональный человек – это не просто человек системы, а человек соотвественности интересам социальных институтов развития цивилизации. В обыденной жизни он раскрывает себя как добропорядочный человек, выражающий смыслы социальной справедливости. Рассматривая бытие человека через категорию институционального человека, философская концепция институционального человека предполагает разноплановые исследования, включающие и анализ цивилизационной основы бытийственности социального и жизненного пространства человека как взаимообусловленных категорий, опосредованно связанных с историческими задачами.

Теоретический анализ

Анализ цивилизационной основы бытийственности институционального человека в культурной плоскости социального пространства общества и жизненного пространства человека раскрывает не только онтологические и ценностные основания его существования, но и сопряженный с законами бытия процесс социального развития. Подмеченная Платоном и Аристотелем взаимообусловленная связь между человеком и обществом отражает действия законов социальной диалектики. Несмотря на то, что законы диалектики являются общепризнанными, действие законов развития социального бытия, законов организации социального пространства общества и жизненного пространства человека в контексте задач истории и в настоящее время остается мало проработанной темой.

Философский анализ Платоно-Аристотелевского наследия позволяет подойти к пониманию того, что конкретному общественному строю всегда соответствует и человек этого строя. Ценностные основания, культура, политика, экономика, формируют цивилизационную основу институционального человека, отражают законы организации социального бытия. Это не подвергалось сомнению, пока человечество не стало осваивать космическое пространство. Когда цивилизация покидает земную колыбель, выходит в космос, одних «человеческих» законов организации социального пространства, без учёта онтологических оснований, для достижения гармонии обще-

ственного развития становится недостаточно. Дело в том, что законы социально-политической организации в социальном пространстве тесно переплетаются с диалектикой законов самоорганизации бытия. Действие законов самоорганизации бытия, формирующих онтологические основания развития социального бытия в контексте исторических задач цивилизации, наглядно прослеживается в становление мировых религий.

На рубеже XVIII–XIX вв. появляются новые взгляды на историю как на законосообразный процесс. Это обстоятельство позволило мыслителям уже в то время сделать вывод о том, что «бури, еще так недавно пережитые Францией, очень ясно показали, что ход исторических событий определяется далеко не одними только сознательными поступками людей» [1, с. 316]. Именно в то время зарождается и озвучивается мысль о том, что революционные преобразования совершаются под влиянием какой-то скрытой необходимости.

Понимание того, что историческое развитие общества подвержено влиянию объективных законов бытия, на первый взгляд, довольно сложно. Чтобы уловить смыслы истины, возникает потребность скорректировать миропонимание человека, освободить его от усвоенных им ранее представлений, предложить человеку критически переосмыслить философские категории свободы, необходимости, предопределенности, фатализма. Человеку при вычлениении рациональных философских категорий предстоит заново выстроить систему своих взглядов.

Философский анализ онтологических оснований социального бытия вскрывает существование законов самоорганизации бытия, также оказывающих влияние на социальное развитие. Законы онтологии и законы социального развития образуют систему законов становления социального бытия цивилизации. В этом случае философское осмысление истории религии и церкви расширяет понимание сущности природы социального бытия и его связи с онтологией. Когда раскрываются смыслы законов самоорганизации бытия, выражающих рациональность системы, обосновывается разумность социальной организации в зависимости от конкретной исторической эпохи и стоящих перед обществом исторических задач. Проявляясь через религию в пространстве социального бытия, законы самоорганизации, выражая справедливость и рациональность, также генерируют в человеке добродетель, открывают новые смыслы институционального человека.

Зарождаясь на ограниченных территориях планеты, локальные социумы (семья, род, племя, народность) формируют свое социальное пространство. Проявляясь в формирующемся социальном пространстве, онтологические основания институционального человека, отражая действия законов самоорганизации бытия, предполагают становление у людей мифологических воззрений и религиозных верований. В силу объективных причин существования онтологических оснований социального бытия у древних народов зарождается идолопоклонничество, древнегреческое и славянское многобожие – начинается процесс становления религий как отражение латентных связей человек – мироздание. С развитием цивилизации отражается историческая необходимость, формируется культура единобожия, монизма. Параллельно с развитием религиозных представлений о мире в философии возникают идеи пантеизма.

С расширением географии социального пространства меняется ментальность общества. Из религиозных верований, обеспеченных эволюцией философии, рождаются национальные и транснациональные религии. Континентальные пространства и глобальные социумы (государства, нации, цивилизации), меняя масштабы исторических задач, трансформируют религии в мировые религии. Обобщаются вопросы онтологии и социального бытия. Раскрывая смыслы религии в существующих исторических условиях, философия открывает конкретные цели института церкви и религии в решении как частных задач спасения человека от бесовщины в земной жизни, так и социально-политических задач сплочения народов и объединения государств.

Становление буржуазного общества, развитие либеральной идеологии, естествознания и сознательное игнорирование латентных связей человек – мироздание на определенном этапе исторического развития культивируют процесс размежевания философии с теологией. Отражая классовые интересы в философии, противопоставляясь друг другу, развиваются материалистическое и идеалистическое направления. Претендуя на абсолютную истинность научного знания с навязчивой идеей «человек – царь природы», естествознание провоцирует антагонистическую борьбу с богословием. Формируется атеистически ограниченное миропонимание, исключающее онтологические основания организации социального бытия.

Эмпирический анализ

Опираясь на успехи естествознания, либерально-атеистическая литература достаточно

успешно отстаивает идею о том, что религиозная вера обязана своим возникновением человеческому невежеству. Непонимание того, что духовное и материальное есть разные ипостаси проявления единства сущего, приводит к тому, что естествознание, игнорируя ноумены и вторгаясь в ноосферу, не может самостоятельно с помощью феноменов объяснить те или иные «сверхъестественные» природные факты. Более того, опираясь в вопросах происхождения мироздания на теорию «Большого взрыва», естествознание стало готовить великий обман науки [2]. Ограниченное «научными» пределами, социальное пространство стало препятствовать расширению жизненного пространства человека, породив в XX в. массу социально-экономических проблем, приведших к глобальному кризису в развитии социального бытия.

История философии показывает, что сущностное единство «материального» и «идеального» достаточно широко исследовано философской наукой. Имена М. В. Ломоносова [3, с. 93], В. С. Соловьёва [4, с. 18], С. Л. Франка являют яркий тому пример. Действие «Бога в нас и на нас есть условие нашего собственного существования» [5]. Категория амбивалентности, предложенная Э. Блейлером как двойственность восприятия, позволяет современной философии критически подойти к анализу естественнонаучной мысли. Ноумен – феномен, идеальное – материальное, естественное – сверхъестественное, организация – самоорганизация. Используя категорию амбивалентности в философии, наука получает возможность подобно общему знаменателю в математике согласовывать все уровни знания и открывать новое.

Философский анализ законов самоорганизации социального бытия вскрывает сущность ноуменов православной религии. Смыслы триединства Бога раскрываются как проявление разных уровней системы самоорганизации разумной (законосообразной) природы Бытия. Философская концепция институционального человека дает возможность рационально объяснить существующими латентными связями человека (микрокосмоса) и макрокосмоса (ноосферы мироздания) общую основу возникновения науки и религии.

Уделяя внимание развитию робототехники, искусственного интеллекта, естествознание и сегодня в своей практике старается не оперировать амбивалентностью. Вопрос естественного интеллекта, носителем которого выступает человек, рассматривается естествознанием как абсолютный феномен. Используя амбивалентность при анализе природы факта, философия

раскрывает систему естественного интеллекта, сознания, разума, жизни не столь категорично и значительно шире.

Кибернетика и синергетика (организация и самоорганизация), распространяясь на социальную сферу, объективируют эти факты как в социальном пространстве общества, так и жизненном пространстве человека, причем организация и самоорганизация бытия раскрываются как взаимообусловленные процессы [6]. В этом случае действительно невежеством человека приходится объяснять ограниченность его внутренней культуры и, как следствие, ложную религиозность, проявляющуюся в виде атеизма или разного рода прикрытого религиозностью сектантства.

В начале XX в. получает развитие идея о ноосфере, мыслящей оболочки в сфере Земли. Но человек вышел в открытый космос, и сегодня уже с научной точки зрения можно говорить о том, что ноосферу может генерировать не только разум человека, но и другие самоорганизующиеся системы бытия, воспринимаемые человеком в настоящее время еще как сверхъестественные силы. Являясь элементом феномена жизни и составной частью сознания, рождаясь в одномерном пространстве бытия, мысль логично поясняет, почему в христианской религии как отражение объективной реальности раскрывается смысл Бога как Святого духа. Более того, когда человек замыкается в себе, производится мысль о мысли, идея. Сознание как мыслящая душа мироздания отражает в православии сущность Бога Отца и Творца, приобретает научную окраску и раскрывает диалектику становления в различных ипостасях бытия естественного разума природы. Разум (законы) системы, интегрируясь с ее духом, в трехмерном пространственно-временном континууме, дает биологическую жизнь и Человеку, сыну Божьему.

Заключение

Онтологические основания социальной организации бытия объясняют смыслы взаимосвязи Человек – Мироздание и законы существования ноосферы, которые сегодня необходимо учитывать при созидании современного демократического общества. Понимание амбивалентности самоорганизации (сверхъестественного или божественного) и организации (естественного или человеческого) бытия определяет значимое место человека не только в

системе Бытия, но и организации этой системы. Институциональный человек раскрывается как человек системы мироздания. Расширяющиеся благодаря прогрессу возможности человека вышедшей в космос цивилизации меняют цивилизационную основу бытийственности институционального человека, влекут изменение в организации социального пространства, так как новые технологии предполагают не вторжение, а встраивание в ноосферу бытия.

Список литературы

1. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. М. : Государственное издательство политической литературы, 1956. Т. 2. 824 с.
2. Филатов В. В. Антифилософия. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2007. 132 с.
3. Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. 759 с.
4. Соловьёв В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 1. 688 с.
5. Франк С. Л. Духовные основы общества. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshchestva/ (дата обращения: 10.03.2017).
6. Артёмов В. Н. Принципы самоорганизации материального мира // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 10, ч. 5. С. 921–923.

References

1. Plekhanov G. V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t.* [Selected philosophical works: in 5 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956, vol. 2. 824 p. (in Russian).
2. Filatov V. V. *Antifilosofiya* [Antiphilosophy]. Saratov, Saratov State University Publ., 2007. 132 p. (in Russian).
3. Lomonosov M. V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959. 759 p. (in Russian).
4. Solovev V. S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Pravda, 1989, vol. 1. 688 p. (in Russian).
5. Frank S. L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* (Spiritual Bases of Society). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshchestva/ (accessed 10 March 2017) (in Russian).
6. Artemov V. N. The principles of self-organization of the material world. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2015, no. 10, part 5, pp. 921–923 (in Russian).

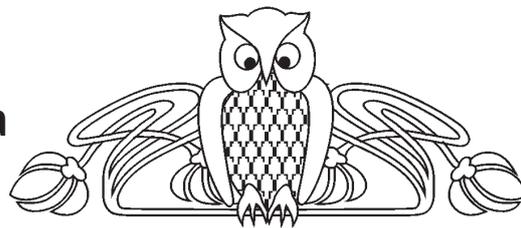
Поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 14–18
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 14–18
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-14-18>, EDN: RJCVCМ

Научная статья
УДК [004.8:001.891](100)|19|

Метатренды и мифологемы тематики искусственного интеллекта западного научного дискурса

И. В. Батурина

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Батурина Ирина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Devizzina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4159-797X>

Аннотация. Введение. На протяжении 50 лет тема искусственного интеллекта остается ведущей в пределах широкого спектра научных отраслей. **Теоретический анализ.** Предварительная аналитика базы данных Scopus результируется рейтингом публикационной активности, в котором social sciences (общественные науки) занимают инсайдерские позиции наряду с computer sciences и некоторыми другими областями. С 60-х гг. прошлого века по настоящее время происходил экспоненциальный рост научных публикаций, содержащих маркировку «artificial intelligence» в наименованиях, аннотациях и ключевых словах. **Эмпирический анализ.** В статье предпринята попытка с опорой на элементарные числовые показатели и качественной контент-аналитики выявить тренды тематики искусственного интеллекта в западных общественных науках, эволюции ключевых направлений исследования, а также основных мифологем научного дискурса. Выборка вербальных маркеров производилась в соответствии с двумя условно обозначенными категориями: «тренды», или частотные инженерно-технические и социально-гуманитарные термины; «мифологемы», т. е. элементы вторичной семиотической системы, альтернативные «буквальному» смыслу. **Заключение.** Исследование предваряется гипотезой: social sciences ввиду спецификации дискурса и предметного спектра содержат «натурализованные» мифологемы, связанные с другими дискурсивными практиками и преломляющие научно-технические интерпретации предмета изучения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, НБИК-конвергенция, мифологема, мифологизация, дискурс, технология, антропоморфизация

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011. «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Батурина И. В. Метатренды и мифологемы тематики искусственного интеллекта западного научного дискурса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 14–18. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-14-18>, EDN: RJCVCМ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Megatrends and mythologems of artificial intelligence topics in Western scientific discourse

I. V. Baturina

South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

Irina V. Baturina, Devizzina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4159-797X>

Abstract. Introduction. For fifty years, the topic of artificial intelligence has remained leading within a wide range of scientific fields. **Theoretical analysis.** Preliminary analysis of the Scopus database results from a rating of publication activity, in which social sciences occupy insider positions along with computer sciences and some other areas. From the 60s of the past century to the present, there has been an exponential growth of scientific publications containing the label “artificial intelligence” in titles, abstracts and keywords. **Empirical analysis.** The article attempts, based on elementary numerical indicators and qualitative content analytics, to identify trends in the subject of artificial intelligence in Western social sciences, the evolution of key research areas, as well as the main mythologies of scientific discourse. **Conclusion.** The research is preceded by the hypothesis: social sciences, owing to the specification of discourse and the subject spectrum, contain “naturalized” mythologems associated with other discursive practices and refractive scientific and technical interpretations of the subject of study. **Keywords:** artificial intelligence, NBIC-convergence, mythologeme, mythologization, discourse, technology, anthropomorphization

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation. Competition “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups” (regional competition) 22-18-20011. “Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)”.

For citation: Baturina I. V. Megatrends and mythologems of artificial intelligence topics in Western scientific discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 14–18 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-14-18>, EDN: RJCVCM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Информационные технологии на протяжении нескольких десятилетий занимают третью позицию в популярной аббревиатуре НБИК и ее социально-гуманитарной вариации НБИКС [1, 2]. Конвергентные технологии позиционируются в качестве локомотива четвертой промышленной революции с мобильным Интернетом, миниатюрными «смарт»-устройствами и обучающими машинами [3, с. 11]. Технологии искусственного интеллекта среди названных мейнстримов в определенном смысле занимают отдельную нишу. В этой связи научные базы данных выступают в качестве одного из указателей актуальности исследования данного вопроса. Изучая тематику базы данных Scopus, можно зафиксировать интенсивность роста в 1970-е гг. научных статей, в ключевых словах которых значится «artificial intelligence». Предварительные данные аналитики базы данных Scopus свидетельствуют о том, что в 1960 г. индексировалась только 1 публикация, в 1970 г. – 10, в 1980 г. – 29. В 2020 г. в базе было размещено уже 5 888 работ. Научный интерес к теме растет, в 2021 и 2022 гг. тенденция частотности упоминаний об искусственном интеллекте остается устойчивой.

В поле исследования включены труды, хронологический период которых охватывает три десятилетия (60-е и 70-е гг., 2010–2020 гг.). Контент-анализ и вербальные маркеры применялись в качестве методов при работе над источниковой базой. Вербальные маркеры фиксировались с учетом условно обозначенных категорий. Мейнстримы научно-исследовательских практик выделялись через определения их частотного употребления. Так называемые «тренды» складывались из локализации научного интереса ученых в тематике искусственного интеллекта через устойчивую маркировку специфических технических, инженерных понятий и социально-гуманитарных терминов. В отличие от «трендов» при обозначении «мифологем» использовалась качественная аналитика. Элементы вторичной семиотической системы альтернативны «буквальному» смыслу. Они не соответствуют «научной объективности» в силу специфики применения и функционирования. Мифологемы складываются из различного рода оценок, критики. В частности, M. Goraliski пишет о том, что

искусственный интеллект с глубоким обучением оказал *существенное разрушительное воздействие* на бизнес, правительство и общество [4]. Очевидно, что здесь отчетливо просматривается негативная коннотация.

Данные по общественным наукам в Scopus позволяют обозначить три метатренда, в границах каждого из которых выделяются мейнстримовые темы. Мы условно назвали эти метатренды «технологический», «социальный» и «антропологический». Представление основных результатов коррелирует с хронологическим порядком индексации публикаций (сначала 60–70-е гг., затем 2010–2020 гг.).

Теоретический анализ

Технологический метатренд

В 60-е гг. технологический тренд представлен темами распознавания образов и машинного обучения. В 70-е гг. он дополняется языковой тематикой: автоматическая обработка языка и конструирование систем понимания языков. Наряду с этими темами появляются публикации, посвященные моделированию восприятия и вербального поведения. Выделенные темы находятся на пересечении метатрендов и фактически входят в зону технологического, социального и антропологического трендов. Ведущий метод – моделирование. Аналитика данных периода 2010–2020 гг. свидетельствует о том, что исторические тренды не воспроизводятся частотно, возникают новые мейнстримовые темы. Среди них ведущие позиции делят: deepfake, аналитический интеллект, базы больших данных, глубокое обучение, Интернет вещей, машинное обучение, нейронные сети, умный город, эмоциональный интеллект. Доминирующий метод – сетевое моделирование, имеющее первоначальный исторический референс, но парадигмально смещающееся в зону прироста неконтролируемых (непрозрачных) данных.

Социальный и антропологический метатренды

В 70-х гг., как и в последующие десятилетия, распространялось мнение о деструктивных последствиях интеграции искусственного интеллекта в сферу труда. В первую очередь это касалось перераспределения рынка «перспективных» профессий и специализаций. В связи

с ожидаемым перераспределением аргументировались позиции о сокращении рабочих мест и фактически ликвидации целого спектра сфер деятельности. В social sciences возникали контрадикторные точки зрения, согласно которым искусственный интеллект, напротив, станет инструментом, снижающим уровень технологической безработицы.

Фактически в 70-х гг. некоторые исследователи предвидели интенсивное применение искусственного интеллекта в медицине, не ограниченное диагностикой. В частности, предполагалось, что технологию возможно применять для формирования информационных систем и баз данных клинических карт пациентов, в фармакологии, протезировании, геронтологии и радиологии. Зарубежные ученые прогнозировали использование искусственного интеллекта в образовательном тьюторинге. Что касается антропотренда, то ставка делалась на понимание естественного языка, действий, разработку компьютерных моделей поведенческих процессов человека.

Спустя 30 лет, социальный и антропологический метатренды существенно изменились. Перемены произошли по линиям интенсификации и экстенсификации. На основании контент-аналитики (2010–2020 гг.) можно обозначить следующие сферы применения технологии: *бизнес* (изменение карты бизнес-отраслей, сбор данных для повышения эффективности бизнес-планирования); *городское планирование и инфраструктура* (прогнозирование транспортных потоков, аварий, самоорганизация городских производств); *государственный сектор* (оптимизация системы государственных услуг, разработка военных приложений в рамках «гонки вооружений»); *медицина* (решение проблемы экстренной помощи, повышение квалификации медицинских работников, диагностирование тяжелых болезней с помощью использования технологий глубокого обучения); *образование* (развитие образовательных роботизированных систем, внедрение алгоритмов глубокого обучения); *рынок труда* (цифровой труд и «краудворкинг», передача цифрового труда на аутсорсинг); *охрана окружающей среды и ресурсосбережение* (социальные и индивидуальные практики, меры государственной поддержки в сфере рационального использования природных ресурсов); *юридическая сфера* (вычислительные модели юридических рассуждений, аналитика юридического текста, развитие AI-Crime).

В границах антропологического тренда на первый план выходят темы защиты досто-

инства (риски искажения выходных данных, информационное неравенство, манипуляция персональными данными), грамотности и образования (приоритет квалификации в сфере информационных технологий, вопрос о формировании технологически грамотного пользователя, снижение удельного веса человека в системе образования). Активно обсуждается проблема будущего идеологии и трансформации гражданской самоидентификации человека.

Тема мифологизации искусственного интеллекта первоначально разрабатывалась за рубежом и была представлена рядом серьезных монографических исследований и научных статей. Такие авторы, как Моско, Натали и Валлаторе, Раян, Доуриш и Белл акцентируют внимание на интерпретации мифологии технологий или на конкретных кейсах, в частности Э. Дэвис [5]. При этом, на наш взгляд, собственно мифологемам отводится сравнительно небольшое место. Концептуализация мифологем, конкретных узлов мифотворческой конструкции также представляется необходимым шагом на пути дескрипции и аналитики актуального вторичного семиозиса.

В результате анализа научной базы данных и дискурса social sciences были выявлены и условно обозначены некоторые базисные мифологемы. Руководствуясь задачей предварительной систематизации, мы составили краткий перечень вторичных семиотических конструкций и дефиницировали каждую из них.

Аналогизация – прием мифотворчества, сопрягающий гетерогенные феномены и фиксирующий содержание одного через содержание другого. В отличие от мысленной аналогии как эвристического приема аналогизация не служит в качестве иллюстрации или методологической редукции, а фактически используется как онтологема, т. е. результат некоей «истинностной» интерпретации, объяснения «реальности». Разработка искусственного интеллекта согласно данным аналитики научного дискурса social sciences фундирована на знаниях об естественном интеллекте. Поэтому основным источником в процессе исследования интеллектуальной системы являются мысли, идеи и деятельность человека [6]. Формулировка «знания внутри машины» также служит ярким примером аналогизма [7].

Актуализация – кластер мифологем, фокусирующихся на уникальности и значительном удельном весе существующей или разрабатываемой технологии. Типичный пример актуализации можно увидеть в статье Дж. Ниу, В. Танг, Ф. Ху, Х. Шоу, Я. Сонг, указывающих на то, что библиометрический анализ проведенного ими

исследования значительно помог прийти к пониманию закономерностей прогресса в области искусственного интеллекта [8].

Историзация. У данного термина есть эпистемологическая интерпретация, фокусирующаяся на становлении и развитии определенной научной практики [9]. В контексте мифологии технологий мы фиксируем термином иной смысл. Под «историзацией» понимается мифологизирующая дискурсивная технология, фокусирующаяся на «истоках» феномена для увеличения его удельного социального веса. Например, Дж. Рейс пишет, что изучение искусственного интеллекта длится уже более 60 десятилетий [10].

Футуризация – кластер мифологем, формирующих представление о неопределенно высокой значимости технологии в будущем. В отличие от практик прогнозирования (форсайтинга, форкаст-технологий, сценарирования) в границах мифологемы не содержатся данные анализа гипотетически деструктивных (неоднозначных) последствий интеграции технологии. Характерный пример мифологемы: «Предстоящая революция искусственного интеллекта» [11]. Здесь будущее предстает как несколько иная качественная модальность и в сравнении с прошлым оно встроено в систему мифологемы.

Топологизация – дискурсивная практика маркировки технологии в системе общих пространственных пропозиций. Как правило, мифология функционирует при помощи двух маркеров – «расширения» (экстенсификация) и «углубления» (интенсификация). В качестве примера можно привести мысль Я. Дуана, который пишет о расширении технологических возможностей в последние годы, а также об активной экстенсификации нового поколения искусственного интеллекта [12].

Мифоантропологема – вероятно, наиболее популярный продукт мифологизирующих технологий, позволяющий конструировать предмет дискурса при помощи апелляции к миру человека (телу, сознанию, эмоциям и т. д.). В философско-гносеологическом фокусе антропологизация была выражена, например, в метафорике «идолов рода» Ф. Бэкона и определялась как один из искажающих и принципиально неустранимых способов восприятия предмета. Допущение «естественности» перверсивной перцепции во все не значит, что она не может обслуживать дискурсивные техники. Разнообразие примеров в данной категории довольно велико. В качестве мифологического «тренда» можно обозначить

«смартизацию», т. е. буквально установку на качественное изменение технологий и социальных пространств. Дело в том, что ближайший эквивалент «смартизации» может быть выражен сравнительно редкой лексемой толкового словаря – «поумнение».

Заключение

Итоги аналитики научных работ западного научного дискурса выявляют низкий удельный вес антропологического метатренда по сравнению с технологическим и социальным. При таком результате антропоморфизация как мифологема, напротив, имеет значительную степень распространения. Элементы топологического порядка (локальность, территория) на дискурсивном уровне также входят в зону «смартизации». Согласно данным научного контента базы Scopus в 20-х гг. XX в. наблюдается экстраполяция технологической «смартизации» на антропологические практики. Она в числе прочего маркирует деятельность (например, диагностику в медицине), имеющую значительный технологический, естественнонаучный фундамент и связанную с вычислительными операциями, алгоритмами и специальными методами. Процесс мифологизации имеют суггестивный заряд, вследствие чего результаты «смартизации» могут носить неоднозначный характер. Данная корреляция, получая научное подтверждение, находится в сфере констатирования. В ходе трансформации дискурсивных практик в традиции с ними будет все труднее дискутировать.

Список литературы

1. Аршинов В. И. Социальное измерение NBIC-междисциплинарности // Философские науки. 2010. № 6. С. 22–35.
2. Кричевский Г. Е. Введение в NBIC-технологии // Научно-публицистический журнал NBICS. 2017. № 1. С. 27–54.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2018. 288 с.
4. Goralski M. A., Tan T. K. Artificial intelligence and sustainable development // International Journal of Management Education. 2020. Vol. 18, iss. 1. P. 51–68. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2019.100330>
5. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М. : АСТ, 2008. 480 с.
6. Miller T. Explanation in artificial intelligence: Insights from the social sciences // Artificial Intelligence. 2019. Vol. 267. P. 1–38. <https://doi.org/10.1016/j.artint.2018.07.007>

7. London A. J. Artificial Intelligence and Black-Box Medical Decisions: Accuracy versus Explainability // *Hastings Center Republic*. 2019. Vol. 49, iss. 1. P. 15–21. <https://doi.org/10.1002/hast.973>
8. Niu J., Tang W., Xu F., Zhou X., Song Y. Global Research on Artificial Intelligence from 1990–2014: Spatially-Explicit Bibliometric Analysis // *International Journal of Geo-Information*. 2016. Vol. 5, iss. 5. P. 1–19. <https://doi.org/10.3390/ijgi5050066>
9. Baeva A. Historization of Scientific Observation in Modern Scientific Researches // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. Vol. 56, iss. 4. P. 46–61. <https://doi.org/10.5840/eps201956467>
10. Reis J. Artificial Intelligence Research and Its Contributions to the European Union’s Political Governance: Comparative Study between Member States // *Social Science*. 2020. Vol. 9, iss. 11. P. 1–17. <https://doi.org/10.3390/socsci9110207>
11. Makridakis S. The forthcoming Artificial Intelligence (AI) revolution: Its impact on society and firms // *Futures*. 2017. Vol. 90. P. 46–60. <https://doi.org/10.1016/J.FUTURES.2017/03/006>
12. Duan Y., Edwards J. S., Dwivedi Y. K. Artificial intelligence for decision making in the era of Big Data – evolution, challenges and research agenda // *International Journal of Information Management*. 2019. Vol. 48. P. 63–71. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.021>
4. Goralski M. A., Tan T. K. Artificial intelligence and sustainable development. *International Journal of Management Education*, 2020, vol. 18, iss. 1, pp. 51–68. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2019.100330>
5. Davis E. *Techgnosis. Myth, magic, and mysticism in the age of information*. New York, Harmony Books, 1998. 353 p. (Russ. ed.: Devis E. *Tekhnognozis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu*. Moscow, AST, 2008. 480 p.).
6. Miller T. Explanation in artificial intelligence: Insights from the social sciences. *Artificial Intelligence*, 2019, no. 267, pp. 1–38. <https://doi.org/10.1016/j.art-int.2018.07.007>.
7. London A. J. Artificial Intelligence and Black-Box Medical Decisions: Accuracy versus Explainability. *Hastings Center Republic*, 2019, vol. 49, iss. 1, pp. 15–21. <https://doi.org/10.1002/hast.973>
8. Niu J., Tang W., Xu F., Zhou X., Song Y. Global Research on Artificial Intelligence from 1990–2014: Spatially-Explicit Bibliometric Analysis. *International Journal of Geo-Information*, 2016, vol. 5, iss. 5, pp. 1–19. <https://doi.org/10.3390/ijgi5050066>
9. Baeva A. Historization of Scientific Observation in Modern Scientific Researches. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, iss. 4, pp. 46–61. <https://doi.org/10.5840/eps201956467>
10. Reis J. Artificial Intelligence Research and Its Contributions to the European Union’s Political Governance: Comparative Study between Member States. *Social Science*, 2020, vol. 9, iss. 11, pp. 1–17. <https://doi.org/10.3390/socsci9110207>
11. Makridakis S. The forthcoming Artificial Intelligence (AI) revolution: Its impact on society and firms. *Futures*, 2017, vol. 90, pp. 46–60. <https://doi.org/10.1016/J.FUTURES.2017/03/006>
12. Duan Y., Edwards J. S., Dwivedi Y. K. Artificial intelligence for decision making in the era of Big Data – evolution, challenges and research agenda. *International Journal of Information Management*, 2019, vol. 48, pp. 63–71. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.021>

References

1. Arshinov V. I. The Social Dimension of NBIC-Interdisciplinarity. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2010, no. 6, pp. 22–35 (in Russian).
2. Krichevskiy G. E. Introduction to NBICS-Technologies. *Nauchno-publitsisticheskiy zhurnal NBICS* [Scientific Journal NBICS], 2017, no. 1, pp. 27–54 (in Russian).
3. Schwab K. *The fourth industrial revolution*. New York, Crown Business, 2017. 192 p. (Russ. ed.: Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revoljutsiya*. Moscow, Eksmo, 2018. 288 p.).
11. Makridakis S. The forthcoming Artificial Intelligence (AI) revolution: Its impact on society and firms. *Futures*, 2017, vol. 90, pp. 46–60. <https://doi.org/10.1016/J.FUTURES.2017/03/006>
12. Duan Y., Edwards J. S., Dwivedi Y. K. Artificial intelligence for decision making in the era of Big Data – evolution, challenges and research agenda. *International Journal of Information Management*, 2019, vol. 48, pp. 63–71. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.021>

Поступила в редакцию 10.12.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 10.12.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 19–23
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 19–23
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-19-23>, EDN: RZJNMJ

Научная статья
УДК [316.334.3+28](594)|19|+929

Феномен «симбиоза» государственных структур и исламских организаций в современной Индонезии

В. В. Безменов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18

Безменов Владислав Владимирович, аспирант кафедры религиоведения, bezmenov.vlad@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7764-7003>

Аннотация. Введение. Статья посвящена феномену «симбиоза» государственного аппарата республики Индонезии и исламских организаций. **Теоретический анализ.** На протяжении всего периода с 1949 г. по настоящее время государственная власть и исламские религиозные организации находились в отношениях тесного сотрудничества. В статье выделяются три этапа в отношении ислама и государства. **Эмпирический анализ.** Первый этап – подчинение ислама государственному аппарату с 1975 по 1997 г. В 1975 г. был создан главный координирующий орган мусульман Индонезии – Индонезийский совет улемов. Второй этап – период борьбы за влияние в государстве во время президентского срока Абдурахмана Вахида (1998–2001), в прошлом являвшегося лидером крупнейшей исламской организации страны Нахдатул Улама. Третий этап взаимоотношений – времена симбиоза государственного аппарата Индонезии и исламских организаций. Его начало было положено в 2005 г. после речи президента Сусила Бамбанг Юдойоно о предоставлении Индонезийскому совету улемов автономии. **Заключение.** Религиозно-политическая ситуация в Индонезии – уникальный феномен. Несмотря на все попытки демократической власти отстранить ислам от политических и социальных решений, ей это не удалось.

Ключевые слова: Индонезийский совет улемов, Нахдатул Улама, Панчасила, Мухаммадия, Сукарно, Сухарто, Абдурахман Вахид, исламский активизм

Для цитирования: Безменов В. В. Феномен «симбиоза» государственных структур и исламских организаций в современной Индонезии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 19–23. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-19-23>, EDN: RZJNMJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The phenomenon of "symbiosis" of the state and Islamic organizations in modern Indonesia

V. V. Bezmenov

Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russia

Vladislav V. Bezmenov, bezmenov.vlad@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7764-7003>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the phenomenon of symbiosis of the state apparatus of the Republic of Indonesia and Islam. **Theoretical analysis.** Throughout its independence from 1949 to the present, the State power and Islamic religious organizations have been in close symbiosis. The article highlights three stages in relation to Islam and the state. **Empirical analysis.** The first stage was the subordination of Islam to the state apparatus from 1975 to 1997. In 1975, the main coordinating body of Muslims in Indonesia, the Indonesian Ulema Council (ISU), was established. The second stage is the period of struggle for influence in the state during the presidential term of Abdurahman Wahid (1998–2001), who was formerly the leader of the country's largest Islamic organization Nahdatul Ulama (NU). The third stage of the relationship is a time of symbiosis of the Indonesian state apparatus and Islamic organizations. It began in 2005 after the speech made by the President Susilo Bambang Yudhoyono on granting autonomy to the Indonesian Ulema Council. **Conclusion.** The religious and political situation in Indonesia is a unique phenomenon. Despite all the attempts of the democratic government to remove Islam from political and social decisions, it failed.

Keywords: Indonesian Council of Ulama, Nahdatul Ulama, Panchasila, Muhammadiyah, Sukarno, Suharto, Abdurrahman Wahid, Islamic activism

For citation: Bezmenov V. V. The phenomenon of "symbiosis" of the state and Islamic organizations in modern Indonesia. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 19–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-19-23>, EDN: RZJNMJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В XXI в. в Индонезии можно наблюдать симбиоз исламских религиозных организаций и государственного аппарата. Подобная ситуация стала возможна после парламентских выборов 1997 г., когда в стране пал военно-бюрократический режим президента Сухарто, существовавший в стране с 1968 г. Президент Сухарто для контроля многочисленных исламских организаций в 1975 г. создает Индонезийский совет улемов (далее – ИСУ). В него вошли все крупные исламские организации страны, как Нахатул Улама и Мухаммадия, так и мелкие территориальные объединения. Задача совета состояла в том, чтобы легитимизировать через религиозные постановления государственную повестку во внутренней и внешней политике [1, с. 71].

Совет успешно справлялся со своей ролью вплоть до ослабления режима Сухарто в начале 1990-х гг. После объявления новых парламентских выборов 1997 г. и курса на демократическое развитие совет резко активизировался в политической и социальной сферах. Как отмечает Л. М. Ефимова, «если при Сухарто ИСУ был призван помогать правительству контролировать различные мусульманские организации, то в условиях демократии Совет, по сути, превратился в идеологического монополиста, единственного интерпретатора ислама, верховного контролера мусульманской жизни Индонезии» [1, с. 81].

Парламентские выборы были назначены на 7 июня 1997 г. После первого этапа голосования в финал вышли три партии. Это партия Демократического развития Индонезии – 35,5 млн голосов избирателей; партия Глокар, придерживавшаяся старого направления развития страны – 23,1 млн голосов [1]; партия единства и развития, представлявшая умеренные мусульманские круги Индонезии – 11,2 млн голосов [2, с. 107].

Теоретический анализ

Выборы 1997 г. показали, что исламские политические партии в Индонезии не пользуются популярностью среди мусульман государства. Кроме партии единства и развития, возглавляемой бывшим лидером религиозной организации Нахдатул Улама (далее – НУ), в парламент пытались пройти еще 9 мусульманских политических партий. При первом взгляде на ситуацию непонятно, почему мусульманские партии, которые поддерживало население и

ИСУ, не смогли взять абсолютное большинство в парламенте. Отвечая на этот вопрос, мы одновременно раскрываем специфику индонезийской политической и религиозной культуры, которые сложились в стране на момент 1997 г.

Индонезия является крайне неоднородной страной по религиозному и национальному составу. Несмотря на то, что 87% жителей причисляют себя к исламу, важно понимать, что индонезийский ислам испытал огромное влияние индо-буддийской традиции и местных языческих верований. В 1990-е гг. повторилась ситуация 1920-х гг., когда в стране поднялись салафитские настроения на фоне борьбы с голландской колониальной администрацией [3]. Похожая ситуация была и после войны за независимость Индонезии в период с 1945 по 1949 г. [3]. Социальные изменения спровоцировали рост исламского активизма. Проблема заключалась в том, что под лозунгами лучшей жизни в Индонезии поднялись радикальные исламисты и обострились этно-религиозные конфликты [4].

При первом президенте Индонезии Сукарно еще до обретения независимости в 1945 г. была разработана концепция «Панчасила» (Пять основ), являвшаяся идеологическим фундаментом, скреплявшим индонезийское общество. Сама идеология выдвигала следующие принципы: 1) вера в единого Бога; 2) справедливость и цивилизованная гуманность; 3) единство страны; 4) демократия, направляемая разумной политикой консультации и представительства; 5) осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии [5]. Самым важным и спорным пунктом в этой доктрине являлась роль Бога в жизни государства. При Сукарно и Сухарто первый пункт Панчасила трактовался как вера в монотеистического Бога, а не бога конкретной конфессии. «Принципы Панчасила неизменно входили в преамбулы всех конституций страны, они включают веру в божественное всемогущество монотеистического толка» [2, с. 105].

Эмпирический анализ

Именно в попытке изменить первое положение доктрины в пользу ислама и объясняет крах исламских партий на выборах 1997 г. Как ни странно, мусульмане Индонезии испугались исламизации. Уже отмечалось, что индонезийский ислам вообрал в себя локальные традиции и представляет собой лоскутное полотно. В

связи с историческими особенностями развития ислама в регионе для многочисленных исламских народов Малайского архипелага не могло быть применено унитарное толкование ислама. С другой стороны, индонезийское общество не собиралось в полном объеме воспринимать западные демократические ценности и полностью отказываться от религиозных институтов, которые плотно вошли в него.

Парламентские выборы 1997 г. четко обозначили раскол в обществе и политических элитах. Исламский лагерь поддерживал ИСУ, который к 1997 г. стал богатейшим негосударственным учреждением в стране. «С 1989 года Совет практически монополизировал сертификацию халяльной продукции, что приносило ему огромные деньги» [1, с.77]. Исламским организациям в политической гонке противостояли военные и партийные деятели Глокар и Демократическая партия Индонезии, которая состояла из бывших оппозиционеров режима Сухарто.

Выход из тупика нашелся, но он был неожиданным для всех. После президентских выборов 1999 г. президентом становится лидер партии Единства и развития Абдуррахман Вахид. В прошлом он являлся главой умеренной исламской религиозной организации Нахдатул Улама. Вахиду удалось на короткое время стать связующим звеном между исламскими лидерами, военными и демократами. В политической сфере он задал курс на параллельную демократизацию общества и укрепление индонезийского ислама, опиравшегося на местные традиции.

Новый президент олицетворял так называемую «среднюю ось» в индонезийском исламе, которую не поддерживали исламские традиционалисты, выступавшие за создание исламского государства [3]. Политику Вахида в его короткий срок правления можно обозначить компиляцией исламской религиозной этики и западной демократии. «Идеалом нового президента является “индонезийский ислам” обращенный ко всей нации, обеспечивающий подлинный плюрализм в общественно-политической, культурной и религиозной сферах» [2, с. 112].

В 2001 г. президента Вахида отстранили от власти путем процедуры импичмента. Несмотря на его демократические взгляды и умеренную позицию в исламе, парламент и исламские группы были настроены против него. Мусульман не удовлетворяли его модернистские решения, а светский блок возмущала сама мысль о том, что во власти сидит бывший лидер НУ. Несмотря на короткий срок правления, Вахиду

удалось заложить дальнейшие принципы государственно-конфессиональных отношений в стране. Однако внутренняя турбулентность продлилась до 2004 г.

С уходом Вахида и приходом в 2001 г. лидера Демократической партии развития Индонезии Мегавати Сукарнопутри ситуация только обострилась. Новый президент постарался отстранить исламские религиозные организации от участия в государственных делах, что, соответственно, вызвало ответную реакцию. Кроме того, демократические преобразования нового президента также не нашли отклика среди рядовых верующих. В период правления Сукарнопутри исламские организации дистанцировались от политических процессов и начали активно заниматься социальной деятельностью. В стране, можно сказать, складывался феномен двоевластия.

К 2001 г. ИСУ являлся негосударственным законодательным органом. Кроме огромного капитала, совет имел настолько большой авторитет, что его фетвы служили негласным законом практически на всей территории Индонезии. Вахиду удавалось удерживать совет от выпадов в сторону власти, потому что руководящие посты в нем занимали выходцы из Нахдатул Улама. Кроме совета, активной социальной деятельностью занимались НУ и Мухаммадия. Они формировали огромную сеть частных учебных заведений. Организации также начали вести и зарубежную деятельность, в частности проводили консультации в исламских странах по вопросам формирования шариатского банкинга и других отраслей халяльной экономики. Все эти действия позволили создать в стране параллельную государственной систему образования и сектора экономики. Мухаммадия и НУ налаживали на территории Индонезии по стандартам шариата производство в секторах сельского хозяйства, фармацевтики, одежды, а ИСУ после проверки выдавал сертификат халяль и приставлял шариатского наблюдающего. Все эти действия фактически ставили в зависимость частный бизнес, который решил выйти на рынок халяль, что, безусловно, давало власть и капитал указанным организациям и ИСУ [6].

В 2005 г. ситуацию с неконтролируемым рынком халяль и огромной властью исламских организаций попытался решить президент Сусило Бамбанг Юдойоно. К этому времени конфликт власти и ислама достиг апогея: власть постоянно вмешивалась и пыталась подчинить себе халяльные отрасли экономики, а ИСУ это

не устраивало. Юдойоно выступил на открытии 7-го национального конгресса ИСУ со следующей речью: «Мы хотим предоставить [Совету] центральную роль в вопросах, касающихся исламской религии, чтобы четко определить сферы деятельности, входящие в прерогативы государства, и теми, в которых правительство или государство должно прислушиваться к фетвам Совета и улемов» [1, с. 83]. Своей речью он четко разделил государственный аппарат и религиозную сферу. Исходя из вышеуказанных фактов, можно понять, что решение это было вынужденным. Власти не удалось взять под контроль исламские организации и ИСУ. В свою очередь, совет и отдельные исламские группы не смогли построить исламское государство в Индонезии.

Отпустить ислам в свободное плавание не было жестом доброй воли и прогрессивной политикой секуляризации. Индонезия из-за государственной концепции «Панчасила» не могла разделить государство и религию как на законодательном, так и на философском уровне. Д. А. Узланер в своих работах справедливо отмечает, что «светскость не возникла сама по себе после ухода религии, она была сначала помыслена на уровне теоретической и философской рефлексии и лишь затем воплощена в конкретные социальные, политические, культурные, правовые и тому подобные формы» [7, с.185]. В Индонезии из-за исторической связки ислама и власти процесс секуляризации не смог пройти эволюционным путем.

В дальнейшем ситуация взаимодействия власти и ислама начала походить на период правления Сухарто. При нем исламские организации, собранные в единый орган Индонезийского совета улемов, выполняли функцию шариатского одобрения политики режима. После падения Сухарто и идеологической борьбы в Индонезии образовался баланс сил. Начиная с правления президента Джоко Видодо, правительство Индонезии начало пользоваться исламскими организациями для проведения внутренней и внешней политики. «Со своей стороны, власть также заинтересована в одобрении ее политики в глазах мусульман со стороны ИСУ как главного института, отражающего исламские настроения и ценности» [1, с. 83].

Из-за прецедента 2005 г. ислам и государство формально разделились в полномочиях, и уже нельзя было заставить мусульманские организации действовать в русле государственной политики. К тому же, как говорилось ранее,

исламские организации обрели значительную долю самостоятельности и финансовой независимости. В этой ситуации исламу и государству в Индонезии пришлось договариваться и идти на взаимные уступки. В 2014 г. на уступки мусульманам пошел президент Юдойоно, подписав закон № 33 о гарантиях халяльной продукции, передавая весь этот сектор под контроль ИСУ. В 2017 г. уже ИСУ издал фетву в поддержку правительства о недопустимости публикации в СМИ материалов, разжигавших этно-религиозную вражду. Во многом на феномен обоюдной зависимости повлияла идеология Панчасила, не позволившая стране свалиться в крайности и взять абсолютную власть ни одному из политических блоков. Она до сих пор продолжает скреплять государство территориально и идеологически. Однако в периоды слабости исламских или светских сил одна из сторон пыталась захватить как можно больше власти в стране [5].

Заключение

Исходя из данных проведенного исследования, можно заключить, что связка ислама и государственного аппарата в Индонезии присутствовала на протяжении всей второй половины XX в. На разных этапах развития взаимодействие трансформировалось из состояния полного подчинения исламских организаций воле государства до борьбы за власть и состояния паритета. На сегодняшний день, пока существует демократический режим в Индонезии, данный баланс будет соблюдаться. Он устраивает всех игроков и позволяет продвигать свои интересы внутри страны и за ее пределами участникам взаимодействия. Фактически баланс сил и конфессионально-религиозный плюрализм является фундаментом существования государства.

Список литературы

1. *Ефимова Л. М.* Ислам и власть в современной Индонезии: поиск баланса в условиях демократии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 2, № 4. С. 69–87.
2. *Ефимова Л. М.* Президент Индонезии Абдурахман Вахид и «исламский фактор» в политике // Полития. 2000. Т. 16, № 2. С. 105–115. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2000-16-2-105-115>
3. *Кирчанов М. В.* Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке. Воронеж: Научная книга, 2009. 251 с.
4. *Патеев Р. Ф.* Религиозный активизм в мусульманских сообществах: переосмысление в постсекуляр-

- ную эпоху // *Религиоведение*. 2020. № 3. С. 78–87. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2020.3.78-87>
5. Баранов О. Панчасила против исламизма: новый идеологический курс Индонезии. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/panchasila-protiv-islamizma/> (дата обращения: 02.10.2023).
 6. Ефимова Л. М. Халяль покоряет исламскую умму Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 1, № 2. С. 94–101.
 7. Узланер Д. А. Конеч религии? История теории секуляризации. М. : Издательский Дом ВШЭ, 2019. 240 с. (Серия: Социальная теория).
 3. Kirchanov M. V. *Natsionalizm i modernizatsiya v Indonezii v XX veke* [Nationalism and modernization in Indonesia in the 20th century]. Voronezh, Nauchnaya kniga, 2009. 251 p. (in Russian).
 4. Pateev R. F. Religious activism in muslim communities: Rethinking in the post-secular era. *Religiovedenie* [Study of Religion], 2020, no. 3, pp. 78–87. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2020.3.78-87>
 5. Baranov O. *Panchasila protiv islamizma: novyy ideologicheskii kurs Indonezii* (Panchasila against islamism: Indonesia's new ideological course). Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/panchasila-protiv-islamizma/> (accessed 2 September 2023) (in Russian).
 6. Efimova L. M. Halal conquers the islamic ummah of Indonesia. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual Problems of Development], 2019, vol. 1, no. 2, pp. 94–101.
 7. Uzlaner D. A. *Konets religii? Istoriya teorii sekulyarizatsii* [The end of religion? History of secularization theory]. Social theory series. Moscow, HSE Publishing House, 2019. 240 p. (in Russian).

References

Поступила в редакцию 27.10.2023; одобрена после рецензирования 17.11.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 27.10.2023; approved after reviewing 17.11.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 24–29

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 24–29

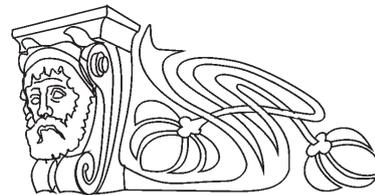
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-24-29>, EDN: PDWESI

Научная статья

УДК 111.1+165.62+929Хайдеггер

Онтология декларации: к характеристике современной философии

М. А. Богатов¹✉, Д. А. Павлова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Богатов Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, m_bogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2831-918X>

Павлова Дарья Александровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Аннотация. Введение. В статье анализируется состояние современной онтологической мысли. Не случайно после Хайдеггера в философии фактически отсутствует систематическое рассмотрение понятия «бытие». Значит ли это, что проблема бытия утратила свою актуальность? Или же это свидетельствует о том, что понятие «бытие» продолжает (пусть и негативным образом) определять облик современной философии? Авторы обращаются к истории онтологии через последовательное прохождение трех этапов: «онтология бытия» – «онтология должного» – «онтология декларации». **Теоретический анализ.** На первом этапе рассматривается пример четырех ограничений бытия согласно Хайдеггеру: «становление», «видимость», «мышление» и «должное». При этом указывается на принципиальное отличие должного от остальных трех ограничений. Анализируется происхождение «должного» из нормативно-юридической установки мышления. Представлена краткая характеристика принципиальных отличий «онтологии декларации» от «онтологии бытия» и «онтологии должного». Указывается, что источник появления «онтологии декларации» следует усматривать в работах Жюль Делёза и Феликса Гваттари, а ее последовательное развитие – в проектах объектно-ориентированной онтологии. **Заключение.** «Онтология декларации» не является «декларацией онтологии». Дается предварительный прогноз дальнейшего развития «онтологии декларации».

Ключевые слова: онтология, бытие, должное, становление, мышление, онтология декларации, нормативно-юридическое мышление

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

Для цитирования: Богатов М. А., Павлова Д. А. Онтология декларации: к характеристике современной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 24–29. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-24-29>, EDN: PDWESI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ontology of declaration: Towards the characteristics of modern philosophy

M. A. Bogatov¹✉, D. A. Pavlova²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachya St., Saratov 410012, Russia

Mikhail A. Bogatov, m_bogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2831-918X>

Daria A. Pavlova, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Abstract. Introduction. The article is devoted to consideration of the state of modern ontological thought. It is no coincidence that after Heidegger there is virtually no systematic consideration of the concept of being in philosophy. Does this mean that the problem of being has lost its relevance? Or does this indicate that the concept of being continues (albeit in a negative way) to determine the face of modern philosophy? The author proposes to consider the history of ontology through the sequential passage of three stages: "ontology of being" – "ontology of the due" – "ontology of declaration". **Theoretical analysis.** At the first stage, the example of the four limitations of being according to Heidegger's point of view is considered: "becoming", "appearance", "thinking" and "due". At the same time, the fundamental difference between what should be and the other three restrictions is pointed out. The origin of the "due" from the normative-legal mindset is analyzed. Then a brief

description of the fundamental differences of the “ontology of declaration” versus the “ontology of being” and the “ontology of the due” is given. It is indicated that the source of the emergence of the “ontology of declaration” should be seen in the works of Gilles Deleuze and Felix Guattari, and its consistent development in the projects of object-oriented ontology. **Conclusion.** As a result, it is pointed out that a “declaration ontology” is not a “declaration of an ontology”. A preliminary forecast for the further development of the “ontology of declaration” is given.

Keywords: ontology, being, due, appearance, thinking, ontology of declaration, normative legal thinking

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

For citation: Bogatov M. A., Pavlova D. A. Ontology of declaration: Towards the characteristics of modern philosophy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 24–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-24-29>, EDN: PDWESI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Само словосочетание «современная онтология» при пристальном рассмотрении уже содержит в себе некоторую интерпретацию понимания бытия. Если бытие понимать в античном смысле неизменного и вечного, то «онтология» как рубрика постижения такого бытия была бы всегда одной и той же – различия наблюдались бы лишь в тех аспектах, с позиций которых философы обращались бы к этому бытию. Однако, как хорошо известно, само понятие «онтология» появилось достаточно поздно, в XVII в. Историческая ирония заключается в том, что как раз с того времени вплоть до современности случаев исследования бытия в качестве вечного и неизменного не было ни одного – проблематика либо склонялась от бытия к познанию (как это происходило у мыслителей Нового времени и у Гуссерля), либо бытие рассматривалось изменяющимся, подверженным собственной истории (как у Хайдеггера), либо его концепт вовсе отвергался как таковой (как у Ницше или в некоторых изводах позитивизма, постпозитивизма и аналитической философии). Поэтому в строгом смысле легитимно говорить о «современной онтологии» можно лишь в историко-философском ключе, выявляя те или иные редкие для XX–XXI вв. случаи философского обращения к теме бытия. Полагаем, что такое положение дел никоим образом не случайно, и объяснение обращения к проблеме бытия в современной философии нельзя обосновать ссылками на банальную неактуальность данной темы, апеллируя к целой палитре иных, интересующих современных философов, тем. Мы твердо убеждены в том, что эти вещи тесно связаны между собой: бытие, лишившееся своей связи с предикатами «вечности» и «неизменности», будучи погруженным в историю (пусть и в «историю бытия», *Seingeschichte* Хайдеггера), вызывает к жизни целый перечень тем, определяющих облик современного фило-

софского знания. В этой связи можно говорить о негативной зависимости современной философии от определенного (не)понимания бытия. В таком случае приобретает свой смысл выявление, экспликация скрытого, имплицитно подразумеваемого современностью понятия бытия. Наша основная гипотеза заключается в том, что сегодня мы присутствуем в ситуации господства третьего, прежде не существовавшего, понимания бытия: *бытия, понятого в качестве декларации*. Первыми двумя выступали хорошо известные «бытие сущим» и «бытие должным». Прежде чем охарактеризовать *декларируемое бытие*, следует ответить на вопрос: почему же первые два способа бытия для характеристики сегодняшней ситуации оказываются недостаточными?

Теоретический анализ

В своем лекционном курсе «Введение в метафизику» Хайдеггер говорит о четырех «ограничениях» бытия: становлении (*Werden*), видимости (*Schein*), мышлении (*Denken*) и долженствовании (*Sollen*) [1]. Под этими «ограничениями», таким образом, следует понимать те традиционные рубрики, в паре с которыми бытие вступало в философию. По замыслу Хайдеггера расположение этих рубрик именно в таком порядке может, если и не исчерпывающе, то в достаточной мере охарактеризовать историю философской мысли: от «бытия и становления» у Парменида и Гераклита – до «бытия и долженствования» у Канта, Ницше и современных Хайдеггеру неокантианцев. Следующей, пятой рубрикой, как можно догадаться, должны выступать «время» (*Zeit* у «раннего» Хайдеггера) и «история» (у Хайдеггера после так называемого «поворота» [2]). При этом следует обратить особое внимание на то, что во всех этих случаях речь не идет об определениях бытия вроде «бытие как становление» или «бытие как видимость», а именно о том, что

каждая эпоха выбирает себе свой собственный аспект, который противопоставляет бытию. От этого противопоставления бытие каждый раз понимается по-разному: бытие, которое противостоит «видимости» – иное, нежели бытие, противостоящее «долженствованию». Имеется ли во всех этих четырех случаях в виду одно и то же бытие? Ответ на этот, достаточно нетривиальный вопрос, выходит за рамки данного рассмотрения, но мы можем небезосновательно предположить, что, поскольку данные рубрики-ограничения не чередуются, а следуют друг за другом в истории мысли, то вместе с ними модифицируется и само бытие. Именно такая перспектива понимания бытия в конечном итоге и определит творчество всего «позднего» Хайдеггера, который сконцентрируется на «истории бытия» (*Seingeschichte*), где история (т.е. разворачивание каждый раз качественно нового времени, эпохи) будет определяться постоянно изменяющимся бытием.

В любом случае у читателя этого курса лекций не может не сложиться впечатление, что Хайдеггер пока, в 1935 г., уверен, что он говорит об «одном и том же» бытии. По меньшей мере, если этого предположения не сделать, исчезает вся интрига лекционного курса: если, скажем, в паре «бытие – становление» бытием выступает одно, а в паре «бытие – видимость» – другое, то какой вообще смысл и там, и там использовать одно и то же слово «бытие»? Здесь нельзя не вспомнить о знаменитом выражении Аристотеля о том, что «сущее сказывается различным образом» [3, с. 187], которое затем положил в основу своего исследования молодой Франц Brentano (1862) [4] и которое, в свою очередь, оказало столь решающее влияние на приверженность молодого Хайдеггера к философии как таковой [5, с. 50]. Интуиция Аристотеля, которую развивает Brentano и усваивает Хайдеггер, заключается в том, что понимание бытия той или иной вещи зависит от того, о какой именно вещи идет речь. Иначе говоря, любая вещь, которая существует, вступает с собственным бытием в различного рода отношения: верность людей друг другу есть (бытует) иначе, нежели есть (бытует) стакан на столе; сами эти «есть» различные, а потому «бытие» не может выступать наиболее общим (родовым) понятием. Данное положение, будучи определенным образом переосмысленным, выступит, к примеру, у Канта под видом уже сугубо логического положения о том, что «бытие не есть реальный предикат вещи» [6, с. 469], и утвердится в рамках фор-

мальной логики за особыми, не поддающимися формально-логическому анализу, так называемыми «экзистенциальными суждениями». В итоге можно сказать, что с каждым из своих «ограничений» бытие у Хайдеггера вступает в собственные, «различные» отношения, сама оставаясь по сути «тем же самым» бытием.

Возвращаясь к перечню Хайдеггера сейчас, мы тем не менее не можем с ним полностью согласиться: среди этих ограничивающих бытие рубрик имеется одна, которая соотносится с бытием принципиально иначе – речь идет о «долженствовании». Для демонстрации данного положения достаточно пройти по полному перечню негативным образом. В случае пары «бытие – становление» то, что становится, еще (уже) *не есть*, а потому бытие сохраняет свое онтологическое преимущество. В случае пары «бытие – видимость» то, что лишь видится, как бы не существует по-настоящему, не есть, и потому бытие сохраняет свое онтологическое преимущество. В случае пары «бытие – мышление» само мышление должно так или иначе подступиться к бытию, научиться иметь с ним дело, а потому и здесь бытие сохраняет свой приоритет в иерархии. Однако совсем иначе обстоит дело с парой «бытие – долженствование»: то, что существует, есть таким образом, что лучше бы его не было, а потому должно быть *что-то другое*. Бытие в этом случае резко становится тем, чего быть не должно, и долженствование выходит на первый план, перемещая бытие в лучшем случае на роль негативного мерила. Именно здесь, в отличие от первых трех ограничений, мы действительно имеем дело с тем, что можно назвать глубинным изменением самого строения онтологии.

Юридически-нормативная характеристика долженствования

Если поставить себе цель указать на краткую генеалогию долженствования, раскрыв историю того, где оно зарождается и каким образом в итоге завоевывает первенствующее положение, то мы бы не стали указывать на столь очевидное и чаще всего приводимое, ставшее фактически общим местом – возведением к Платону и последующему христианству. Куда перспективнее было бы обратиться к юридическому, нормативному аспекту выступления «должного» вперед «бытия»: если угодно, не христианство ввело долженствование в пику бытию (Бог есть бытие), но Французская революция, которая руководствовалась принципом свободного переустройства *того, что есть* в

то, чем оно на деле *должно было бы быть*. Не случайно именно поклонник Руссо Иммануил Кант, столь тщательно следивший за событиями во Франции, вводит приоритет намерения поступка над его фактическими последствиями, закрепляя последний в форме категорического императива: мы должны исходить из того, как должно быть, невзирая на то, что есть. Отсюда и запрет Канта даже на «ложь во благо»: лжи не должно быть в принципе, даже если она повсеместно распространялась, распространяется и будет распространяться впредь. И если в сфере юриспруденции с самого начала времен законы существуют именно потому, что их нарушают (что особенно движет развитием прецедентного права), то в случае философской онтологии дело прежде обстояло иначе. Подчеркнем: речь идет не о нормативно-юридической науке как таковой, а о *юридификации самого способа мыслить мир*, выражающейся в довольно далеких от юридической практики сферах, в первую очередь – в философии.

Прежде исконной задачей философа – от Парменида и Гераклита до Фомы Аквинского – было помыслить вечное и неизменное во временном и случайном, включив «иерархическое» зрение: подлинным образом случайного либо вовсе нет, либо оно несущественно. Аристотель для этого вводит понятие «привходящего», *συμβεβηκός* (субстантивированное прилагательное от глагола *συμβαίνω* – «сходиться», «случаться», «удаваться» и т.д.). Иначе говоря, мир устроен так, что в нем случается много ненастоящего, неподлинного, однако задачей философа является удержание усилия на настоящем и подлинном. Сами эти настоящее и подлинное по-настоящему и подлинным образом только и бытуют. Таким образом, удержание неизменного бытия вместе со случайным и неподлинным в пользу иерархического первенства того, что есть – задача прежней онтологии, которую мы условно назовем «онтологией бытия».

В случае с «долженствованием» сам жест усмотрения бытия радикальным образом трансформируется: если философ аскетически отсекает случайное ради усмотрения существенного, то юрист привлекает случайное как прецедент для распознавания в нем существенной, подпадающей под действие того или иного закона, характеристики. Никакого «общего» вне *конкретных случаев* нарушения закона в *принципе* не существует: мир не устроен так, что законы соблюдаются. Напротив, мир *по-настоящему*

устроен так, что законы вновь и вновь нарушаются и именно с этими *нарушениями* (а не с *исполнениями*) законов юристу и приходится иметь дело в своей профессиональной деятельности. Для нормативно-юридического настроенного взгляда существенным становится как раз привходящее, *συμβεβηκός*: все случайное и фактически бытующее существенно, в то время как то, что «должно было бы быть в принципе», ситуация исполнения закона, из поля зрения такого взгляда полностью исключается, делается своеобразным «слепым пятном». Важно отметить, что *фактически существующее* расценивается в качестве большего или меньшего отклонения от того, что *есть в принципе*, а потому бытие все же выступает мерой должного, чтобы, в свою очередь, должное смогло служить мерой оценки существующего.

Кажется, что мы столкнулись с парадоксом: намереваясь показать, что онтология долженствования разворачивается во всю силу вследствие нормативно-юридической трансформации мышления человека XVIII в., что должное выходит на первый план перед бытием, мы указали как раз на обратное положение дел: нормативно-юридическая позиция, напротив, должное как бы игнорирует, работая со случайным и онтологически несущественным. На деле все обстоит иначе: юридическая мысль делает происходящее случайным и несущественным лишь в свете никогда не бывшего (а зачастую и не могущего быть в принципе) должного, а потому, возвращаясь к онтологии, можно сказать, что происходящее и бытующее начинают рассматриваться с позиции небывалого долженствования и отныне имеют право на существование лишь в отбрасываемом должном свете. Связь с бытием здесь сохраняется, но теперь она иерархически инвертируется.

Зависимость долженствования от бытия можно проиллюстрировать элементарной схемой: мысль ухватывает сущее через призму того, каким оно должно быть. Хотя философия здесь сталкивается с фактически бытующим в модусе «недолжного», но, тем не менее, она целиком и полностью этим фактически бытующим *определяется*. Сущее выступает мерой мысли, которая автоматически, самым способом схватывания предметности фиксирует в бытующем «отклонение» от того, чем это бытующее должно «было бы» быть. Целью является нормирование фактичности бытия, которое в идеале должно привести к бытию, развернутому «как должно». Зависимость от бытия здесь

сохраняется. Иначе обстоит дело с тем, что мы назвали современной, третьей онтологией – *онтологией декларации*.

Основные характеристики онтологии декларации

Онтология декларации отличается от онтологии должного тем, что в ней более не удерживается усилие мысли, ориентирующейся на бытие даже с целью его «исправить». Фактическое существование уже не выступает даже негативной мерой для того, что подлежит корректировке в статусе должного. Если понимать под первичным значением декларации «заявление о намерениях», то, возвращаясь к онтологии, можно констатировать, что в случае онтологии декларации уже не нацеленность на бытие (как в онтологии сущего) и не стремление привести бытие к должному (как в онтологии должного), а *само намерение* претендует на бытийный статус, намерение, не соотносимое ни с каким бытием или должным в принципе. Значительно упрощая ситуацию, можно сказать, что движение по ступеням трех онтологий переходит по схеме «*вещи – (должные) мысли о вещах – намерение* сказать о вещах», в которой соответствующее выделение курсивом маркирует сам предмет каждой из онтологий.

Если для Канта намерение поступка важнее его последствий, то это потому, что вычислить все возможные последствия поступка перед его осуществлением просто не удастся: не в силу отсутствующих «вычислительных мощностей» (как полагается сегодня, например, при расчетах различных рисков), а в силу того, что действовать всегда необходимо неотложно, здесь и сейчас. При этом говорить о намерении поступка без самого его осуществления согласно Канту совершенно бессмысленно, в то время как в случае онтологии декларации само заявление о намерении рассматривается как самостоятельный поступок, не требующий никакого иного дополнительного осуществления, а именно: единственно существенным уровнем бытия признается уровень выражения намерений, не требующих никакой иной верификации и (или) реализации. Следует отметить, что если на онтологию должного оказало решающее влияние нормативно-юридическое восприятие реальности, то на онтологию декларации оказывает решающее влияние внешнеполитический способ установления отношений между различными государствами и общественными образованиями современности, *дипломатическая риторика* как примирительного, так и угрожающего толка.

Образцовыми примерами онтологии декларации могут послужить, с одной стороны, «Тысяча плато» Жюль Делёза и Феликса Гваттари, а с другой, большая часть изводов объектно ориентированной онтологии. В принципе «Что такое философия» Делёза и Гваттари, в которой они заявляют, что философия – это «творчество концептов» [7, с. 50], с этой позиции она может быть прочитана как манифесты онтологии декларации.

Заключение

В заключение стоит обратить внимание на само словосочетание «онтология декларации», которое, с одной стороны, ставит декларацию на место главного предмета онтологии, но, к тому же может быть прочитано в обратную сторону в качестве сугубо декларативной онтологии. В каком-то смысле так оно и есть, за тем лишь исключением, что в выражении «декларативная онтология» предполагаются, помимо одной, еще и другие, «настоящие» онтологии. Можно констатировать лишь историческое присутствие иных, недеklarативных онтологий в прошлом. Насколько долго сможет философская мысль пребывать в рамках онтологии декларации?

В видах и типах юридических значений понятия декларации присутствует так называемая «смертельная декларация», или, точнее, «декларация умирающего» (*dying declaration*), которую грамотнее перевести на русский язык привычным «предсмертным заявлением». Этот тип заявления отличается от других заявлений тем, что умирающему следует доверять более, нежели живущему, поскольку умирающему нет никакого смысла фабриковать заведомо ложные заявления: умирающий правдивее живущего. Сама ситуация, когда чистое делкарирование оказывается последним самостоятельным делом, не влекущим за собой необходимости иных действий, несомненно характерна для умирающего, поскольку, кроме своих последних слов, от него нет смысла ожидать чего-то еще. Распространение онтологии декларации в современную эпоху как бы указывает на то, что она сама к себе – в том числе и в отношении своей философии – относится как к последней, буквально предсмертной стадии. Ведь очевидно, что декларация устройства бытия, никак с бытием не соотносящегося, – роскошь, которую живущий, имеющий будущее, позволить себе

не может. В связи с этим касательно перспективы будущего положения дел в онтологии мы можем выказать робкую надежду на то, что бытие вернется: не онтологически, а в философской мысли. А поскольку онтологически бытие никуда и не уходило, то возвращаться к нему придется самой философии, и этот путь будет для мышления новым и неизведанным, хотя бы со стороны он и повторял первые шаги древнегреческой философии.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1997. 302 с.
2. Гронден Ж. Поворот в мышлении Мартина Хайдеггера. СПб. : Русский мир, 2011. 252 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1975. 550 с.
4. Брентано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2012. 247 с.
5. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. М. : Молодая гвардия, 2005. 614 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 1999. 655 с.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. : Академический проект, 2009. 261 с.

References

1. Heidegger M. *Einführung in die Metaphysik*. Berlin, De Gruyter, 1987. 181 S. (Russ. ed.: Heidegger M. *Vvedenie v metafiziku*. St. Petersburg, Vysshaya religioznofilosofskaya shkola Publ., 1997. 302 p.)
2. Grondin J. *Le tournant dans la pensée de Martin Heidegger*. Paris, Presses universitaires de France, 1987. 136 p. (Russ. ed.: Grondin J. *Povorot v myshlenii Martina Hajdeggera*. St. Petersburg, Russkiy mir, 2011. 252 p.)
3. *Aristotelis Metaphysica*. Oxford, Oxford University Press, 1957. 312 p. (Russ. ed.: Aristotle. *Sochineniya: v 4 t. T. 1*. Moscow, Mysl', 1975. 550 p.)
4. Brentano F. *Von der mannigfachen Bedeutung des Seienden nach Aristoteles*. Neuilly sur Seine, Ulan Press, 2012. 236 S. (Russ. ed.: Brentano F. *O mnogoznachnosti sushchego po Aristotelyu*. St. Petersburg, Vysshaya religioznofilosofskaya shkola Publ., 2012. 247 p.)
5. Safranski R. *Ein Meister aus Deutschland. Heidegger und seine Zeit*. München u. a., Hanser, 1994. 544 S. (Russ. ed.: Safranski R. *Hajdegger: germanskiy master i ego vremya*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2005. 614 p.)
6. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. GmbH, Verlag, 1986. 1011 S. (Russ. ed.: Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Nauka, 1999. 655 p.)
7. Deleuze J., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, Les Éditions de Minuit, 1991. 208 p. (Russ. ed.: Deleuze J., Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* Moscow, Akademicheskiy proekt, 2009. 261 p.)

Поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 05.01.2024; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 05.01.2024; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 30–35

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 30–35

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-30-35>, EDN: PAKEJQ

Научная статья

УДК 123+1(4+470+571)(09)+929

Соотношение свободы и насилия как одна из основополагающих проблем мысли

М. Б. Буняев

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, г. Саратов, проспект им. Петра Столыпина, зд. 4, стр. 3

Буняев Максим Борисович, ассистент кафедры социально-гуманитарных наук, mmm2026@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3623-7761>

Аннотация. Введение. Центральная проблема статьи – способ обращения человека с миром. В качестве горизонтов обращенности предлагается принять свободу и насилие. Постановка проблемы в горизонтах социального как жизненного мира человека предполагает применение онто-герменевтического подхода, совмещенного с историко-философским анализом трудов, посвященных не столько специальному рассмотрению проблем насилия и свободы, сколько прояснению предельных оснований. **Теоретический анализ.** В работе анализируются понятия «вопрос» (в модусе вопрошания), «свобода», «насилие». Разъясняя условия признания некоторого вопроса основополагающим (закономерность возникновения, обусловленность значимости для сознания самим устройством этого сознания, необходимость зависимости образа жизни от способа постановки и разрешения этого вопроса), автор устанавливает принадлежность к числу основополагающих вопросов о соотношении насильственного и свободного в жизнедеятельности человека. В ходе этого разъяснения осуществляется экспликация понятий «насилие» и «свобода» в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, Б. Спинозы и Аристотеля. **Заключение.** Понятия «насилие» и «свобода» признаются взаимодополняющими, но не единственными, а насилие – системным явлением, пронизывающим историю человечества и находящим свое отражение в истории мысли и искусстве – совокупности социокультурных феноменов, сопряженных с коллективной рефлексией.

Ключевые слова: свобода, насилие, вопрошание

Для цитирования: Буняев М. Б. Соотношение свободы и насилия как одна из основополагающих проблем мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 30–35. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-30-35>, EDN: PAKEJQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The correlation between freedom and violence as one of the fundamental problems of thinking

M. B. Bunyaev

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, Building 4, block 3 Peter Stolypin Ave., Saratov 410012, Russia

Maxim B. Bunyaev, mmm2026@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3623-7761>

Abstract. Introduction The main topic of this article is the method of solving a fundamental problem of the relationship between a man and the world. The author proposes to accept the concepts of violence and freedom as such horizons of relations, because these concepts can be understood as main plots of human conscious life. They also may be the sides of the dialectical confrontation. The present study uses the onto-hermeneutic method combined with a historico-philosophical analysis. **Theoretical analysis** In the course of work, we considered and made clear the concepts of questioning and inquiring, of liberty and freedom, and of violence. Special attention will be paid to clarifying the acceptance of conditions of some question as a fundamental problem. Among them there are: the necessity of occurrence, conditionality of perception for consciousness from the pattern of consciousness, dependence of the way of life on the manner of asking and solving this question. The author claims that the question of the correlation between violence and freedom is a fundamental problem of human activity. During this clarification, the concepts of violence and freedom are explicated in the works of K. Marx and F. Engels, G. V. Plekhanov, B. Spinoza, and Aristotle. **Conclusion.** In the course of meditation the author offered a number of interconnected definitions of freedom and violence, and concluded on the need for recognizing violence as a systematic phenomenon of social reality. Violence pervades all history of humanity, and can be reflected in the history of thinking and art.

Keywords: liberty, freedom, violence, inquiry

For citation: Bunyaev M. B. The correlation between freedom and violence as one of the fundamental problems of thinking. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 30–35 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-30-35>, EDN: PAKEJQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Следуя за Аристотелем, полагаем, что одним из самых простых конвенциональных определений философии является следующее: «Наука о первых началах и основоположениях», т.е. дело философии – мышление предельного. Понятия «свобода» и «насилие» можно отнести к предельным для нравственной философии (этики), ведь первое приближение к значениям этих слов нашего языка свидетельствует о том, что о свободе и насилии принято говорить там, где есть место для той деятельности человека, причиной которой является он сам. В истории философии сведущими в делах нрава принято называть сообразно духу времени представителей стоицизма, кантианства, ницшеанства, прагматизма. Вместе с тем этика, будучи философией «общей» – наукой не о каком-то частном предделе, а о предельности вообще, смыкается в своем предмете с такими же «общими разделами» – иными подходами к вопросу о первых началах, теснее всего – с антропологией и социальной философией. Разделенные различием в наименованиях своего предмета (нрав, человек, общество), они неизменно испытывают взаимное тяготение. Ведь нравом мы называем образ действия человека в обществе и нет ни общества без человека, ни человека без нрава. Общность проблем этих дисциплин в свете вышеизложенного закономерна. Однако и редукция их к чему-то одному неуместна – каждый из этих подходов проясняет существо рассматриваемого дела. Язык социальной философии содержит в себе понятия «насилие» и «свобода» не как заимствованные, присвоенные или привнесенные, а как живые – уместные среди других слов, обозначающие значимое для мысли. Насилие и свобода являются взаимосвязанными регионами того жизненного мира человека, который принято называть обществом. Это вполне понятно, так как в обществе все совершается ради некоторой надобности и согласно уложению, но ни первое, ни второе не могут быть поняты иначе, как действующие силы, мощь которых недостаточна для осуществления социального действия. И всякий поступок человека совершается в равной степени и вынужденно, и самочинно, но непременно в горизонте социального. Последнее выступает и предопределяющей действительностью полной совокупности видимых «вещей», и открытым взглядом пространством бесконечных возможностей. Проблемность соотношения свободы и насилия в связи с этим видится коренной для социальной философии. Вместе с тем, по

меткому замечанию М. К. Мамардашвили, лишь «следуя логике, которой требует ... характер текста, мы сами себе только впервые и уясняем собственную мысль» [1, с. 7]. Поэтому наше рассмотрение в равной степени должно быть и онто-герменевтическим – проясняющим и истолковывающим человеческое присутствие при бытии некоторого сущего, и историко-философским – обнаруживающим неустрашимость этой проблемы из истории нашей мысли.

Предваряя обращение к существу заявленной проблемы, оговорим присутствие в нем фигур умолчания, среди которых наиболее явными самому автору видятся М. Фуко, Ж. Батай, Р. Жирар, Ж. Деррида и В. В. Библихин, а также понятий умолчания – войны как предельной и особой формы насилия и мира как пространства свободы. Работа с ними – задача последующих исследований, для которых данная – пролегомена.

Актуальность заявленной проблематики обусловлена сложившейся в мире (спор между единством и многообразием которого – часть нашего проблемного поля) социокультурной ситуацией. Помимо явных геополитических потрясений последних лет (боевые действия и эпидемии), человеческие сообщества различной идентичности разрываемы изнутри спорами о собственном смысле и назначении.

Теоретический анализ

Основополагающей проблемой принято называть вопрос, встающий перед сознанием закономерно и необходимо – вопрос не случайный, хотя и могущий быть связанным с внешними по отношению к сознанию обстоятельствами, но обусловленный способностью человека сознавать и переживать. Ответ на него должен быть соразмерен – касаться существа дела и обладать значимостью, как частной для озадаченного сознания, так и общей способностью быть «ответом вообще» для «человека, поскольку он человек». Вопросание – состояние отнюдь не смутное, но и не определенное. Оно предполагает ясность неопределенности сознания, которому предстоит нечто. В прояснении своей мысли предлагаем обратиться к способу постановки метафизического вопроса М. Хайдеггером в начале лекции «Что такое метафизика?» [2, с. 16].

Так, вопрос о пропитании встает, пожалуй, перед каждым. Казалось бы, чудеса прогресса воистину велики, и бичом нашего места и времени нехватку пищи назвать затруднительно, скорее – избыток аппетита. Вопрос о пропитании

в таком случае не всегда порождается нуждой в пище, изыскиваемой человеком не так, как прочие животные. Отбросив голод как возможное сущностное основание вопросительности (как то, что делает вопрос вопросом), мы можем наивно диалектично обратиться к его противоположности – изобилию. В самом деле, «ответ» на сей насущный «вопрос» нередко оказывается случайным выбором между наличными возможностями или сожалением об отсутствии желаемого. Увы, за подобной «постановкой и разрешением вопроса» не стоят ни озадаченность, ни судьбоносность (способность изменить что-либо) выбора. Можно отдаться порыву, съесть что придется или дожидаться устранения значимости различий силой голода. Разница между этими «альтернативами» существует там, где прилагаются усилия к различению.

Таким образом, изобилие – существование более чем одной возможности удовлетворения желания, оказывается для вопросительности основанием столь же зыбким, как и нужда – неустранимость влечения к некоторому благу. Можно ли, однако, вовсе отказать вопросу о пропитании в праве считаться основополагающим? Это затруднительно, ведь нужда в питании свойственна нам от природы. И пусть мы условились, что произведенное нуждой обращение к миру еще не является вопросом, вне этой «вынужденной обращенности» вопрос состояться не может. Не менее важно и иное препятствие – не одно лишь наличие «разной пищи», которая «пригодна», стоит за нашим питанием. Выражаясь иначе, едим мы не только в силу голода или существования еды. Свести питание к «исполнению физиологической функции» или «следованию сформировавшимся под влиянием обстоятельств пищевым предпочтениям» значит удалить из питания грань человеческого. Зыбкость изобилия как основания вопросительности не служит причиной его вынесения «за скобки». Вопрос становится вопросом не потому, что у нас уже есть несколько ответов, и даже не потому, что ответ есть, но еще не дан, а ввиду того, что ответ неоднозначен как в своем содержании, так и в существовании. Его получение – осмысленная деятельность по производству понимания, т. е. постановке и разрешению этой задачи. Корень вопросительности, как видно на простом примере, скрыт в зазоре между необходимостью и свободой – невозможностью не спросить и способностью дать ответ или нацеленностью на получение ответа и возможностью этот ответ принять за удовлетворительный для этого вопрос. Заметим, что сюжет пропитания взят

не как «простая» в смысле вторичности ее содержания по отношению к «главному» метафора. Так же пропитание понимается в Книге Бытия – 3:1-6, где разворачивается трагедия вкушения «запретного плода», и 3:17-19, где уделом человека утверждается «со скорбью питание от земли» и «в поте лица ядение хлеба». Это сильный смысл метафоры как «воплощения и проявления», а приобретение человеческой природой свойств поврежденности и страдательности в полной мере выражается через возникновение необходимости трудиться ради пропитания. Необходимость воспроизводства существования посредством труда – один из ключевых для мировой культуры сюжетов.

Способ разрешения вопроса о пропитании в значительной степени определяет наш образ жизни, служащий ответом на вопрос о ее смысле, который в равной степени и признаваем основополагающим вызовом, и чаще любого другого вопроса уходит от ответа. Уходит в том числе в забвение, застланность «решением насущных проблем», заставленность всем тем, чем жизнь опосредована, и во вполне удовлетворяющие наш ум ответы, каковые, разумеется, не удастся назвать «последними». Но если всякий ответ – лишь временное решение вечного в своем существе вопроса о смысле и назначении, то стоят ли ответы какого-либо внимания? Не менее, чем внимания, продиктованного конкретными обстоятельствами, пусть и привходящими по отношению к вопросу, но образующими наше присутствие. Такой ответ на вопрос о вопросах и ответах можно принять, не погрешив против самих вопроса и ответа. Признание заведомой недостаточности ответа на основополагающий вопрос служит причиной для очередного обращения к нему, встающему как вопрос об отношении человека к миру, о преобразовании за счет присвоения, о расщеплении и сборке как способах действия. Его изводом является вопрос о насилии. Насилие, будучи частью жизни, находит в мышлении свое отражение – обнаруживает себя во всяком пласте социокультурного наследия: от наскальной живописи и погребений палеолита до границ человеческого (одна из которых – здесь и сейчас). Всюду насилие оказывается среди «вечных тем» наряду с любовью, справедливостью, выбором.

«Повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» называют насилие К. Маркс и Ф. Энгельс, добавляя, что «само насилие есть экономическая потенция» [3, с. 761]. Данное замечание, хотя и приводится в разделе, посвященном генезису промышленного капи-

тализма, вполне может быть распространено на всякую общественно-экономическую формацию как неизбежно предполагающую отчуждение от трудящегося его труда. Последний же, будучи производством прибавочной стоимости, и сам является деятельностью «собственно человеческой», образующей природу человеческого, и состоящей в насильственном (*per se*) преобразовании мира природы согласно замыслу. И здесь невозможно не напомнить об одном из наиболее общих мест истории философии: всякая мысль для своего прояснения должна быть рассмотрена двояко: *per se* – своеобразно и автономно и ввиду своего преюбщества – как комментарий (который не только «истолкование», но и почти дословно «со-знание» и «со-мышление»).

Создавая исторический материализм с его «объективными законами развития», К. Маркс и Ф. Энгельс не просто перепрочитывают младогегельянство, сообразуют его с истиной посредством ее (истины) собственной силы, но делят линию мысли, имеющую множество начал-*ἀρχή* истины: от Г. Гегеля до библейских пророков и досократиков. И хотя охватить одной мыслью всю глубину этого преюбщества вряд ли возможно (такое «схватывание» и есть концепт истории если не мира, то философии), наиболее значимые течения этого потока нам вполне доступны – ими как силами несомна наша мысль. Труд, о котором идет речь в истмате, для греко-европейского сознания – нечто большее, чем целенаправленная деятельность человека. Тягостность труда уравновешивает его творческий характер.

Не находя в себе способности творить *ex nihilo* – приводить сущее в соответствие своим уму и воле одним лишь их усилием, человек уверенно находит в них сопричастность началу, чуждому всякому небытию, каковое может быть представлено естественным порядком вещей, умопостигаемым законом, бытием сущего, (без личным началом etc. Авраамическое и эллинское начала нашей культуры причудливо сплетаются. Один из корней нашей мысли может быть представлен конструкцией «мир вверен Началом человеку, но человек повреждает вверение отклонением от Начала – первородным грехом отпадения следствия от причины и подобия от образца». Другой корень – дерзновение-*ὑβρις* как прямой вызов тому причинному миру, из которого был некогда похищен огонь всеодаряющего (Πανδώρα) разума. И как бы далеко основатели истмата не отстояли от этих начал, именно к ним они обращаются в своей мысли. Для них труд – средоточие человеческой природы, обреченной законами диалектики восставить про-

тив «природы-в-себе» с тем, чтобы утвердить «природу-для-себя». Подобная невозможность отделения общества от природы и неизбежность противопоставления природы и общества видится одной из магистральных тем «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса. И хотя понятие «насилие» в узком смысле «эксплуатации» не принято относить к числу основополагающих для исторического (и диалектического) материализма, в своем широком значении оно имплицитно пронизывает эти системы. Отметим, что хотя «марксизм отнюдь не считает насилие вечным спутником развития общества», его упразднение видится возможным многим марксистам лишь на умозрительно предстоящем нам этапе общественного развития, отделенном от нас насилием революции [4, с. 16].

Расхожее «[общественное] бытие *определяет* сознание [людей]» из «К критике полит. экономии» нередко прочитывается через субстантивацию двух начал (или одного, взятого дважды), тогда как их *отношение* оказывается будто бы производным от их бытия (или моментом инобытия). При внимательном прочтении, однако, в подобной постановке вопроса непременно можно найти противоречие, которое и станет в согласии с диалектическим методом движущей силой этой мысли. Насилие выступает не только особым типом общественных отношений, но и самим способом соотнесенности – неотъемлемой частью этого понятия или средством постановки основополагающего вопроса.

В первом приближении о насилии известны два факта. Оно дурно и вместе с тем неизбежно. В самом деле, насилие необходимо сопряжено со страданием (*πάθος*) как в совсем уж очевидном смысле «боли», так и в чуть менее явных, но даже более точных смыслах «испытания» и «претерпевания». Насилие – ограничение свободы, свобода же – высшее благо, поскольку состоит в способности быть «причиной себя» и способности к сопричастности «первой причине» – истине, красоте, и благу. Собственную (даже если и божественную) природу человек раскрывает лишь свободно. И мы знаем, что не только воле, но и разуму свойственно действовать свободно. Сделаем здесь оговорку о свободе как об «осознанной необходимости». Данная формулировка может быть отнесена к числу «бродячих концептов» философии Нового времени. Зачастую ее возводят к Б. Спинозе [5, с. 82, 254, 277–278, 468–471] (Этика, ч. 1 опр. 7, где свобода вообще дана как существование и деятельность лишь по собственной необходимости, и теоремы 32 и 33, где воле отказано в праве быть основанием свободы,

ч. 5, теоремы 25–33 о третьем роде познания, а также «Краткий трактат о Боге...», гл. XXVI «Об истинной свободе», согласно которой «[свобода человека] – прочное существование, которое наш разум получает благодаря непосредственному соединению с Богом», т.е. через осознание установленной Богом необходимости), И. Канту, Г. В. Ф. Гегелю, или К. Марксу. Соглашаясь с созвучностью формулировки образу мысли каждого из мыслителей, мы все же склонны полагать ее продуктивным парафразом, позволяющим не только истолковать понятие свободы в каждой из систем, но и наладить по поводу нее их диалог. В точности же эта формулировка используется в тексте «К вопросу о роли личности в истории» Г. В. Плеханова [6, с. 307], посвященном проблеме свободы и изобилующем отсылками к европейским просветителям. Вместе с тем указанная формулировка может быть усмотрена еще у Аристотеля, который, в гл. 2 «Метафизики» называет свободным «того, кто живет ради самого себя, а не ради другого» [7, с. 35], а далее указывает на божественность знания первых причин [7, с. 36], обладание которым бесполезно тем более, что касается естественной необходимости, а не дел человеческого произвола. Заметим, что в той же работе Стагирит рассматривает отношение действительности и возможности – ἐνέργεια καὶ δύναμις, которые семантически связаны с понятиями силы и движения, и применяются Аристотелем также и в «Физике» для объяснения движения в мире. Они же через неоплатоников и стоиков (в том числе в лат. пер. «actus et potentia») стали ценнейшим достоянием христианской философии и использовались для разрешения вопросов о Божьем Могуществе и Его свободе. Но если Бог согласно своему определению есть причина причин и высшее благо, то он ни над чем не чинит насилия – Его сила не встречает себе противодействия и всегда согласна с собой, т.е. свободна.

Свобода бессодержательна, бесформенна, беспричинна. Ее можно назвать «лишенностью воспрепятственности», и даже «лишенностью лишенности». Впрочем, подходит и «исправленность», созвучная риторике религий спасения. Человеку свойственно быть ограниченным, а свобода возникает там, где это человеческое свойство оказывается перечеркнуто чем-то еще более человеческим и более необходимым, а само «перечеркивание» сопровождается осознанием, если не является им. Таким образом, свобода деятельна и является началом действия. Нельзя быть свободным «случайно» или «не зная об

этом». И «вопреки» – «свободным от» невозможно, по определению свободы как независимости в том числе от отрицаемого. Понятие свободы парадоксально, а потому насилие ей не только противно, но и является одним из ее истоков. Однако в первом приближении насилие – враг свободы, которая хороша ipso facto. Вместе с тем насилие – неотъемлемая часть жизни. Его можно видеть повсеместно в «живой природе», где сильный ест слабого. Также насилие, но иное – умопостигаемое и волеизъявительное – можно видеть в отделяемом от природы обществе как во всяком социальном институте, так и в самом общежитии, насилию сопричастном. Государство и право репрессивны по своему существу и определению, в пользу них отдельные люди отчуждают свои права и делегируют им свои полномочия. Насильственно и образование – образуемые образуются, претерпевая, даже если в соответствии со склонностями и добровольно. Семейное воспитание, строящееся на любви и сотрудничестве, не может вершиться без устанавливаемых силой ограничений. Да и разум, об исконной свободе которого упоминалось выше, могуч, а иначе – силен и властен. Всякая же власть от насилия неотделима, ибо властвование и есть применение силы (ср. англ. power и греч. κράτος). Насильственным было и остается отношение человечества к миру. С оговорками, составляющими основу «великих культур», насилие над природой (преобразование действительности) остается одной из основ явления культуры. Чем культурнее человек, тем он сильнее. Может показаться, что дворовая драка – контрпример. Однако не только культура является силой, да и за дворовой дракой стоит некоторая культура.

Насилие системно. Элементы же системы объединены не только порядком и способом слаженности, но и силой (тяжести, обстоятельств) – равнодействующей сил, разделяющих и исцеляющих. Казалось бы, «чистое насилие» – стихия, но стихия, как известно, должна быть обуздана – таков порядок обращения человека с силами природы. Представление о насилии исключительно как о средстве достижения цели поверхностно, граничит с опасной небрежностью. Насилие не может быть вовсе внеположно и привходяще (пройти мимо существа насилующей и насилуемой сторон) в том числе и потому, что иначе оно не состоится. Проводя аналогию, насилие – это и забивание, неотделимое от ситуации сосуществования стены, молотка и гвоздя, и сама оптика, сводящая эти вещи воедино. А забивать надлежит умеючи во из-

бежание разрушений и травм. Прорывы чистого насилия – следствие системных кризисов как на уровне индивидуальной психики, так и на уровне общества. Чем сложнее система, тем больше у нее степеней свободы, больше способов управления насилием, его передачи и преобразования, но тем больше риски неуправляемого «стихийного» насилия и тем чаще чистое насилие оказывается членовредительством – насилием над собой.

Заключение

В ходе рассмотрения понятий «свобода» и «насилие» установлено, что они принадлежат к числу основополагающих для нашего мышления. Каждое из этих понятий, взятое отдельно, и в их диалектическом единстве, проясняет взаимоотношения человека и мира, а также служит истоком для постановки вопроса об этих отношениях. Ввергнутым в силовое противостояние с миром, обреченным отвоевывать (в том, что Гераклит называл Πόλεμος) у мира себя и навязывать ему свою волю, является носитель греко-европейского мышления. Способность к целенаправленному преобразованию действительности, видящаяся «только человеческой», не может быть сведена в рамках этого образа мысли только лишь к исполнению уже заложенных в действительность возможностей – умышленное человеком исполняется через приложение к миру силы, призванной преодолеть силу, уже устоявшуюся в качестве порядка вещей. Условием возможности этой установки служит свобода как неустранимая действительность и очевидность отделенности человека от того мира, порождением которого человек является. Свобода как безусловность оказывается за пределами для нашего мышления, существующего лишь там, где бытие есть, а небытия нет вовсе. Содержательной стороной свободы оказывается неизбывная ответственность за собственные действия – неустранимость ответственности за собственные поступки, ни один из которых не может быть сведен к свободному произволению, но всегда обусловлен необходимостью ответа на некоторую внешнюю по отношению к сознанию действующую причину.

Поступила в редакцию 14.05.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 14.05.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 12.01.2024

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. Чехов : АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», 2016. 216 с.
2. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С 16–27.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. : в 50 т. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23. 908 с.
4. Рагозин Н. П. О роли насилия в истории условиях его преодоления: социально-философский анализ // Культура и цивилизация. 2020. № 2 (12). С. 11–17.
5. Спиноза Б. Сочинения : в 2 т. СПб. : Наука, 1999. Т. 1. 489 с.
6. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. М. : Государственное издательство политической литературы, 1956. Т. 2. 824 с.
7. Аристотель. Метафизика. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.

References

1. Mamardashvili M. K. *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on Ancient philosophy]. Chekhov, AO "Pervaya Obraztsovaya tipografiya", filial "Chekhovskiy Pechatnyy Dvor", 2016. 216 p. (in Russian).
2. Heidegger M. What is metaphysics? In: Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika, 1993, pp. 16–27 (in Russian).
3. Marks K., Engel's F. *Sochineniya: v 50 t.* [Essays: in 50 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960, vol. 23. 908 p. (in Russian).
4. Ragozin N. P. On the role of violence in history and the conditions for overcoming it: Social and philosophical analysis. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2020, no. 2 (12), pp. 11–17 (in Russian).
5. Spinoza B. *Sochineniya: v 2 t.* [Essays: in 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Nauka, 1999. 489 p.
6. Plekhanov G. V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t.* [Selected Philosophical Works: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. 824 p. (in Russian).
7. Aristotel'. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2006. 232 p. (in Russian).

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 36–40

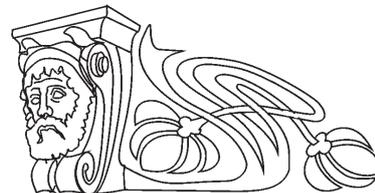
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 36–40

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-36-40>, EDN: QLPXNF

Научная статья
УДК 004.8+111.32

Вопрос о качественной определенности бита в естественном и искусственном интеллекте

Ю. М. Дуплинская¹✉, И. В. Стеклова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Дуплинская Юлия Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии, duplinskayay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1990-6828>

Стеклова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология, культурология», irinasteklova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Аннотация. Введение. Успехи цифровых технологий приводят к тенденции подстраивать систему современного образования под алгоритмы искусственного интеллекта. В этой связи особую актуальность приобретает исследование аспектов человеческого мышления, которые не поддаются моделированию в системах искусственного интеллекта. **Теоретический анализ.** В концепциях XX–XXI вв. эйдос трансформируется в *динамический паттерн*. Паттерны, в отличие от эйдосов-форм античной философии, фиксируют не статичную, а *динамическую форму* воспроизводящейся конфигурации движения. Паттерны, как и эйдосы Платона, есть неразложимые целостности, не редуцируемые к дискретным элементам дискурса. Обосновывается, что конфигурации эйдоса формируются не на макроуровне гештальта, а на микроуровне бита. Первичные «небезразличные различия» битов человеческого интеллекта являют модификации исходной для организма дихотомии «организм – среда» («внутри – снаружи», «включение в – исторжение из»), отличающаяся от битов двоичного кода (1–0) цифровой техники. **Заключение.** Формулируется вывод, согласно которому базовые гештальты креативного мышления («фигура – фон») является не вторичным «эмерджентным» качеством интегративной целостности, а элементарным и не сводимым ни к чему иному «первичным качеством» битов человеческого интеллекта.

Ключевые слова: человеческое мышление, машинный интеллект, эйдос, дискурс, единицы информации

Для цитирования: Дуплинская Ю. М., Стеклова И. В. Вопрос о качественной определенности бита в естественном и искусственном интеллекте // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 36–40. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-36-40>, EDN: QLPXNF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The question of the qualitative definiteness of the bit in the natural and artificial intelligence

Yu. M. Duplinskaya¹✉, I. V. Steklova²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Yuliya M. Duplinskaya, duplinskayay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1990-6828>

Irina V. Steklova, irinasteklova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Abstract. Introduction. Advances in digital technology lead to the tendency to adjust the modern education system under the algorithms of artificial intelligence. In this regard the special relevance is acquired by a research of those aspects of human thinking which are not amenable to modeling in artificial intelligence systems. **Theoretical analysis.** In the concepts of the XX–XXI centuries eidōs is transformed into a dynamic pattern. Patterns, unlike eidōs-forms of ancient philosophy, fix not a static, but a dynamic form of a reproducible motion configuration. Patterns, like Plato's eidōs, are indivisible integrities that are not reduced to discrete elements of discourse. It is justified that the eidōs configurations are formed not at the macro level of the gestalt, but at the micro level of the bit. The primary “not indifferent differences” of the bits of human intelligence are modifications of the initial organism dichotomy “organism – environment” (“inside – outside”, “inclusion in – ejection from”), differing from the bits of the binary code (1–0) of digital technology. **Conclusion.** It is concluded that the basic gestalts of creative thinking (“figure – background”) is not a secondary “emergent” quality of integrative integrity, but an elementary and irreducible “primary quality” of human intelligence bits.

Keywords: human thinking, machine intelligence, idea, discourse, units of information

For citation: Duplinskaya Yu. M., Steklova I. V. The question of the qualitative definiteness of the bit in the natural and artificial intelligence. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 36–40 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-36-40>, EDN: QLPXNF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Р. Декарт пытался понять функционирование человеческого мозга по аналогии с машинами, изобретенными в XVII в., а Н. Винер – по аналогии с операциями кибернетической машины. Но не возникает ли своего рода «оптический обман», когда мы пытаемся рассмотреть логику процесса технического изобретения сквозь призму полученного результата? Новейшим достижением моделирования мыслительных операций стало создание *адаптивных систем искусственного интеллекта*. Такие системы способны к обучению и могут развиваться в процессе обучения. И здесь возникает риск того же самого «оптического обмана»: рассматривать функционирование человеческого мозга по аналогии с обучающимися системами искусственного интеллекта. Как следствие – тенденция перестраивать систему уже не машинного, а человеческого образования по «образу и подобию» обучения искусственного интеллекта. В этом контексте весьма актуально провести демаркацию между «оцифровываемыми» и «неоцифровываемыми» аспектами человеческого мышления.

Теоретический анализ

Неалгоритмизируемые и неоцифровываемые аспекты человеческого интеллекта, которые почти или совсем не поддаются моделированию в системах искусственного интеллекта, мы исследуем в оппозиции «эйдос» и «дискурс». Под «дискурсом» (в широком смысле слова) будем понимать те пошаговые операции, которые поддаются разложению на *дискретные языковые единицы*. В противовес дискурсу, эйдос обозначает идею, которая неразложима на дискретные составляющие. Минуя пошаговую логику, эйдос схватывается сразу, как интегративная целостность.

Слово «эйдос» (εἶδος) греческого происхождения. В переводе с греческого идея-эйдос означает «образ», «облик», «вид». Заметим, что под идеями античная философия понимала нечто иное, нежели последующая интеллектуальная традиция. Платоновские идеи – это не абстрактные понятия-концепты, с которыми они позже стали отождествляться в европейской

философии. В отличие от отвлеченного понятия эйдос в философии Платона – это идея, которую можно созерцать, видеть.

Эксплицируем парадоксальность эйдоса. Согласно устоявшимся представлениям созерцать, или видеть мы можем только конкретные предметы и образы. А вот отвлеченные понятия увидеть невозможно, можно только размышлять о них. Между тем платоновский эйдос – это не конкретный образ, а отвлеченная идея, но такая идея, которую возможно созерцать пусть не телесными, но умственными «очами» («умозрение»). Позже, в классической философии, этот, как можно заметить, весьма нетривиальный аспект платоновского учения об идеях был утрачен. Идеи сближаются с отвлеченными понятиями, а проблематика эйдетического созерцания подменяется проблематикой абстрактного мышления. На неправомочность такой подмены в свое время обратил внимание П. Флоренский. В своей «конкретной метафизике» он вводит термин «конкретные универсалии», которые в отличие от абстрактных понятий схватываются не аналитически, а подобно эйдосам Платона являют неразложимый «облик и лик» каждого класса предметов. Конкретные универсалии П. Флоренского содержат тот же парадокс, что и эйдосы Платона: это не конкретные образы, а именно конкретные универсалии – своего рода оксюморон. В отличие от конкретных образов конкретные универсалии несут в себе обобщение, однако способ обобщения, подчеркивает Флоренский, здесь полярно противоположен абстрактному понятию. Систему конкретных универсалий он сравнивает с несущей кислород «артериальной системой» познания, а систему абстрактных понятий – с «венозной системой» познания, в которой содержание кислорода уже минимально. Подлинный специалист в любой области отличается не аналитически усвоенной суммой сведений, а умением мыслить в «артериальной системе» конкретных универсалий, без которой мышление никогда не станет живым мышлением [1, с. 498].

Если классическая европейская философия отождествила эйдос с абстрактным понятием, то современная когнитивная наука в этом плане идет еще дальше. Эйдосы уже подменяются алгоритмическими операциями и единицами информации. Параллельно традиционные

понятия «размышление» и «творчество» начинают вытесняться маркерами «переработка информации» и «инновационная деятельность», более уместными для характеристики операций машинного интеллекта. Позволим себе утверждать, что вопрос о возможности перевода информации с языка алгоритмов на язык эйдосов и «конкретных универсалий» сегодня обретает особую актуальность, поскольку имеющийся объем дискурсивной информации чреват тупиком в развитии современной цивилизации: в духе антиутопий, где машинный интеллект подменяет интеллект человеческий.

Выскажем предварительное утверждение. Существуют следующие качественно различные уровни освоения знаний: 1) *дискурсивный уровень* – уровень дискретных языковых единиц и пошаговых алгоритмов; 2) *эйдетический уровень*, который на языке современной психологии можно назвать также *уровнем гештальтов*. Здесь идеи схватываются через прямое умозрение, минуя единицы дискурса. Оба эти уровня более или менее явно имеют место в любой области: как в гуманитарной, так и естественнонаучной. Есть математические эйдосы. Есть эйдосы и в области технических дисциплин. Феномен одаренности в любой сфере знания сродни некоей способности прокладывать «короткий путь» к эйдетическому уровню, минуя дискурс.

Эйдос и паттерн. Если мы хотим совершить «поворот к эйдосу» в XXI в., нам следовало бы трансформировать *форму* эйдоса в *динамику* паттерна. В концептуальном аппарате современной науки термином «паттерн» обозначается *динамический аспект структуры*: в структурах здесь усматриваются не статичные формы, а повторяющиеся конфигурации циклов. В этом можно видеть некий динамический эквивалент платоновских идей. В частности, эйдосы могут быть интерпретированы как основные типы *аттракторов*, или *элементарных катастроф* в математическом аппарате нелинейной динамики. Как известно, весь набор возможных внезапных реорганизаций динамических систем удается классифицировать при помощи сравнительно небольшого числа типов катастроф. Р. Том, который одним из первых классифицировал типы аттракторов, выделил 7 элементарных катастроф. В настоящее время их в 3 раза больше.

Подчеркнем важный момент. Теория динамических паттернов и теория катастроф относятся к области так называемой *качественной математики*. Здесь «возможны чрезвычайно точные прогнозы относительно качественных

особенностей поведения системы, а не точных значений ее переменных в определенный момент времени. Новая математика, таким образом, представляет сдвиг от количества к качеству» [2, с. 153]. Подобно античным эйдосам, все типы катастроф могут быть визуализированы и представлены в топологических образах! Например, Р. Том, выделяя элементарные катастрофы, взял в качестве исходной модели наглядные конфигурации основных типов волны: эллиптическую и с обламывающимся гребнем. Другой пример возможности визуализации математики, минуя уравнения, продемонстрировал Р. Эбрахам [3]. Это дает основание утверждать, что в математике совершается поворот к эйдосам, аналогичным платоновским идеям, с поправкой, о которой уже шла речь: на смену геометрическим первообразами «платоновых тел» приходят топологические первообразы аттракторов и элементарных катастроф. Конфигурации элементарных катастроф – это универсальные паттерны, приложимые к любым реорганизациям: к социальным потрясениям, к психологическим конфликтам, к внезапным изменениям фондовых рынков, к обрушиванию технических конструкций. В таком случае они применимы и к динамике творческого мышления. Вполне вероятно, что наш интеллект имеет способность прямой эйдетической интуиции неких конфигураций, соответствующих основным элементарным катастрофам, которые, как уже говорилось, могут дать ключ к пониманию динамики всех остальных процессов. Правда, источник этой эйдетической интуиции следует искать не на «платоновских небесах», а скорее в «атавистических недрах» подсознания. И такая интуиция представлена не (умо)зрительными, а, вероятнее всего, кинестетическими образами, которые лучше, нежели умозрение, способны схватить динамическую конфигурацию сил.

Тем не менее кинестетический эйдос, как и умозрительный *εἶδος* Платона, не разложим на дискретные дискурсивные операции. Нередуцируемая целостность кинестетических эйдосов делает правомерным сравнение их с «живыми клетками» мышления. Подобного рода «живые клетки» мыслительных процессов выявляются в современных исследованиях подпорогового уровня сознания. Креативный процесс основывается на «скелетах сил», «сверхбыстрых геометро-динамических образах», которые иногда сравниваются даже со «сверхбыстрыми ментальными живыми существами» [4, с. 276]. Такие геометро-динамические образы при-

надлежат к слою сверхбыстрой психической динамики и почти не улавливаются на уровне более ясных и более медленных слоев сознания и концептуального мышления.

И все же нейронные сети дискретны, и от дискретности нейронных сетей не отмахнешься. Дабы наш «поворот к эйдосу» был релевантен современной нейронауке, необходимо совместить неразложимую целостность эйдоса, которая констатируется на феноменологическом уровне интроспекции с дискретностью процессов на уровне нейронных сетей. Самым простым решением было бы предположить, что целостность эйдосов является лишь эпифеноменом, – неким вторичным, или эмерджентным свойством человеческого интеллекта. Эмерджентными в теории систем принято называть интегративные качества системы как целого, которые не присущи ни одному из ее элементов по отдельности. Такой версии придерживается гештальтпсихология. Гештальты – очередной аналог платоновского эйдоса в XX в. – иногда сравниваются с «молярным макроуровнем», уровнем психики. Целостность гештальтов, как и свойства молекул, не сводима к «атомарному» уровню нейронных сетей.

Не отвергая такого варианта решения проблемы, все же отважимся обосновать другую, более радикальную гипотезу. Нас будет интересовать не «молярный» уровень гештальтов, а именно «атомарный» уровень микротекстуры мышления. Если эйдосы можно сравнить с микротекстурой мышления, то его микротекстуру составляют биты – элементарные единицы информации. Переходя от макро к микротекстуре, мы исследуем вопрос о качественной специфике бита – элементарной единицы информации в человеческом интеллекте. Сформулируем предварительный тезис: *элементарная единица (бит) информации человеческого интеллекта качественным образом отличается от элементарной единицы (бита) информации интеллекта машинного.*

Бит – единица информации, определяемая как безразличное различие; различие, производящее новые различия. Однако такое определение таит в себе противоречие. Явным это противоречие стало после экспансии теории информации в область фундаментальной физики. Д. Уилер предложил версию «великого объединения» физики, в которой все законы и свойства физической реальности выводятся из более фундаментального протоуниверсума информации, тогда как Д. Чалмерс справедливо заметил, что следует уточнить, может ли различие как таковое иметь статус первичности?

Или «первичные» различия должны иметь в своей основе различия между некими качествами, «лежащими в их основании?» [5, с. 379]. «В чистом виде» различие лишено смысла без допущения фундаментальных «первичных качеств», маркирующих различие. Так, попытка поместить бит в фундамент физической реальности создала трещину в понятии бита – фундамента теории информации. Это легитимизирует вопрос о качественной определенности бита. Нас будет интересовать прежде всего проблема первичных элементарных различий (битов) в человеческом интеллекте, а не физической реальности.

Концепция бита изначально была связана с разработками в области цифровой техники. Поэтому отправной точкой теории информации стало понимание элементарных различий в системе двоичного кода: «1 – 0», «включено – выключено», «наличие сигнала – отсутствие сигнала». Как следствие, операции естественного интеллекта также стали рассматриваться сквозь призму двоичного кода «истина – ложь», «да – нет». Между тем информационные процессы в системе двоичного кода «1 – 0» («включено – выключено»), которые «естественны» для электрических сетей, не могут быть таковыми для сетей нейронных. Это можно аргументировать гипотезой, которую в свое время высказал психолог А. Бине: функции нейронов мозга имеют в своей основе паттерны жизнедеятельности простейших одноклеточных микроорганизмов [6]. Эти паттерны составляют некие не редуцируемые первичные «кванты чувствительности», лежащие в основе работы нейронных сетей и высших мыслительных функций в том числе. По сути клетки мозга – это микроорганизмы, которые приобрели специализацию чувствительности подобно тому, как клетки желудка приобрели специализацию переваривания пищи [4, с. 171]. Отсюда понятно, почему дихотомия классического двоичного кода не может быть первичной для живых организмов и, в частности, для человеческого мозга. «Нейроны не организованы как двоичные вычисления. Для живого простейшего “выключено” было бы смертью» [4, с. 178].

Более того, дихотомия двоичного кода «да – нет», «1 – 0» не может считаться значимой для живого организма. Эти оппозиции существенны для дифференциации состояния электрических цепей – субстратной основы интеллекта искусственного. А вот первичные «безразличные различия» чувствительности микроорганизмов, которая, как было сказано, составляет субстратную основу естественного

интеллекта, будут иными. Очевидно, они прочерчиваются в русле ключевой для всякого организма демаркации «организм – среда». Модификациями различия между организмом и средой являются такие дихотомии, как «приближение к – удаление от», «включение в – исторжение из», «внутри – снаружи» и т.п. Именно в этих исходных различиях, на наш взгляд, следует видеть те «первичные качества» битов нашего мозга, которые создают неповторимую специфику человеческого интеллекта и отличают его от интеллекта машинного.

В самом деле, в тех исходных «самоочевидностях», которые лежат в основе как логической, так и математической интуиции, явственно прослеживается игра тех же конфигураций: «внутри – снаружи», «включение в – исторжение из» (а отнюдь не «1 – 0», «наличие – отсутствие»). Примером могут быть первичные операции формальной логики: соотнесение понятий и суждений по объему. Другой пример – математические операции: от арифметических сложения и вычитания до алгебраического закона ассоциативности. Наконец, основной концептуальный каркас научной картины мира построен на таких базовых демаркациях, как «элемент – отношения между элементами», «частица – взаимодействия между частицами». Такие «самоочевидности» даже не ставятся под вопрос, а между тем по своей конфигурации они ближе элементарным паттернам поведения живых клеток, нежели цифровому биту компьютерной техники. Впрочем, в языках современной символической логики имеет место поворот к паттерну «внутри – снаружи», например, «исчисление форм» британского математика и логика Д. Спенсера-Брауна. Основной операцией этого логического языка является проведение *границы*, когда «выделив что-то из окружающего мира, сознание все остальное отбрасывает как фон» [7, с. 97].

Заключение

В конфигурации «фигура и фон» идентифицируется гештальт, который психология рассматривает в числе основных законов организации восприятия. Однако есть основания для радикального утверждения, что базовые эйдетические конфигурации креативного мышления («фигура – фон») являются не вторичными «эммерджентными» качествами интегративной

целостности, а элементарным и не сводимым ни к чему иному «первичным качеством» битов человеческого интеллекта. Таким образом, источник эйдетической интуиции следует усматривать не на «платоновских небесах», а в «атавистических недрах» подсознания.

Список литературы

1. Флоренский П. Имена // Флоренский П. Имена. М. : Эксмо-Пресс, 1998. С. 449–663.
2. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. М. : ИД Гелиос, 2002. 336 с.
3. Abraham R. H., Shaw C. D. Dynamics: The geometry of behavior. Redwood City, California : Addison-Wesley, 1992. 653 p.
4. Хант Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / пер. с англ. А. Киселева. М. : АСТ, 2004. 555 с.
5. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. М. : УРСС, 2015. 512 с.
6. Anderson O. R. Comparative protozoology: Ecology, physiology, life history. Berlin : Springer Science, 2013. 482 p.
7. Попков В. В. Арифметика сознания Д. Спенсера-Брауна // Онтология проектирования. 2015. Т. 5, № 1. С. 85–107.

References

1. Florenskiy P. The Names. In: Florenskiy P. *Imena* [The Names]. Moscow, Eksmo-Press, 1998, pp. 449–663 (in Russian).
2. Capra F. *The web of life*. New York, Anchor books. Division of random house, INC, 1996. 368 p. (Russ. ed.: Capra F. *Pautina zhizni*. Moscow, ID Gelios, 2002. 336 p.).
3. Abraham R. H., Shaw C. D. *Dynamics: The geometry of behavior*. Redwood City, California, Addison-Wesley, 1992. 653 p.
4. Hunt H. *On the nature of consciousness*. Yale University Press, New Haven and London, 1995. 358 p. (Russ. ed.: Hunt H. *O prirode soznaniya*. Moscow, AST, 2004. 555 p.).
5. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York, Oxford University Press, 1996. 414 p. (Russ. ed.: Chalmers D. *Soznayushchiy um: v poiskakh fundamental'noy teorii*. Moscow, URSS, 2015. 512 p.).
6. Anderson O. R. *Comparative protozoology: Ecology, physiology, life history*. Berlin, Springer Science, 2013. 482 p.
7. Popkov V. V. G. Spencer-Brown's arithmetic of consciousness. *Ontologiya proektirovaniya* [Ontology of Designing], 2015, vol. 5, no. 1, pp. 85–107 (in Russian).

Поступила в редакцию 22.10.2023; одобрена после рецензирования 07.11.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 22.10.2023; approved after reviewing 07.11.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 41–45
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 41–45
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-41-45>, EDN: NDRISH

Научная статья
УДК [1:316]+111.32+929

Жизненный путь личности: опыт социально-философской концептуализации

Д. Д. Иванова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Иванова Дина Дмитриевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, dinaivanova.97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0062-0635>

Аннотация. Введение. Цель исследования – осуществить социально-философский анализ научного наследия исследователей концепции «жизненного пути личности», систематизировать материал, а также создать фундамент для социально-философского осмысления данной категории. **Теоретический анализ.** В статье выделены три измерения, посредством которых представлено изучаемое понятие: обыденный, художественный и научный. Определена их специфика, а также имеющиеся сложности в их взаимосвязи. Проанализированы основные концепции Ш. Бюлер, С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева для выявления значимых элементов социально-философского понимания категории. **Заключение.** В исследовании посредством потенциала социальной философии осмыслен опыт ученых, закрепивших концепцию жизненного пути в научном дискурсе, а также заложивших основу для дальнейшего ее понимания. Было выделено семь оснований: научное обоснование, целостность пути, динамика и последовательность, неоднородность направления, точки начала и конца, субъект пути, социально-исторический контекст. Выявленные элементы в авторских позициях позволяют говорить об избранном феномене с точки зрения системности. Полученные результаты дают возможность продолжить социально-философское исследование концепции жизненного пути личности, что может служить основой для обеспечения устойчивости личности бытия в условиях современности.

Ключевые слова: жизненный путь личности, личность, социально-философский анализ, ценности, динамика, последовательность

Для цитирования: Иванова Д. Д. Жизненный путь личности: опыт социально-философской концептуализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 41–45. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-41-45>, EDN: NDRISH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The life path of a personality: The experience of socio-philosophical conceptualization

D. D. Ivanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dina D. Ivanova, dinaivanova.97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0062-0635>

Abstract. Introduction. The purpose of the study is to carry out a socio-philosophical analysis of the scientific heritage of researchers of the concept of the “life path of a personality”, to systematize the material, as well as to create a foundation for a socio-philosophical understanding of this category. **Theoretical analysis.** The article identifies three dimensions through which the concept under study is presented: everyday, artistic and scientific. Their specificity is determined, as well as the existing difficulties in their relationship. The main concepts of S. Buhler, S. L. Rubinstein, B. G. Ananyev are analyzed to identify significant elements of the socio-philosophical understanding of the category. **Conclusion.** The research uses the potential of social philosophy to comprehend the experience of scientists who have consolidated the concept of a life path in scientific discourse, as well as laid the foundation for its further understanding. Seven grounds were identified: scientific justification, integrity of the path, dynamics and consistency, heterogeneity of direction, points of beginning and end, the subject of the path, socio-historical context. The identified elements in the author’s positions allow us to talk about the chosen phenomenon from the point of view of consistency. The results obtained will allow us to continue the socio-philosophical study of the concept of the life path of a personality, which can serve as a basis for ensuring the stability of the personality of being in modern conditions.

Keywords: the life path of a personality, personality, socio-philosophical analysis, values, dynamics, consistency

For citation: Ivanova D. D. The life path of a personality: The experience of socio-philosophical conceptualization. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 41–45 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-41-45>, EDN: NDRISH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Личность и ее жизненный путь – значимые вопросы гуманитарных наук. Разгадывание мира и смыслов вокруг – то, на что направлено внимание человека во все времена. К данной проблеме обращены психологические, социологические, философские, исторические и другие исследования. Количество философских концепций, осмысляющих жизнь личности, имеет заметное преимущество перед другими областями социально-гуманитарного знания. Однако, несмотря на накопленный опыт, присутствует недостаточная систематизация материала и его применения к категории «жизненный путь личности».

В то же время данное понятие зависит от социальных и духовных изменений, требует регулярной актуализации и уточнения. Современный мир с его цифровыми, социально-политическими трансформациями погружает личность в состояние уязвимости, требующее поисков точек опоры. В последнее время наблюдается обращение личности к разным способам «утверждения» своего пути. Одним из таких вариантов оказывается возвращение интереса к мистическим основаниям и астрологии. Ироничный взгляд ученого на данный процесс с точки зрения рационального мышления мог бы проигнорировать его. Однако рост каналов на видеохостингах, а также заметное увеличение просмотров приводят к тому, что еженедельный астрологический прогноз становится не просто элементом повседневности личности, а его организующей частью. Отмеченный факт приобретает черты тревожности, говорящей о формировании запроса со стороны общества на рефлексию человека в этом мире, обращению к категории «жизненного пути личности».

Масштабность избранной темы требует сужения изучаемого материала. Формулирование актуального определения нуждается в осмыслении уже имеющегося накопленного опыта, который позволил бы выстроить вектор для дальнейшего исследования.

Теоретический анализ

У К. Г. Паустовского в автобиографической книге «Далекие годы. Повесть о детстве и юности» можно найти сделанное им замечание: «Я был в начале жизненного пути, но мне казалось, что я уже знаю этот путь целиком» [1, с. 184]. Знание контекста написанного позволяет говорить о переломном моменте в его жизни: между принятием одиночества, тоски по дому,

воспоминаниях о радостных моментах, смутных мыслях и открытием нового вектора, поиском в нем «хорошего» для себя. Приведенный пример, с одной стороны, дает представление о применении понятия, где обращается внимание на наличие некой точки отсчета, имеющей траекторию и заданность, которые предстоит преодолеть. С другой стороны, раскрывается актуальность данной темы, состоящая в «интимной» причастности к ней каждого человека.

Прежде чем обратиться к существующим подходам к осмыслению жизненного пути, необходимо выяснить особенности понятия в современном мире, требующие своего осмысления и преодоления. Можно выделить три основных измерения понимания данной проблемы: обыденный, художественный и научный.

Первые два измерения схожи по своей смысловой передаче, а основное их отличие будет состоять в месте проговаривания. В первом случае имеется в виду обращение к понятию в бытовой среде человека, а во втором – книжная, кинематографическая формы и т.д. В них категория «жизненный путь личности» чаще всего связана с «проживаемой» или «прожитой» жизнью человека, состоящей из конкретных событий. Об одном из более скудных и абсолютно безрадостных, но распространенных определений вспоминает Л. Н. Коган. Оно состоит из фамилии и тире, по краям которого сообщается о появлении и кончине человека. Л. Н. Коган пишет: «Вот этот промежуток между рождением и смертью и считают обычно жизненным путем человека» [2, с. 99].

Широта и «кажущаяся понятность» употребления создают иллюзию ясности, но в то же время не дают никакого уточнения. Если все же и придерживаться имеющегося определения, то чувствуется недостаточное отражение процессов социальной реальности, показывающее слабость данного подхода, позволившего только для этих измерений. Понимание выстраивается через исключительные ассоциации с биографиями или автобиографиями известных личностей, в которых описываются значимые жизненные этапы, представляющие наибольший интерес в зависимости от заданного контекста, зачастую профессионального. Так, можно увидеть заголовок или содержание аннотации в книге, где воссоздан жизненный и творческий путь композитора, художника. Это делает популярным и понятным определение, но лишает его всей возможной глубины. Биографический аспект действительно важен и имеет свое место как уникальный жизненный опыт личности, который

может выступать эмпирическим материалом, так и как методологический принцип, но в данном случае он не позволяет раскрыть всю полноту и многогранность понятия. Это связано с тем, что смутное определение и жесткая привязанность к конкретной персоналии будут ограничивать исследуемую категорию только набором индивидуальных фактов, последовательно связанных между собой.

Третьим измерением, на которое следует обратить внимание, является место концепции жизненного пути в научном дискурсе. С точки зрения проведенных исследований, она имеет преимущественно психологическую направленность, благодаря которой понятие было закреплено путем научного осмысления. «Жизненный путь личности» наиболее полно представлен через раздел психологии личности, который включает целый ряд исследователей (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская и др.).

Отмеченные измерения обладают определенной связью, в ходе которой житейское понимание оказывает существенное влияние на научное. Так, например, С. С. Хоружий при рассмотрении стадий жизни, подбирая наиболее подходящий термин, отказывается от применения жизненного пути и еще ряда понятий, объясняя это тем, что «слишком срослись с дискурсами обыденного языка» [3, с. 1]. Это выражается в сложности их разделения, формировании языкового препятствия к пониманию других возможных смыслов. Преодоление данной ситуации видится в распутывании и уточнении существующих концепций, которые позволили бы выработать общие принципы для понимания концепции жизненного пути личности для дальнейшего рассмотрения в области социально-философского знания, а также для совершения уверенного перехода от обыденного к научному пониманию.

Разбирая подходы исследователей, которым удалось совершить данный шаг, цель исследования состоит не в охвате имеющихся концепций «жизненного пути личности», а в выявлении оснований, задавших вектор понимания категории, которые могли бы обладать значимостью для дальнейшего социально-философского рассмотрения.

Во-первых, следует отметить *научное обоснование*, позволяющее дать конкретное определение. Это не исключает наличие философских концепций о жизни и личности как двух ключевых составляющих жизненного пути. При наличии социально-философского содержания

отсутствовало единство в понимании и категориальном выражении. Осмысление дисциплинарными исследователями позволило зафиксировать понятие в научном дискурсе.

Возникновение категории «жизненный путь личности» относится к первой половине XX в. и связано с немецким исследователем Шарлоттой Бюлер. В рамках данной концепции жизненный путь личности предстает как самоосуществление личности, которая выступает «субъектом согласования своего развития, изменения, динамики жизненных событий, «логики» жизненных циклов и периодов» [4, с. 25]. Основной ее потребностью выступает самовыражение, способствующее организации жизни. От степени постановки и успешного достижения жизненных задач зависит возможность самоосуществления как итога жизненного пути.

В отечественной науке дальнейшая разработка категории и идеи Ш. Бюлер принадлежит советскому ученому С. Л. Рубинштейну, определившему жизненный путь через способ формирования и развития человеком своей индивидуальности. Тесная междисциплинарная связь, изначально присутствующая в обоих исследованиях, позволила сохранить философское основание в построении концепций психологической направленности. Так, Б. Г. Ананьев не отрицает значимость общественных наук, отмечая роль философских учений: «Исключительно велико и значение философских дисциплин, выступающих в этой области как специальные теории определенных сфер жизни личности и ее социального развития» [5, с. 71].

Обращаясь по большей части к отечественной традиции, следует упомянуть социально-исторический контекст, в котором развивается направление исследования «жизненного пути личности». Особое влияние оказывает марксистское понимание личности, которое раскрывается через категории «труд» и «общественное». Это приводит к рассмотрению жизненного пути посредством деятельностного подхода. «Через продукты своего труда и своего творчества, которые всегда являются продуктами общественного труда и общественного творчества, поскольку сам человек является общественным существом, развивается сознательная личность, ширится и крепится ее сознательная жизнь» [6, с. 644], — отмечает С. Л. Рубинштейн. Жизненный путь личности будет пониматься как индивидуальная история, позволяющая достичь подлинно человеческого облика посредством его деятельности.

Впоследствии интерес к обозначенной теме наблюдается в конце 90-х гг. XX — начале

XXI в., где актуальность объясняется вниманием к личной жизни человека. Эпоха ассоциируется с гласностью, в которой человек переносит свой взгляд с общественного на личное, не исключая первого, но лишая его первичной позиции.

Вторым важным основанием является *целостное представление* о пути личности. Б. Г. Ананьев отмечал значимость концепции Ш. Бюлер в создании «целостности и генетических связей жизненного пути человека» [5, с. 130]. Если прежде внимание концентрировалось на определенном периоде или критерии жизненного пути, то теперь процесс жизни личности предстал как единая история, а не хаотичность событий. Это положило начало целому ряду исследований биографического определения жизненного пути, среди которых заметное место принадлежит трудам Б. Г. Ананьева.

В-третьих, *динамика и последовательность*, выражающиеся в периодизации. История личности не есть однородное состояние. Оно изменчиво и выражается через стадийное понимание. Существенным отличием является критерий выделения периодов, среди которых в широком смысле биологический, социальный, личностный, в конкретном – возраст, деятельность, познание, коммуникация и т.д. Рассматривая ступени психического развития, С. Л. Рубинштейн обращается к подходу Ж. Пиаже, в котором критикует взгляд, где «каждая стадия понимается как только противоположность последующей, а не одновременно и подготовительная к ней ступень» [6, с. 161]. Жизненный путь личности есть непрерывный процесс. Выделяемые стадии существуют не сами по себе в отрыве друг от друга, а имеют преемственную связь, позволяющую осуществлять качественное развитие личности с точки зрения единого процесса. Под переходом в другую стадию понимается их сосуществование, а не разрушение каждой предыдущей.

В-четвертых, следует также отметить *неоднородность*, проявляющуюся в *направленности*. Движение и развитие личности осуществляются не только горизонтально, но и вертикально. К. А. Абульханова-Славская, являясь ученицей С. Л. Рубинштейна, отмечает, что для него жизненный путь направлен не только вперед, но и движется вверх, в ходе чего личность обращена к достижению более совершенных форм, наилучших проявлений человеческой сущности [7]. Ключевое значение приобретает ценностный аспект, устремляющий человека к идеалу.

В-пятых, понимание жизненного пути личности посредством процесса онтогенеза порождает вопрос о *точках начала и конца*. С одной

стороны, есть биографическая линия, имеющая биологические ограничения рождения и смерти. С другой стороны, представляется «процесс индивидуального развития» [6, с. 162], подразумевающий обучение и воспитание человека посредством культуры, включенность последнего в трудовую деятельность, что устремляет к совершенствованию и делает его личностью.

Б. Г. Ананьев при рассмотрении жизненного пути вводит понятия «старт» и «финиш», которые предполагают моменты «основной деятельности в обществе, этапы творческой эволюции личности, периоды подъема и упадка, главные события личной жизни и деятельности, тесно переплетенные с важнейшими событиями эпохи и общественного развития страны» [5, с. 71]. Наличие этих понятий связано с социальной активностью личности, ее вовлеченностью в профессиональный, творческий процесс. Кроме того, по мнению Б. Г. Ананьева, жизненный путь берет свое начало намного позже рождения. Это позволяет говорить о том, что, несмотря на сосуществование точек «старт» и «финиш» с биологической периодизацией, они выходят за ее рамки.

В-шестых, *соотношение личности и жизненного пути, определение субъекта*. Основное внимание уделяется критериям, в частности познанию, деятельности, противоречию, с помощью которых личность организует пространство. Зачастую жизненный путь выступает второстепенным элементом, существующим для изучения личности. В этом смысле личность, реализующая свой потенциал, совершенствуясь, становится субъектом.

Завершающим основанием выступает постановка вопросов о связи жизненного пути с *обществом и исторической эпохой*. Исследователи обращают внимание на необходимость учета социальных условий, которые задают изначальный и последующий контексты. Кроме того, в ряде работ отмечается направленность к нравственному идеалу, ценностному ориентиру. При этом приоритет остается за психическим развитием личности.

Заключение

Первые разработки жизненного пути личности, несмотря на анализ психологических аспектов, рассматривались в тесной взаимосвязи с социальными процессами и попытками их философского осмысления. Сформированный опыт исследований позволил ученым систематизировать имеющийся материал, касающийся

жизненного пути, и сформулировать определение. При этом специфика данных работ заключается в том, что обращается внимание на элементы внутреннего мира личности, состоящего из переживаний, эмоций, других психических проявлений.

Общая задача, с точки зрения психологического и социального контекстов, – научить человека ориентироваться в мире. Однако нервно-психическая направленность, даже затрагивая социально-исторический контекст, позволяет выработать устойчивость личности только к психическим элементам мира, но не в социальном поле. В связи с этим требуется на основе выделенных семи оснований понимания жизненного пути, среди которых научное обоснование, целостность пути, динамика и последовательность, неоднородность направления, точки начала и конца, субъект пути, социально-исторический контекст, обратиться к имеющемуся философскому опыту для построения социально-философского определения, которое позволит организовать жизненный путь личности в социальном пространстве, обеспечить ее стабильное существование, уйдя от альтернативных мистических жизненных опор к социально обоснованным.

Список литературы

1. Паустовский К. Г. Повесть о жизни // Собрание соч. : в 6 т. Т. 3. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. 789 с.
2. Коган Л. Н. Человек и его судьба. М. : Мысль, 1988. 283 с.
3. Хоружий С. С. Жизненная траектория как концепт и проблема: подход синергичной антропологии.

URL: <https://synergia-isa.ru/horuzhij-ss-zhiznennaya-traektoriya-kak-k-2/> (дата обращения: 14.12.2023).

4. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб. : Алетейя, 2001. 304 с.
5. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2001. 288 с.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2003. 713 с.
7. Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. М. : Мысль, 1991. 299 с.

References

1. Paustovskiy K. G. A Tale of Life. *Sobranie sochineniy: v 6 t. Vol. 3* [Collected Works: in 6 vols. Vol. 3]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1957. 789 p. (in Russian).
2. Kogan L. N. *Chelovek i ego sud'ba* [Man and His Destiny]. Moscow, Mysl', 1988. 283 p. (in Russian).
3. Horuzhiy S. S. *Zhiznennaya traektoriya kak kontsept i problema: podkhod sinerghiynoy antropologii* (The Life Trajectory as a Concept and a Problem: The Approach of Synergetic Anthropology). Available at: <https://synergia-isa.ru/horuzhij-ss-zhiznennaya-traektoriya-kak-k-2/> (accessed 14 December 2023) (in Russian).
4. Abul'hanova K. A., Berezina T. N. *Vremya lichnosti i vremya zhizni* [The Time of Personality and the Time of Life]. St. Petersburg, Aleteya, 2001. 304 p. (in Russian).
5. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a Subject of Knowledge]. St. Petersburg, Piter, 2001. 288 p. (in Russian).
6. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2003. 713 p. (in Russian).
7. Abul'hanova-Slavskaya K. A. *Strategii zhizni* [Life Strategies]. Moscow, Mysl', 1991. 299 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 21.12.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 12.01.2024

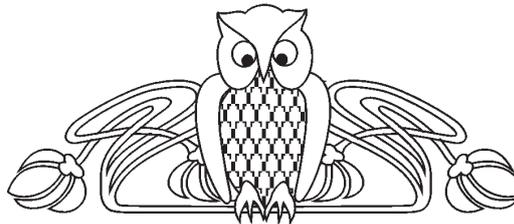

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 46–50
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 46–50
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-46-50>, EDN: OUNMDV

Научная статья
УДК 1(470+571)(09)+929(Наполеон III + Чернышевский)

Чернышевский и Наполеон III

А. А. Кротов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Кротов Артем Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета, krotov@philos.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Аннотация. *Введение.* Образ Наполеона III в философском мышлении Чернышевского представляется важным для характеристики идеологической борьбы в XIX в. *Теоретический анализ.* Со студенческих лет Чернышевский следил за политической карьерой Луи Бонапарта, отмечал его успехи и личностные черты. В период Второй империи во Франции Чернышевский выступает с критикой бонапартизма, выдвигает объяснение причин его временного триумфа. Он упоминает и преклонение крестьянства перед славой, соединенной с известным именем, и страх перед анархией, и ошибочные расчеты враждующих лагерей. В статье показана связь анализа бонапартизма Чернышевского с теоретическими принципами, провозглашенными в его основных философских трудах. Подобно Чернышевскому Наполеон III пытался опираться на теорию прогресса, но при этом важную роль в движении общества к лучшему будущему отводил правительству. Его идеал – империя, символизирующая порядок и власть. *Заключение.* Фактически Чернышевский и Наполеон III защищали две диаметрально противоположные концепции прогресса. Они расходились, прежде всего, по вопросу о том, как должны пониматься подлинные интересы народа. В вопросе о степени жизнеспособности империи Чернышевский, очевидно, оказался прав.

Ключевые слова: Чернышевский, Наполеон III, социальная философия, теория прогресса, история русской философии

Для цитирования: Кротов А. А. Чернышевский и Наполеон III // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 46–50. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-46-50>, EDN: OUNMDV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Chernyshevsky and Napoleon III

A. A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Artem A. Krotov, krotov@philos.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Abstract. *Introduction.* The image of Napoleon III in philosophical thinking of Chernyshevsky is important for the characterization of ideological struggle in the nineteenth century. *Theoretical analysis.* From his student years, Chernyshevsky followed the political career of Louis Bonaparte, noted his successes and personal traits. During the Second Empire in France, Chernyshevsky criticized Bonapartism, put forward an explanation of the reasons for its temporary triumph. He mentioned the worship of the peasantry before the glory combined with a famous name, the fear of anarchy and the erroneous calculations of the warring camps. The article shows how Chernyshevsky's analysis of Bonapartism is related to the theoretical principles proclaimed in his main philosophical works. Just as Chernyshevsky himself, Napoleon III tried to rely on the theory of progress, but at the same time he assigned an important role to the government in the process of moving of society towards a better future. His ideal is an empire symbolizing order and power. *Conclusion.* In fact, Chernyshevsky and Napoleon III defended two diametrically opposed concepts of progress. They disagreed, first of all, on the question of how the true interests of the nation should be understood. In the question of the vitality of the empire, Chernyshevsky obviously turned out to be right.

Keywords: Chernyshevsky, Napoleon III, social philosophy, theory of progress, history of Russian philosophy

For citation: Krotov A. A. Chernyshevsky and Napoleon III. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 46–50 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-46-50>, EDN: OUNMDV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В мировосприятии Чернышевского оценка личности и деятельности императора французов занимает особое место. Его суждения, касающиеся

ся политики Второй империи, так или иначе подчинены более общим теоретическим представлениям о закономерностях в развитии общества. Более того, представления эти неотделимы от его общеполитической позиции. Сопоставление его

оценок с политическими идеями Луи Бонапарта позволяет добавить новые штрихи к общей характеристике идеологической конфронтации, столкновению различных тенденций, свойственных XIX столетию.

Теоретический анализ

Дневник Чернышевского за 1848 г. свидетельствует об интересе, который его автор проявлял к президентским выборам, окончившимся победой Луи Бонапарта. На этом этапе своей жизни, еще до знакомства с сочинениями Фейербаха, студент Санкт-Петербургского университета был страстным приверженцем французского социализма: «В сущности я верю, что будет время, когда будут жить по Луи Блану» [1, с. 61]. Неудивительно, что все политические события, происходившие во Франции, привлекали его особое внимание. 14 января 1849 г. он записывает, что Луи Бонапарт представляется ему в более выигрышном свете, чем прежде: он не так уж и глуп, скорее это – «обыкновенный человек и добросовестный», достаточно проникательный, чтобы противостоять министерству, рассчитывающему использовать его как проходную фигуру.

В статье «Кавеньяк» (1858) Чернышевский отмечал, что генерал сам способствовал падению своей власти и подготовил условия для политического взлета Луи Бонапарта. Ошибки Кавеньяка он причисляет к заблуждениям тех представителей республиканской партии, которые полагали, будто одной формы государственного устройства достаточно для решения современных политических проблем, что ожидания нации и ее потребности вполне сводятся к этой форме, в то время как в действительности она является всего лишь средством их удовлетворения. Умеренные республиканцы в лице своего кандидата Кавеньяка проиграли президентские выборы Луи Бонапарту, поскольку за того выступили все реакционеры и те реформаторы, которые сочли правительство виновным в июньской резне. Луи Бонапарт ошибочно казался всем персонажем слишком незначительным, переходным, чтобы придавать ему большое значение.

Понять отношение Чернышевского к фигуре императора французов в значительной степени позволяют общие принципы, провозглашенные им в «Критике философских предубеждений против общинного владения» (1858). В этой работе он отстаивал мысль о том, что изменение бытия во всех его сферах подчинено единому закону: «Высшая степень развития представляется

по форме возвращением к первобытному началу развития. Само собою разумеется, что при сходстве формы содержание в конце безмерно богаче и выше» [2, с. 368]. Соответственно, отсюда он выводил необходимость сохранения в России общинного землевладения. Отсюда же он выводил необходимость падения аристократического правления и будущего торжества демократии. В свете упомянутых философских установок становится очевидным, насколько режим Второй империи был далек от социального идеала Чернышевского.

Труд «Антропологический принцип в философии» (1860) конкретизирует мировоззренческие установки, сквозь призму которых Чернышевскому видится решение социальных проблем. Естественные науки, на его взгляд, предоставляют достаточно данных для анализа нравственных задач. «Физиология и медицина находят, что человеческий организм есть очень многосложная химическая комбинация, находящаяся в очень многосложном химическом процессе, называемом жизнью» [3, с. 268]. Антропологический принцип утверждает единство человека, отбрасывая несостоятельный дуализм души и тела. Соответственно, в основе поступков человека присутствует представление о личном благе, а понятие «добро» предполагает мысль «об очень прочной пользе». Интересы человечества, затем нации должны ставиться выше сословных и индивидуальных. Нетрудно сделать из этих общих положений политические выводы.

В работе «Франция при Людовике-Наполеоне» (1859) Чернышевский, опираясь, по собственному признанию, на статью, напечатанную в «Эстминстерском обозрении» (октябрь 1858), высказывает общую оценку правления императора французов. Итоговый его вывод выглядит радикальнее мнения, выраженного автором британского журнала. В деталях же он по существу полностью следует за ним, находя в упомянутом «обозрении» для себя фактическую опору. Он предлагает взглянуть на современные события с точки зрения понятия «прогресс», говорит о сложности самостоятельной выработки такого рода ракурса для большинства современников. Он упоминает о разноречивости суждений относительно политического лидера Второй империи. Между тем его успех, его приход к власти и последующее восстановление империи объясняются сочетанием нескольких условий. Прежде всего, необоснованный страх перед возможными социальными беспорядками побуждал многих поддерживать диктатуру. Во-вторых, в среде образованных, погруженных в водоворот

общественных дел граждан сложилось ложное представление о личности Луи Бонапарта, которого воспринимали как временную, несамостоятельную, переходную политическую фигуру. Однако ему удалось решительно воспротивиться внешнему влиянию на собственные решения, выказав и упорство, и политическую волю. «Под наружностью, носящей вид невозмутимого спокойствия и смирения, он обладал суровой волею, которая при постоянном напряжении закалилась в непреклонную настойчивость, между тем как в его натуре, по-видимому, холодной и тупой, скрывалась душа, волнуемая страстью тем более сильною, что огонь ее был осторожно подавляем» [2, с. 398–399].

Далее. Оба монархических лагеря (приверженцев Бурбонов и Орлеанской ветви) не имели народной поддержки, ибо оказались дискредитированы событиями, связанными с недавним их правлением. Наконец, в пользу племянника сыграло и преклонение невежественных крестьян перед именем его прославленного дяди. Вся политика Луи Бонапарта получает объяснение в особенностях его воспитания и характера. Воспитанный в духе благоговения перед величием Наполеона, племянник решил твердо держаться его политической системы, неотступно воплощая ее в жизнь. Что же до характера, то он представлял собой соединение сильной страсти с большой осторожностью. Отсюда способность сдерживать страстные порывы, умение заменить гениальность вдохновения настойчивостью, последовательностью в проведении своей линии. Будучи узурпатором, он, подражая своему выдающемуся предшественнику, изображал себя выразителем народных настроений. В управлении страной им не предложено ничего оригинального: все свелось к попыткам реанимировать учреждения Первой империи. Оказавшись в средоточии столкновений интересов разных партий, он ищет опору в рецептах политики своего дяди. Именно эта установка привела в итоге к восстановлению деспотизма, вступающего в противоречие с интересами народа. Более того, деспотизм этот, будучи неуклюжим слепком, копией с режима Первой империи, движется по исторической колее, уже показавшей свою непригодность. Единственные достижения, которые могут быть приписаны Луи Бонапарту, относятся к внешней политике. Он показал себя самостоятельным дипломатом, когда от традиционной французской политики вражды с Англией перешел к союзу с ней. В этом, по-видимому, ему помогли путешествия. Внутренняя политика

Луи Бонапарта направлена на искоренение всякой самостоятельной мысли, но достичь этого результата невозможно. Мнения становятся господствующими не посредством насилия, а согласием общества. Восстановив империю, он оказался неспособен умело действовать в новых исторических обстоятельствах, выказал себя непрактичным и неуверенным. Ниспровергнуть просвещенный разум ему оказалось не по силам. В сопоставлении с Наполеоном Луи Бонапарт предстает личностью значительно «менее даровитой», строящей свое поведение на неумелом подражании своему дяде.

Чернышевский предсказывал скорое падение Второй империи. Ее основы он считал ненадежными, прямо ведущими к политическому кризису. В качестве предположения (блестяще подтвердившегося) он также высказывал мысль о том, что еще прежде, чем разразится неизбежный кризис, империя может рухнуть в силу внешних причин.

В статье «Г. Чичерин как публицист» (1859) присутствует сжатая характеристика развития французского общества за последние полвека. Длительное господство абсолютизма во Франции согласно Чернышевскому утвердило в умах привычку к подчинению централизации и бюрократии. Эти отжившие привычки сдерживают переход к демократии, несмотря на все свершения революции. Наполеон I стремился реанимировать аристократию, Бурбоны, Орлеанский дом всемерно ее поддерживали. В свою очередь, Луи Бонапарт предпринимает усилия по ее защите. Поэтому-то «Наполеон I, Бурбоны, Луи Филипп, Луи-Наполеон – все они одинаково держались опорой партии застоя или даже чистой реакции» [2, с. 654]. Имена упомянутых властителей выступают для Чернышевского символом попыток противодействия прогрессу.

В оценке Чернышевским личности императора и факторов, способствовавших его приходу к власти, можно усматривать отдельные параллели с известной характеристикой К. Маркса, данной в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852). Но для Маркса именно обстоятельства классовой борьбы предоставили возможность авантюристу «сыграть роль героя» [4, с. 419]. Кроме того, как справедливо подчеркивает М. А. Маслин, «никакого влияния со стороны Маркса Ч. не испытал» [5, с. 907].

В суждениях Чернышевского о главе Второй империи явно или неявно нашли отражение те черты его многогранного творчества, на которые в различном контексте, зачастую сквозь призму собственных убеждений обращали внимание

выдающиеся исследователи исторического прошлого. В. В. Зеньковский характеризовал Чернышевского как вождя «радикальных и социалистических слоев русского общества», который понимал человеческую природу в духе биологизма с примесью вульгарного материализма. «Он является прежде всего одним из виднейших представителей русского секуляризма, стремящегося заместить религиозное мировоззрение, сохранив, однако, все ценности, открывшиеся миру в христианстве» [6, с. 129, 134–135, 142]. Т. Г. Масарик причислял Чернышевского к представителям нигилизма [7, с. 186]. Того же мнения придерживался Н. О. Лосский [8, с. 70]. Г. В. Флоровский характеризовал Чернышевского как радикала из числа лиц, которые представляли специфический психологический тип, были «озлобленными семинаристами», сводившими счеты, стремясь опорочить противников, а не опровергать их [9, с. 290]. Б. В. Яковенко видел в мировосприятии Чернышевского сочетание материализма с «позитивистской ориентацией», причем настаивал, что в отношении философского знания тому «не хватало научности и основательности» [10, с. 150–151]. Для И. К. Пантина Чернышевский – прежде всего политический философ [11, с. 189]. А. А. Демченко подчеркивает: «Основу мировоззрения Чернышевского составляла идея неизбежности исторического прогресса, совершающегося в силу заложенных в природе человека стремлений к улучшению своего быта». Причем, оценивая способ воплощения Чернышевским упомянутой идеи, следует принять во внимание, что «демократизм стал главным нервом всего его существования» [12, с. 4, 6]. В. К. Кантор говорит о необходимости демифологизации фигуры Чернышевского, гениального мыслителя, реформатора и «носителя Христовой истины», пусть и выраженной в своеобразно-позитивистской форме, который был превращен в «фантомного революционера», а затем и во врага свободы [13, с. 488].

Заметим, что Наполеон III пытался опираться на теорию прогресса, но при этом важную роль в движении общества к лучшему будущему отводил правительству. Контуры политического будущего Франции он всегда видел в порядках, некогда провозглашенных его прославленным предшественником: «Режим, установленный в 1800, руководимый высшим гением, заложил всюду прогрессивные учреждения на принципах порядка и власти» [14, р. 4]. Наполеон III также стремился найти опору в концепции народного суверенитета, но при этом ограничивал роль нации выборами главы

государства. Правитель согласно такого рода политической установке воплощает народную волю, а потому противодействие ему нелегитимно и рассматривается как идущее вразрез с желаниями подавляющего большинства. Диктатура в этой системе отсчета легко находит свое оправдание.

Исследователи последнего столетия в целом выше оценивают Наполеона III, чем большинство его современников. Так, например, Сюзанна Детерн и Генриетта Шанде представляют Наполеона III подлинным «человеком XX века», ибо, по их мнению, последнее столетие связано с развитием целого ряда намеченных им принципов в экономике, социальной жизни и международной политике [15, р. 10]. Фредерик Блюш определяет правление Наполеона III как «демократический цезаризм», находящий важнейшую опору в «Мемориале Святой Елены» [16, р. 5]. Жорж Бордонов видит в характере Наполеона III смешение прагматизма с мечтательностью. «Его экстраординарная судьба была судьбой романтического героя» [17, р. 416]. Луи Жирар характеризует Наполеона III как лишенного военных дарований, зависимого в идейном плане от своего предшественника – влиятельного политика, сумевшего вернуть Францию в число держав первого ранга [18, р. 516].

Заключение

В идеях Чернышевского и Наполеона III представлены две диаметрально противоположные концепции прогресса. В этом подлинная причина негативной оценки Чернышевским правления императора. Если для Чернышевского на протяжении многих лет Фейербах выступал воплощением идей века, то Луи Бонапарт отводил эту роль Наполеону. Соответственно, понятие «прогресс» наполнялось различным содержанием. Для одного бонапартистский режим противоречил народным интересам, для другого – отвечал в полной мере, но, по крайней мере, по вопросу о долговечности империи Чернышевский оказался значительно ближе к истине, чем Наполеон III.

Список литературы

1. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939. Т. 1. 859 с.
2. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1950. Т. 5. 1007 с.
3. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1950. Т. 7. 1095 с.

4. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М. : Политиздат, 1985. Т. 1. С. 418 – 516.
5. Маслин М. А. Чернышевский // Русская философия. Энциклопедия. М. : Мир философии, 2022. С. 906–907.
6. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л. : Прометей, 1991. Т. 1, ч. 2. 279 с.
7. Масарик Т. Г. Россия и Европа : в 3 т. СПб. : Издательство Русского Христианского гуманитарного университета, 2003. Т. 3. 574 с.
8. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Советский писатель, 1991. 480 с.
9. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс : Вильгис, 1991. 599 с.
10. Яковенко Б. В. История русской философии. М. : Республика, 2003. 510 с.
11. Пантин И. К. Антропологический принцип Н. Г. Чернышевского // История русской философии. М. : Республика, 2001. С. 189–200.
12. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография : в 4 ч. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1992. Ч. 3. 330 с.
13. Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.
14. Napoléon III. *Œuvres*. Paris: Plon, 1856. Vol. I. 480 p.
15. Desternes S., Chandet H. Napoléon III. *Homme du XX siècle*. Paris : Hachette, 1961. 365 p.
16. Bluche F. *Le bonapartisme*. Paris : PUF, 1981. 127 p.
17. Bordonove G. Napoléon III. Paris : Pygmalion, 1998. 457 p.
18. Girard L. Napoléon III. Paris : Fayard, 2013. 550 p.
4. Marx K. *Vosemnadtsatoe bryumera Lui Bonaparta* [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. In: Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vols.]. Moscow, Politizdat, 1985, vol. 1, pp. 418–516 (in Russian).
5. Maslin M. A. *Chernyshevskiy* [Chernyshevskiy]. In: *Russkaya filosofiya. Entsiklopediya* [Russian Philosophy. Encyclopedia]. Moscow, Mir filosofii, 2022, pp. 906–907 (in Russian).
6. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii: v 2 t.* [The History of Russian Philosophy: in 2 vols.]. Leningrad, Prometey, 1991, vol. 1, pt. 2. 279 p. (in Russian).
7. Masarik T. G. *Rossiya i Evropa: v 3 t.* [Russia and Europe: in 3 vols.]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2003, vol. 3. 574 p. (in Russian).
8. Losskiy N. O. *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Sovetskiy Pisatel', 1991. 480 p. (in Russian).
9. Florovskiy G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russian Theology]. Vil'nyus, Vil'tis, 1991. 599 p. (in Russian).
10. Yakovenko B. V. *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Respublika, 2003. 510 p. (in Russian).
11. Pantin I. K. Anthropological principle of N. G. Chernyshevsky. In: *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Respublika, 2001, pp. 189–200 (in Russian).
12. Demchenko A. A. *N. G. Chernyshevskiy. Nauchnaya biografiya: v 4 ch.* [N. G. Chernyshevsky. Scientific Biography: in 4 pt.]. Saratov, Saratov State University Publ., 1992, pt. 3. 330 p. (in Russian).
13. Kantor V. K. "Srublennoe drevo zhizni". *Sud'ba Nikolaya Chernyshevskogo* ["The Felled Tree of Life". The Fate of Nikolai Chernyshevsky]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 528 p. (in Russian).
14. Napoléon III. *Œuvres*. Paris, Plon, 1856. Vol. I. 480 p.
15. Desternes S., Chandet H. *Napoléon III. Homme du XX siècle*. Paris, Hachette, 1961. 365 p.
16. Bluche F. *Le bonapartisme*. Paris, PUF, 1981. 127 p.
17. Bordonove G. *Napoléon III*. Paris, Pygmalion, 1998. 457 p.
18. Girard L. *Napoléon III*. Paris, Fayard, 2013. 550 p.

References

1. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1939, vol. I. 859 p. (in Russian).
2. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1950, vol. 5. 1007 p. (in Russian).
3. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1950, vol. 7. 1095 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

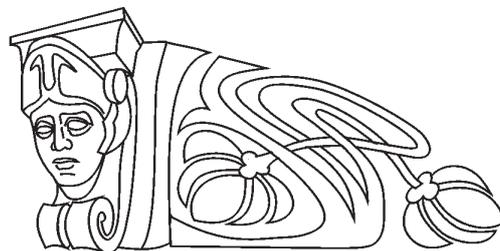

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 51–55
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 51–55
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-51-55>, EDN: MSGPVF

Научная статья
УДК 130.121+929[Штайн+ Ингарден+Хайдеггер]

Душа как субстанция личности: феноменологическое pro et contra

О. А. Сомова

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Сомова Оксана Андреевна, кандидат философских наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, oksanasomova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6135-1515>

Аннотация. Введение. В статье раскрываются некоторые методологические аспекты феноменологической дискуссии о личностном субъекте. Спор обусловлен реалистическими тенденциями в феноменологии, согласно которым совокупность свойств вещи позволяет утверждать наличие их онтологического основания, заключенного в сущности вещи. В случае с человеком таким онтологическим основанием выступает душа, которая определяет базовые характеристики личности, существующие до всякого конституирования. **Теоретический анализ.** Аргументируется противоречивость подобных концепций при помощи апелляции к методу работы М. Хайдеггера. Во-первых, обоснование связывается с отсутствием очевидной данности какой-либо сущности внутри имманентного восприятия; во-вторых онтологические категории структуры личностного субъекта являются данью уважения прежней философской традиции, а не ее критикой; в-третьих, постулирование онтологического основания свойств продолжают натуралистическое объяснение естественных наук. **Заключение.** Формулируется вывод о близости метода философствования Хайдеггера началу феноменологии, а также требованиям феноменологии духовного мира, изложенным в т. 2 «Идей» Гуссерля. Выдвигается гипотеза, согласно которой дальнейшее изучение личностного субъекта может быть продолжено вне рамок субстанционалистских концепций.

Ключевые слова: феноменология, персональный субъект, сущность, душа, онтология

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

Для цитирования: Сомова О. А. Душа как субстанция личности: феноменологическое pro et contra // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 51–55. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-51-55>, EDN: MSGPVF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The soul as the substance of a personality: Phenomenological pro et contra

O. A. Somova

V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachiya St., Saratov 410012, Russia

Somova Oksana Andreevna, oksanasomova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6135-1515>

Abstract. Introduction. The article reveals some methodological aspects of the phenomenological discussion of the personal subject. The dispute is caused by realistic tendencies in phenomenology, according to which the totality of properties of a thing allows us to assert the existence of their ontological basis, which is contained in the essence of the thing. In the case of a human being, such ontological foundation is the soul, which determines the basic characteristics of the personality that exist prior to any constitution. **Theoretical analysis.** The article argues for the contradictory nature of such concepts by appealing to M. Heidegger's method of work. Firstly, justification is associated with the absence of obvious givenness of any essence within immanent perception, secondly, ontological categories of the structure of the personal subject are a tribute to the previous philosophical tradition, not its criticism, and thirdly, postulation of the ontological basis of properties continue the naturalistic explanation of natural sciences. **Conclusion.** A conclusion is made about the closeness of Heidegger's method of philosophising to the original beginnings of phenomenology, as well as to the requirements of the phenomenology of the spiritual world set out in the second volume of Husserl's "Ideas". The hypothesis is put forward according to which further study of the personal subject can be continued beyond the framework of substantialist concepts.

Keywords: phenomenology, personal subject, essence, soul, ontology, Edit Stein, Roman Ingarden, Martin Heidegger

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

For citation: Somova O. A. The soul as the substance of a personality: Phenomenological pro et contra. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 51–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-51-55>, EDN: MSGPVF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Настоящее исследование посвящено лишь небольшому эпизоду большой философской проблемы, основания которой восходят к сердцевине феноменологической философии. Совершая операцию возвращения к своей внутренней жизни, примордиальной сфере, мы отрекаемся от принадлежности к прежней традиции мышления и воздерживаемся от любых утверждений о мире. Неозвученными остаются не только характеристики вещей (ведь любое суждение означало бы срыв в естественную, наивную установку полагания мира как само собой разумеющегося) [1]. Своих статусов лишаются одушевленные объекты, особая данность которых составляет ядро дискуссий среди феноменологов и по настоящее время.

Феноменология, как определял ее Э. Гуссерль, это наука о сущностях вещей. Их мы схватываем путем идеации свойств, многообразие которых содержательно синтезировано временным единством интенциональных актов. Многие вещи даны нам в своей материально-чувственной схеме, и, хотя наше высказывание о них возможно лишь в модусе «Я думаю, ... мне представляется ...» и т.д., тем не менее имеет место некоторое более-менее постоянное единство признаков вещи, составляющих содержание нозмы [2]. Иными словами, объект имеет свое своеобразие, свою совокупность существенных предикабилей, которые должны принадлежать ему как сущему самому по себе, так, чтобы вторичные, несущественные определения могли ему принадлежать [3, 12 f].

Люди как объекты интенциональности также могут быть описаны с точки зрения их внешних свойств, но наиболее существенными признаками для них являются все же качества иного рода – те, что делают каждого личностью, неповторимой, оригинальной и узнаваемой; те, что делали Сократа Сократом. Стало быть, предполагает Р. Ингарден, обращающийся в своих лекциях к некоторым аспектам эйдетической редукции, постижение качеств души есть постижение сущности каждого человека? [2].

Теоретический анализ

Рассматриваемая точка зрения получила свое оформление в трудах феноменологов, поддерживавших между собой дружеские и интеллектуальные связи. Р. Ингарден, Э. Штайн и Ж. Геринг каждый по отдельности развивал собственное видение вопросов антропологии

внутри феноменологии, общая идея которых – объяснение необходимости существования души человека как источника его личностных качеств. Единство души является фокусом человеческого характера и поведения, а также центром «монады», включающей в себя жизнь как сознания, так и тела [4].

Позиция Э. Штайн была сформирована не только непосредственным учителем Э. Гуссерлем, но и самим Р. Ингарденом, а также Ж. Герингом, другим учеником основателя феноменологии [5]. Ж. Геринг обращается к неразличным концептам гуссерлевской философии «Wesen» (существо, сущность) и «Idee» (идея) [цит. по: 6, р. 309]. Отстаивая идею сущности и обусловленными ею сущностными качествами, данными нам в восприятии вещей и явлений, Геринг приводит в качестве примера личность Цезаря, которая не может быть схвачена в простом перечислении «материальных» предикабилей. Путем описания внешних, в том числе психологических качеств Цезаря, невозможно постичь существо личности полководца. Исторические личности – посути класс объектов, обладающих индивидуальной сущностью, ядро. Перечисления их индивидуальных признаков недостаточно для их понимания [7]. Эту идею развивает Э. Штайн, полагая, что только одушевленные объекты обладают таким ядром.

Э. Штайн обращается к проведенному Э. Гуссерлем делению на чистое Я и реальное Я, принимая тем самым предпосылку о всегда данном, обнаруживаемом прежде всего Я. Я присуще каждому моменту времени, которое в ретроспективной протяженности и составляет внутреннюю жизнь сознания. Однако Э. Штайн замечает, что период конституирования Я не дан нам, равно как не даны причины возможной внезапной радости, тоски и сожаления. Они скрыты внутри, глубже Я, считает Штайн, и исток этих беспричинных эмоций жидется в душе. Душа – «идея» живого существа, определяющая сущность конкретного человека и его идентичность [8, 9]. Ее замечания, касающиеся неясности собственной душевной жизни для самого человека, представляются важными и для нашего исследования.

Гипостазирование души позволяет объяснить произвольность реакций и настроения человека, его склонности, способности, художественную чувствительность et cetera, т.е. все то, истоков чего мы не обнаруживаем, совершая феноменологическую редукцию к собственной внутренней жизни. Наличие ядра личности означает ее принципиальную познаваемость

(интуитивную у Р. Ингардена и религиозную у Э. Штайн), что представляется необходимым в случае поиска «истинного себя» и «своего собственного жизненного пути». С ядром личности соотнобразовывается стратегия личностного становления и роста. Свою личность можно и нужно познать.

Против субстанционалистских концепций говорит характер данности внутренней жизни человека: *«Проклятие натуралистического предрассудка, тяготеющее над нами всеми и лишаящее нас способности отрешиться от природы и сделать предметом созерцательного исследования также и психическое в его чистом виде, а не в психофизическом состоянии, закрыло здесь доступ в сферу большой и беспримерной по своим последствиям науки, которая является, с одной стороны, основным условием для подлинно научной психологии, а, с другой, полем истинной критики разума. Проклятие первородного натурализма заключается также и в том, что всем нам так трудно видеть «сущности», «идеи» или, правильнее (так как мы их все же, так сказать, постоянно видим), постигать их в их своеобразности и не натурализовать их»* [10, с. 213].

Натурализация подразумевает постулирование причинно-следственных отношений, возникающих между объектами природного мира, приводящих к определенным результатам. Р. Ингарден, рассуждая о «принципе всех принципов», выделяет феноменологическое познание именно как то, что ставит прежде всякого выяснения причин самоданность объекта. Апеллируя к словам Г. Гельмгольца, Р. Ингарден указывает на то, что естественнонаучный подход девальвирует самоданность факта, представленного в восприятии. Данные таким образом «подлинные определенности вещей» являются только «знаком» чего-то другого, того, что в опыте вообще не проявляется [11].

Гипостазирование сущности человеческой личности в этом случае сродни подобной натурализации: вместо описания и изучения феномена предполагается некоторое ядро, опосредующее его. Тем самым внимание смещается с самих феноменов на поиск подтверждений существования ядра в его проявлениях.

Более того, невозможность установить точный источник определенных феноменов не приводит Штайн в замешательство. Следуя аристотелевской и далее христианской традиции, она находит решение и дает ответ, установив причину описанных ею состояний. Имеет место аналогия: оригинальность разных личностей подобна тому, что одна вещь не похожа на другую, правда, тогда возникает некоторое противоречие.

Э. Штайн начинает свое исследование с тезиса, согласно которому сам себе субъект дан иным

образом, чем вещи и объекты чувственно-материального мира. Наша собственная сущность никогда не дана с той же очевидностью, с которой могут быть постигнуты вещи. Стало быть сущность человека предполагается по аналогии: если сущность вещей познаваема, значит, познание человека также должно быть сопряжено с постижением некоей сущности, а следовательно, сущность есть. Э. Штайн говорит о становлении человека самим собой в связи с его собственной душой. Повинуясь душе, ядру личности, живут наша совесть и интуиция, подсказывающая, что для нас правильно или чуждо. Однако тогда на «внутреннее чутьё», ведущее нас по путеводной нити собственной сути, приходится львиная доля доверия и однозначности, которая далеко не всегда обнаруживается.

Ключевым звеном исследования личностного бытия становится связка явлений, которые отсылают нас к некоторому «другому», более «правильному способу» жить. Однако отсюда не следует, что этот путь имеет конкретное инвариантное наполнение для каждого человека. Напротив, следуя феноменологическому подходу, корректнее было бы предположить, что этот путь связан с совокупностью ряда феноменов, которые частью феноменологов интерпретируются как нечто правильное, принимаются за знак «подлинной сущности».

Одна из первых волн критики в сторону подобных концепций звучит со стороны М. Хайдеггера уже в «Бытии и времени». Предположение личности, пишет философ, в качестве субстанции берется из суммирующего выведения единства тела, души и духа [12, с. 48], окрашенного коннотациями христианской традиции. Иными словами, М. Хайдеггер указывает на базовую предпосылку подобных концепций, которая заключается в «естественной» структуре человеческого существа, продиктованного скорее традицией, чем действительным феноменологическим выявлением последних.

В данном вопросе М. Хайдеггер гораздо ближе следует стилю работы Э. Гуссерля, чем его более близкие ученики. Лаборатория мысли Э. Гуссерля, запечатленная в его рукописях и письмах, свидетельствует о поступательном развитии идей строгой науки, которая лишь в более поздних своих вариациях касается довольно темных областей пра-истоков субъективности. Первоначальный этап феноменологии – это работа «снизу», т.е. работа по фиксации и изучению отдельных актов и модусов восприятия. Систематизация и научное абстрагирование феноменологии были стремлением Э. Гуссерля в период разработки «Идей I», но существенное изучение

феноменальных переживаний осуществлялось именно в период феноменологического анализа в период 1906–1910 гг.) [13, с. 59].

Общее стремление к онтологизации феноменов тем не менее не мешает М. Хайдеггеру более аккуратно следовать «принципу всех принципов» и не видеть какого-то объясняющего начала за рядом феноменов. Там, где феноменологи реалистического направления полагают обосновывающее те или иные феномены ядро, М. Хайдеггер удерживается на феномене и, кстати, замечает, что работа по вопрошанию о собственной самости возможна только при постоянной феноменологической актуализации соответствующих феноменов [12, с. 303]. Подобный подход коррелирует с положениями Э. Гуссерля, касающимися существа личности. Не имея возможности более подробно осветить данный вопрос, скажем лишь, что личность понимается им как результат самотематизации субъекта и обнаружения им собственных качеств в сопряжении с интенциональным объектом [14, р. 242]. Основная идея Гуссерля периода второго тома «Идей», знакомство с которыми М. Хайдеггер самостоятельно фиксирует на страницах «БиВ» [12, с. 47], – это невозможность объективации свойств персонального субъекта. Качества личности, связанные с интенциональным объектом в едином интенциональном акте и вне его, сами по себе, не даны. Несмотря на многочисленные разногласия между Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером, широко представленные в философской литературе [15, 16], Хайдеггер на протяжении всего «БиВ» сохраняет гуссерлевскую идею цельного видения личности, проявляющуюся в своих актах-интенциях.

Долгий путь к собственной самости, к индивидуации бытия *Dasein* начинается в неподлинном способе существования, который раскрывается через операциональные моменты: подручное, пространственность присутствия, связь отсылок. Аналогичное размышление обнаруживается и у Э. Гуссерля: в начале ч. 3 «Идей II» философ описывает персональную установку – субъективный способ мыслить мир как окружающую действительность. В отличие от натуралистической установки, конституирующей естественнонаучный мир «природы», персональная установка не объективирует мир, а представляет его в целостности взаимосвязанных активностей «для-меня». Философ пишет о буквально «окружающем» персонального субъекта мире, который по мере разрастания и встречи с другими людьми становится миром духа [17, S. 173–210.]. *Dasein* также дан внутри своего жизненного мира, внутри понятийного

аппарата, и первичное узнавание себя происходит не изнутри себя, путем интуитивного созерцания собственной сущности, а как бы «снаружи», со стороны мира феноменов. И даже если сам Э. Гуссерль решительно отвергал хайдеггеровское прочтение его феноменологии, при ближайшем рассмотрении М. Хайдеггер лишь раскрывает положения Э. Гуссерля, наращивает содержание на идейный костяк. Концепт *Dasein* раскрывается в условиях, заданных региональной системой Э. Гуссерля.

Заключение

Не говоря о сущности личности, М. Хайдеггер фокусирует внимание не на вопросе об источнике явления, а на самом явлении. Он удерживается от срыва в натуралистическое объяснение и останавливается на факте феноменов, результирующих данности внутренней душевной жизни. М. Хайдеггер не берется истолковывать наличные условия возникновения страха или одиночества, что сближало бы его мысль с психологической установкой, от которой так старательно отмежевался Э. Гуссерль. Именно это и отличает феноменологию, философию, направленную на постижение сущности феномена, от психологии, изучающей реальные обстоятельства переживаний индивида. Для внутреннего, имманентного созерцания доступны специфические феномены, ошибочно гипостазируемые в сущность. Стыд, одиночество, уверенность как феномены лишаются своего полновесного статуса и объявляются свойствами без весомых на то причин.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М. : Академический проект, 2010. 229 с.
2. Ингарден Р. Пятая лекция // Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 73–92.
3. Husserl E. *Husserliana III/I Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie.* (hrsg. v. K. Schuhmann). Haag : Springer Dordrecht, 1976. 232 S.
4. Bertolini S. The influence of Edith Stein on Ingarden's concept of person and soul (controversy over the existence of the world, § 78) // *HORIZON. Феноменологические исследования.* 2020. Т. 9, № 2. С. 579–600. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2020-9-2-579-600>
5. De Santis D. Core of the essence and core of the person: Jean Hering and a hidden source of Edith Stein's early ontology // *HORIZON. Феноменологические исследования.* 2021. Т. 10, № 2. С. 441–462. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2021-10-2-441-462>

6. Ingarden R. Jean Hering // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1966. Vol. 27, № 2. P. 308–310.
7. Hering J. Bemerkungen über das Wesen, die Wesenheit und die Idee // *Jahrbuch für Phänomenologie und phänomenologische Forschung*. 1921. № 4. P. 497–543.
8. Stein E. On the Problem of Empathy // *The Collected Works of Edith Stein Sister Teresa Benedicta of the Cross Discaled Carmelite*. Vol. 3. Washington : ICS Publications. 1989. P. 3–35.
9. Fetz R. L. Ich, Seele, Selbst. Edith Steins Theorie personaler Identität // *Phänomenologische Forschungen*. 1993. Vol. 26/27. S. 286–319.
10. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2005. С. 185–241.
11. Ингарден Р. История феноменологического движения // Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 224 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. : Наука, 2002. 450 с.
13. Мотрошилова Н. В. Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М. : Феноменология-Герменевтика, 2003. 720 с.
14. Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Erster Teil: 1905–1920 / ed. I. Kern. Hague : Martinus Nijhoff, 1973. Bd. 13. 547 S.
15. Молчанов В. И. Проблема обоснования феноменологии у Э. Гуссерля и М. Хайдеггера // *Время и сознание. Критика феноменологической философии*. М. : Высшая школа, 1998. 144 с.
16. Herrmann von F.-W. Der Begriff der phänomenologie bei Heidegger und Husserl. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1981. 52 S.
17. Husserl E. Gegensatz zwischen der naturalistischen und personalistischen Welt // *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie II*. Haag : Nijhoff, 1952. S. 173–210.
18. Husserl E. *Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge*. Dordrecht, Springer Science+Business Media Dordrecht, 1991. 249 S. (Russ. ed.: Gusserl E. *Kartezianskie meditatsii*. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2010. 229 p.).
19. Ingarden R. Sechste vorlesungen. In: *Einführung in die Phänomenologie Edmund Husserls : Osloer Vorlesungen*. 1967. Tübingen, M. Niemeyer, 1970. 306 S. (Russ. ed.: Ingarden R. *Pyataya lektsiya*. In: *Vvedenie v fenomenologiyu Edmunda Gusserlya*. Moscow, Dom intellektualnoy knigi, 1999, pp. 73–92).
20. Husserl E. *Husserliana III. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. (hrsg. v. K. Schuhmann). Haag, Springer Dordrecht, 1976. 232 S.
21. Bertolini S. The influence of Edith Stein on Ingarden's concept of person and soul (controversy over the existence of the world, § 78). *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya* [HORIZON. Phenomenological Research]. 2020, vol. 9, no. 2, pp. 579–600. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2020-9-2-579-600>
22. De Santis D. Core of the essence and core of the person: Jean Hering and a hidden source of Edith Stein's early ontology. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya* [HORIZON. Phenomenological Research], 2021, no. 2, pp. 441–462. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2021-10-2-441-462>
23. Ingarden R. Jean Hering. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1966, vol. 27, no. 2, pp. 308–310.
24. Hering J. Bemerkungen über das Wesen, die Wesenheit und die Idee. *Jahrbuch für Phänomenologie und phänomenologische Forschung*, 1921, no. 4, pp. 497–543.
25. Stein E. On the Problem of Empathy. *The Collected Works of Edith Stein Sister Teresa Benedicta of the Cross Discaled Carmelite Volume Three*. Washington, ICS Publications, 1989, pp. 3–35.
26. Fetz R. L. Ich, Seele, Selbst. Edith Steins Theorie personaler Identität. *Phänomenologische Forschungen*. 1993, vol. 26/27, S. 286–319.
27. Husserl E. *Philosophie als strenge Wissenschaft*. Frankfurt am Main, 1981. 107 S. (Russ.ed.: Gusserl E. *Filosofiya kak strogay nauka*. In: Gusserl E. *Izbrannye raboty*. Moscow, Territoriya budushchego, 2005, pp. 185–241).
28. Ingarden R. Geschichte per phänomenologische bewegung. In: *Einführung in die Phänomenologie Edmund Husserls Osloer Vorlesungen* 1967. Tübingen, M. Niemeyer, 1970. 306 S. (Russ. ed.: Ingarden R. *Istoriya fenomenologicheskogo dvizheniya*. In: *Vvedenie v fenomenologiyu Edmunda Gusserlya*. Moscow, Dom intellektualnoy knigi, 1999. 224 p.).
29. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Niemeyer. Tübingen, 2006. 445 S. (Russ. ed.: Chaydegger M. *Bytie i vremya*. St. Petersburg, Nauka, 2002. 450 p.).
30. Motroshilova N. V. *Idei I Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu* [Ideas I of Edmung Husserl as an Introduction to Phenomenology]. Moscow, Fenomenologiya-Germeneytika, 2003. 720 p. (in Russian).
31. Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität: Texte aus dem Nachlass. Erster Teil: 1905–1920. Ed. I. Kern. Hague, Martinus Nijhoff, 1973, Bd. 13. 547 S.
32. Molchanov V. I. Problem of foundation of phenomenology of E. Husserl and M. Heidegger. In: *Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii* [Time and consciousness. The Critique of Phenomenological Philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola, 1998. 144 p. (in Russian).
33. Herrmann von F.-W. *Der Begriff der phänomenologie bei Heidegger und Husserl*. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1981. 52 S.
34. Husserl E. Gegensatz zwischen der naturalistischen und personalistischen Welt. In: *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie II*. Haag, Nijhoff, 1952. S. 173–210.

References

1. Husserl E. *Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge*. Dordrecht, Springer Science+Business Media Dordrecht, 1991. 249 S. (Russ. ed.: Gusserl E. *Kartezianskie meditatsii*. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2010. 229 p.).
2. Ingarden R. Sechste vorlesungen. In: *Einführung in die Phänomenologie Edmund Husserls : Osloer Vorlesungen*. 1967. Tübingen, M. Niemeyer, 1970. 306 S. (Russ. ed.: Ingarden R. *Pyataya lektsiya*. In: *Vvedenie v fenomenologiyu Edmunda Gusserlya*. Moscow, Dom intellektualnoy knigi, 1999, pp. 73–92).
3. Husserl E. *Husserliana III. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. (hrsg. v. K. Schuhmann). Haag, Springer Dordrecht, 1976. 232 S.
4. Bertolini S. The influence of Edith Stein on Ingarden's concept of person and soul (controversy over the existence of the world, § 78). *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya* [HORIZON. Phenomenological Research]. 2020, vol. 9, no. 2, pp. 579–600. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2020-9-2-579-600>
5. De Santis D. Core of the essence and core of the person: Jean Hering and a hidden source of Edith Stein's early ontology. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya* [HORIZON. Phenomenological Research], 2021, no. 2, pp. 441–462. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2021-10-2-441-462>
6. Ingarden R. Jean Hering. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1966, vol. 27, no. 2, pp. 308–310.
7. Hering J. Bemerkungen über das Wesen, die Wesenheit und die Idee. *Jahrbuch für Phänomenologie und phänomenologische Forschung*, 1921, no. 4, pp. 497–543.
8. Stein E. On the Problem of Empathy. *The Collected Works of Edith Stein Sister Teresa Benedicta of the Cross Discaled Carmelite Volume Three*. Washington, ICS Publications, 1989, pp. 3–35.
9. Fetz R. L. Ich, Seele, Selbst. Edith Steins Theorie personaler Identität. *Phänomenologische Forschungen*. 1993, vol. 26/27, S. 286–319.
10. Husserl E. *Philosophie als strenge Wissenschaft*. Frankfurt am Main, 1981. 107 S. (Russ.ed.: Gusserl E. *Filosofiya kak strogay nauka*. In: Gusserl E. *Izbrannye raboty*. Moscow, Territoriya budushchego, 2005, pp. 185–241).
11. Ingarden R. Geschichte per phänomenologische bewegung. In: *Einführung in die Phänomenologie Edmund Husserls Osloer Vorlesungen* 1967. Tübingen, M. Niemeyer, 1970. 306 S. (Russ. ed.: Ingarden R. *Istoriya fenomenologicheskogo dvizheniya*. In: *Vvedenie v fenomenologiyu Edmunda Gusserlya*. Moscow, Dom intellektualnoy knigi, 1999. 224 p.).
12. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Niemeyer. Tübingen, 2006. 445 S. (Russ. ed.: Chaydegger M. *Bytie i vremya*. St. Petersburg, Nauka, 2002. 450 p.).
13. Motroshilova N. V. *Idei I Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu* [Ideas I of Edmung Husserl as an Introduction to Phenomenology]. Moscow, Fenomenologiya-Germeneytika, 2003. 720 p. (in Russian).
14. Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität: Texte aus dem Nachlass. Erster Teil: 1905–1920. Ed. I. Kern. Hague, Martinus Nijhoff, 1973, Bd. 13. 547 S.
15. Molchanov V. I. Problem of foundation of phenomenology of E. Husserl and M. Heidegger. In: *Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii* [Time and consciousness. The Critique of Phenomenological Philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola, 1998. 144 p. (in Russian).
16. Herrmann von F.-W. *Der Begriff der phänomenologie bei Heidegger und Husserl*. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1981. 52 S.
17. Husserl E. Gegensatz zwischen der naturalistischen und personalistischen Welt. In: *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie II*. Haag, Nijhoff, 1952. S. 173–210.

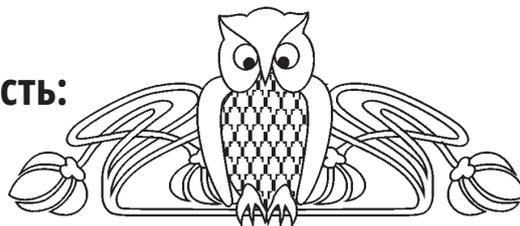
Поступила в редакцию 10.12.2023; одобрена после рецензирования 28.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
 The article was submitted 10.12.2023; approved after reviewing 28.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 56–61
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 56–61
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEMML

Научная статья
УДК 316.3+316.7

Государство и этническая идентичность: противостояние или союз?

В. Б. Устьянцев, М. О. Орлов, Е. В. Листвина, А. В. Рязанов ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент, декан философского факультета, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Рязанов Александр Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу взаимосвязи государства и этноса, государственной и этнической идентичности. В ней раскрываются механизмы формирования государства на основе освоения культурного багажа, созданного в рамках этнического коммуникативного пространства. **Теоретический анализ.** Одной из отличительных черт современных государств является сложный характер идентичностей входящих в их состав граждан. Показано, какими путями и за счет чего происходит утверждение государственного начала. С одной стороны, государство пытается включить в орбиту своей деятельности лучшие образцы этнической культуры. С другой стороны, оно стремится использовать возможности новых видов идентичности в своих интересах (цифровая идентичность). Материалы, заимствованные у других видов идентичности, в процессе освоения улучшаются и адаптируются к ситуации их использования. Они имеют тенденцию к встраиванию в современную массовую культуру. В процессе развития государства происходит изменение баланса «Я» и «Мы» идентичности в сторону усиления индивидуальной идентичности. Государство стремится противостоять этому. **Заключение.** Государство использует этническое коммуникативное пространство и этническую идентичность в качестве источника заимствования ценных для него сюжетов, исторических персонажей, праздников. Также оно стремится привлечь на свою сторону этнических активистов, которые являются носителями этой информации.

Ключевые слова: государство, этнос, государственная и этническая идентичность, коммуникативное пространство, массовая культура, современные коммуникации

Для цитирования: Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Листвина Е. В., Рязанов А. В. Государство и этническая идентичность: противостояние или союз? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 56–61. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEMML

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The state and ethnic identity: Confrontation or alliance?

V. B. Ustyantsev, M. O. Orlov, E. V. Listvina, A. V. Ryzanov ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir B. Ustyantsev, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Evgeniya V. Listvina, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Alexander V. Ryzanov, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the relationship between the state and ethnic group, state and ethnic identity. It reveals the mechanisms of state formation based on the development of cultural baggage created within the framework of the ethnic communicative space. **Theoretical analysis.** One of the distinctive features of modern states is the complex nature of the identities that comprise their citizens. The article shows in what ways and due to what the president of the state asserts the beginning of the state. On the one hand, the

state is trying to bring in the best examples of ethnic culture. On the other hand, it seeks to use the possibilities of new types of identity in its manifestations (digital identity). Materials borrowed from other types of identity are improved and adapted to the situation of their use in the process of development. They tend to be integrated into modern mass culture. In the process of development of the state, there is a change in the balance of "I" and "We" identities towards strengthening individual identity. The state is trying to counter this. **Conclusion.** The state uses ethnic communicative space and ethnic identity as a source of borrowing valuable plots, historical characters, and holidays. It also seeks to attract to its side ethnic activists who are the carriers of this information.

Keywords: state, ethnic group, state and ethnic identity, communicative space, mass culture, modern communications

For citation: Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Listvina E. V., Ryazanov A. V. The state and ethnic identity: Confrontation or alliance? *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 56–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEMLL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Государство и этнос представляют собой разные, иногда конкурирующие друг с другом формы организации больших групп людей и одновременно центры формирования идентичности. Первое из них возникло позже второго и постепенно начало представлять собой институализированную структуру, в процессе развития сформировавшуюся в аппарат классового господства в явном, а позже закамуфлированном виде. Второе, скорее, в большинстве случаев представляет тот изначальный субстрат, на основе которого государства и возникли. Государства обычно выстраивались поверх этнического начала и формировали свою систему сдержек и противовесов. В то же время эта система основывалась, главным образом, на элементах, возникших в рамках развития этноса и этнического.

Не менее важным является тот факт, что один и тот же человек может относиться одновременно к определенному государству (иметь государственную идентичность) и быть отнесенным к некоторому этносу (в том числе и по самоощущению). Для более ранних исторических этапов существования социума была характерна коллективная идентичность: человек воспринимал себя, прежде всего, членом некоторого коллектива, а не отдельной, изолированной единицей. Он мог выживать только в коллективе, при жизни в составе своей группы.

Более того, «соотношение Я-идентичности и Мы-идентичности у отдельного человека не задано раз и навсегда» [1, с. 13]. Со временем оно подлежит изменению, но происходит это крайне медленно: в спокойные периоды времени оно стабильно, но скорость изменения увеличивается в эпоху революционных перемен в жизни общества. Причем чем чаще про ранние времена идет речь, тем более вероятна ориентация человека именно на групповую, позже этническую идентичность. И так было в течение значительного периода существования человека современного вида.

Теоретический анализ

Этническая идентичность возникает в рамках функционирования того или иного этноса через общий язык (в том числе пословицы, поговорки), коллективную память, этническую историю, картину мира, обычаи и обряды, образующие коммуникативное пространство этноса, которое определенным образом взаимодействует с вмещающим его государством. По мнению С. А. Сухих, «язык – это фильтр, через который мы получаем возможность категоризации своего опыта. И языковая или национальная картина мира – это скорее конструкт, описывающий абстрактную схему надличностного структурирования» [2, с. 51]. В процессе функционирования языка постепенно складывается и постоянно совершенствуется властный дискурс. Последний возникает из-за необходимости организации управления группами населения различного происхождения. Владение гражданами общим языком значительно облегчает государству задачу управления.

Важно отметить, что одно государство может объединять множество этносов, и в этом случае, будучи различными по численности, уровню своего культурного развития и имеющемуся потенциалу, они могут находиться в разных отношениях к государству, и в разной степени ассоциировать себя с ним. При этом некоторые этнические группы оказываются слабо представленными в общегосударственной культуре и их вклад в нее оказывается на фоне других этносов мало заметным. С другой стороны, некоторые этносы могут иметь там хорошее представительство, вступая в симбиоз с вмещающим их государством.

Государство возникает отнюдь не только на основе этноса, оно имеет другую природу и склонно к использованию всего, до чего оно может дотянуться в своих собственных интересах. Это означает, что государства могут возникать не только на этнической основе, но этносы складываются исторически. Но каковы

бы они ни были по своему происхождению, «любое государственное образование старается контролировать основные коммуникативные потоки, и, тем самым, ставит пределы развитию этнических культур ...» [3, с. 94–95].

В рамках государств складываются те или иные органы власти. Чем более продвинутым является государство, тем в большей степени сознательным является выстраивание его несущей конструкции. В его рамках выбирается в качестве общего один ли несколько языков и создаются условия для овладения им (ими) большинством жителей, формируется пантеон культурных героев, на основе имеющегося материала складывается соответствующий исторический нарратив. Впоследствии он постоянно совершенствуется и дорабатывается в случае такой необходимости.

Государство в лице первых лиц старается выстроить свою версию происходящих событий, легитимировать свое существование и застолбить за собой определенное место в истории. Для этого власть во все времена использовала праздники, некоторые из них, возникшие на основе старых этнических праздников, объявлялись государственными.

Власть во все времена стремилась утвердить себя, привлекая к себе внимание своих подданных за счет организации разного рода торжеств, посвященных значимым историческим событиям, особенно связанным с историей самого государства. С этой целью может происходить мобилизация участников для таких мероприятий, к примеру, на проведение парада, посвященного какому-нибудь значимому событию. Так, люди, жившие в СССР, хорошо помнят парад в честь дня Победы и чувства сопричастности и гордости за страну, переполнявшие граждан в эти моменты.

Парад связан с праздником, а каждый праздник связан с определенной ценностью, выбранной для реализации своих целей режимом власти. Праздник возник раньше любого государства, но, поскольку он может быть эффективным орудием управления широкими народными массами, то он, естественно, был ассимилирован и заимствован властью. Польский исследователь К. Жигульский пишет, что праздник «оказывается прежде всего поводом к самоотождествлению – в дни праздника молодежь часто яснее, чем в других случаях, осознает себя, свое единство с общественной группой... Во время праздника в различных формах... отображается прошлое группы,

мифическое и историческое, а также современность, нынешняя ситуация» [4, с. 174].

Поскольку праздники тесно связаны с определенным церемониалом, обрядами, то они сопряжены с актуализацией определенных ценностей, причем значимых с точки зрения государства. Праздники требуют в том или ином виде совместного участия, соперничества. «Праздники и обряды в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность, и тем самым закрепление культурной идентичности. Ритуальное повторение обеспечивает единство группы во времени и в пространстве» [5, с. 60]. Именно поэтому формирование и поддержка общегосударственных праздников критически важны для любого действующего режима власти, для любой государственной (национальной) идентичности. И для этого власть не жалеет ни денег, ни усилий, ни иных ресурсов.

Находящаяся у власти в государстве группа стремится использовать значимые элементы из арсенала составляющих его этнических групп или отдельной этнической группы, отбираются наиболее удобные для этого культурные элементы, сюжеты, выбираются места памяти и соответствующие герои. В случае необходимости им придается нужный по ситуации характер, т. е. происходит их модификация под необходимый образец, который складывается со временем. Во многих случаях этим строительством занимаются особые люди, имеющие для этого подготовку и соответствующие навыки. Важно отметить, что в этом случае достаточно велика роль сознательного выбора в конструировании «общей» истории, которая стимулирует внутригосударственную идентичность и солидарность на низовом уровне.

Наиболее интересные для государства образцы этнических культур берутся на вооружение государством и становятся основой формирования общегосударственного нарратива. Это могут быть обычаи, ритуалы, праздники, даже сказки, которые могут сослужить государству хорошую службу в деле укрепления его основ. Таким образом, государство в лице действующей власти отбирает для освоения и переработки наиболее выигрышный, наиболее значимый, удобный для себя этнически маркированный материал и использует его для достижения своих целей. При этом может происходить даже неявное информационное оттеснение самих этнических активистов, т.е.

лиц, непосредственно связанных с некоторым этническим коммуникативным пространством, стремящихся к его развитию и трансляции последующим поколениям. С другой стороны, не менее важным является привлечение части идущих на сотрудничество этнических активистов для реализации намеченного. По сути то, что происходит, можно назвать перехватыванием некоторого «актива» и его последующей «приватизацией» структурами, связанными с государством.

Таким образом, под прицелом государства оказывается коллективная память граждан. Осуществляя свой трансфер, властный режим стремится заместить собой все прежние идентичности, поставив себя над ними и заставив «служить» себе. Распространенная в обществе «правильная» версия коллективной памяти (при активной поддержке изнутри) значительно облегчает издержки управления и снижает градус противостояния между различными стратами общества.

На определенном этапе существования государства на основе традиционной культуры возникает массовая культура, которая реализует интересы и государства, и бизнеса. Ее результатом является формирование идеологии общества потребления, получившей широкое распространение в современных государствах. Именно через массовую культуру государство устанавливает свои приоритеты, в рамках массовой, профессиональной культуры оно «приручает» этническое и втягивает в себя все лучшее, используя для своего развития достойные образцы. Возникновение массовой культуры связано с развитием и распространением средств массовой коммуникации в индустриальную эпоху. В ее рамках осуществляются адаптация и трансляция лучших образцов этнических культур на широкие слои населения.

Основными тенденциями за последнее время А. В. Костина считает «увеличение скорости изменений и вытеснение этнических культур национальными культурами, за которыми стоит поддержка государства. С другой стороны, и на одну, и на другую, – наступает и теснит массовая культура, которая унифицирует все, что в нее втягивается» [6, с. 96].

Для современного индивидуализированного человека характерны неустойчивость и подвижность баланса между конкурирующими идентичностями вплоть до исчезновения самого факта существования такого баланса. В этом случае один из этих полюсов исчезает, чаще этнический.

Современному человеку все чаще становится свойственна множественная идентичность, т. е. отнесение себя к разным социальным группам, имеющим разный генезис: возрастной, этнический, профессиональный и т. п. «Идентичность кажется фиксированной и твердой лишь при беглом осмотре извне. Какой бы твердостью она не обладала, при рассмотрении изнутри, с точки зрения собственного биографического опыта, она кажется хрупкой, уязвимой и постоянно раздираемой внутренними силами, раскрывающими ее текучесть...» [7, с. 92].

В современности можно увидеть тенденции ухода личности и от государства, и от этноса, вообще от какой-либо коллективной идентичности как таковой. Так, тот же З. Бауман рассуждает о существовании «новых элит» [7], не привязанных к одному месту, своеобразных современных кочевников. Они легко перемещаются между странами и континентами, пользуясь всеми имеющимися благами, ни к чему особо не привязываясь и ни за что конкретно не отвечая. Это своеобразная экстерриториальная элита современных государств.

Однако такая ситуация касается на настоящий момент сравнительно небольшого количества граждан, проживающих в самых развитых странах, которые составляют верхние страты общества. Подавляющее же большинство других вынуждено ориентироваться на прежние большие идентичности: государственные, этнические или какие-нибудь иные, к примеру, конфессиональные.

Ситуация с идентичностью населения современных государств становится все более сложной и проблемной. Дело в том, что за последние несколько десятилетий, особенно с начала XXI в., произошло бурное развитие современных коммуникативных технологий, что имело своим результатом появление нового значимого ресурса – цифровых медиа. С одной стороны, это способствовало росту индивидуализации рядового потребителя цифровых услуг и одновременно нарастанию вовлеченности в процесс обмена информационными сообщениями. Государство, установив контроль за ними, используя их, получило возможности воздействия на общее коммуникативное пространство в своих интересах. Широкое распространение цифровых средств массовой коммуникации, наряду с сокращением печатных СМИ, сделало их важным объектом интереса государственных структур в большинстве сфер современного общества и не только государственных. Некото-

рые авторы говорят о наступлении новой формы капитализма – «надзорного» капитализма [8].

Управленческие коммуникативные потоки со стороны органов государственной власти транслируются в том числе и через цифровые медиа. Именно они являются каналами, через которые осуществляются информационное воздействие. С их помощью можно манипулировать ожиданиями и притязаниями общества, осуществляя отбор нужного управленческого дискурса и формируя удобную, приемлемую для действующего политического режима повестку дня. В. А. Лекторский пишет, что современные информационно-коммуникационные технологии позволяют «воздействовать на сознание человека и даже программировать его» [9, с. 32].

В современном обществе индивидуализация и фрагментация распространяются на все большее количество граждан и все меньше их ориентировано на большие идентичности. Однако несмотря на давно объявленную «смерть» государства, тем не менее государственная (национальная) идентичность продолжает существовать и играть значимую роль. Вполне возможно, что ситуация будет оставаться приблизительно такой же в течение обозримого периода времени.

Заключение

Подводя итог исследованию, необходимо сделать вывод о том, что отношения этнического и государственного следует считать скорее союзом, нежели противостоянием, потому что стоящие за ними идентичности активно взаимодействуют. В большинстве случаев граждане имеют одновременно и одну и другую идентичность. Однако перевес во влиянии оказывается чаще на стороне государства. Государство как структура с властными полномочиями имеет намного больше возможностей для использования этнически маркированных продуктов традиционной (этнической) культуры в своих целях: и для достижения монолитности гражданского коллектива, и для укрепления классового и межнационального согласия. Ради достижения этих целей государство не поощряет (как минимум) деятельность этнических активистов, чьи инициативы не считаются полезными для существования данного государства. Государственная власть стремится использовать новые технические возможности современных цифровых технологий для осуществления необходимого влияния и контроля.

Список литературы

1. Элиас Н. Общество индивидов. М. : Праксис, 2001. 336 с.
2. Сухих С. А. Этническая специфика социального познания // Картина мира и способы ее репрезентации. Научные доклады конференции. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2003. С. 48–53.
3. Рязанов А. В. Особенности этнических и национальных культур в современном мире: аспекты трансформаций // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук. 2017. Т. 11, № S5. С. 94–97.
4. Жигульский К. Праздник и культура : Праздники старые и новые. Размышления социолога. М. : Прогресс, 1985. 336 с.
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Костина А. В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 144 с.
7. Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
8. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
9. Лекторский В. А. Естественное, искусственное и наука о человеке // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, №. 3. С. 31–35. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140302>

References

1. Elias N. *Die Gesellschaft der Individuen*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1996. 338 p. (Russ. ed.: Elias N. *Obshchestvo individov*. Moscow, Praksis, 2001. 336 p.).
2. Sukhikh S.A. Ethnic specificity of social cognition. *Kartina mira i sposoby ee reprezentatsii. Nauchnye doklady konferentsii* [Picture of the world and methods of its representation. Scientific reports of the conference]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2003, pp. 48–53 (in Russian).
3. Ryazanov A. V. Features of ethnic and national cultures in the modern world: Aspects of transformations. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk* [Current Problems of the Humanities and Economic Sciences], 2017, vol. 11, no. S5, pp. 94–97 (in Russian).
4. Żygulski K. *Święto i kultura: święta dawne i nowe : rozważania socjologa*. Warszawa, Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1981. 410 p. (Russ. ed.: Zhigul'skiy K. *Prazdnik i kul'tura*. Moscow, Progress, 1985. 366 p.).

5. Assmann Jan. *Das kulturelle Gedächtnis : Schrift, Erinnerung u. polit. Identität in frühen Hochkulturen*. München, Beck, Cop. 1992. 344 p. (Russ. ed.: Assman Ya. *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. 368 p.).
6. Kostina A. V. *Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokulturnoy dinamiki* [The Relationship Between Traditionality and Creativity as the Basis of Sociocultural Dynamics]. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROCOM", 2010. 144 p. (in Russian).
7. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge, Polity Press, Blackwell. 2000. 240 p. (Russ. ed.: Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost*. St. Petersburg, Piter, 2008, 240 p.).
8. Zuboff Sh. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, PublicAffairs, 2018. 691 p. (Russ. ed.: Zuboff Sh. *Epokha nadzornogo kapitalizma : bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti*. Moscow, Institut Gajdara Publ., 2022. 784 p.).
9. Lektorskiy V. A. The natural, the artificial and human sciences. *Kulturno-istoricheskaya psikhologia* [Cultural-historical Psychology], 2018, vol. 14, no. 3, pp. 31–35 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/chp.2018140302>

Поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 08.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–66

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 62–66

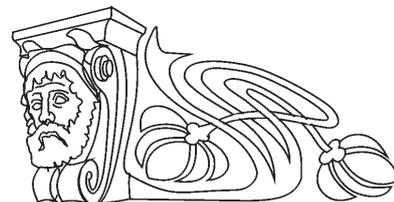
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-62-66>, EDN: JSDFKE

Научная статья

УДК [316:1]+004

Проблема приватности в цифровом обществе роевого интеллекта

М. А. Шаткин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шаткин Максим Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Аннотация. Введение. Развитие цифровых технологий требует конкретизации типа формирующегося цифрового общества. Одним из сценариев развития является становление цифрового общества роевого интеллекта. **Теоретический анализ.** Понятие роевого интеллекта означает оптимизационный алгоритм, подражающий поведению роев или колоний насекомых и птичьих стай. Для человеческого общества характерно проявление роевого интеллекта как условия совместной организованной деятельности, однако развитие цифровых технологий переводит роевый интеллект на более высокий уровень. Создание частных роев обуславливает возникновение рисков в виде «византийского робота» – взломанной частицы роя, передающего ложную информацию и ставящего под угрозу весь рой. Решением является включение во взаимодействие частиц элементов экономической игры, поддерживающих ценности честности, сотрудничества и солидарности. Это ведет к превращению приватности в «процесс» и изменению ее ценностного статуса. Защита приватности в обществе роевого интеллекта способно привести к потере трудом его общественного статуса и приобретение им частного, скрытого статуса и анонимизации занятости. **Заключение.** Возможный сценарий развития человеческого общества в сторону цифрового общества роевого интеллекта может стать источником глубоких социальных изменений и прежде всего переосмысления основанной на разделении труда социальной стратификации и социальной иерархии в целом.

Ключевые слова: роевой интеллект, общество роевого интеллекта, приватность, византийский робот, риски

Для цитирования: Шаткин М. А. Проблема приватности в цифровом обществе роевого интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 62–66. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-62-66>, EDN: JSDFKE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of privacy in a digital society of swarm intelligence

M. A. Shatkin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Max A. Shatkin, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Abstract. Introduction. The development of digital technologies requires the specification of the type of the emerging digital society. One of the development scenarios is the formation of a digital society of swarm intelligence. **Theoretical analysis.** The concept of swarm intelligence means an optimization algorithm that imitates the behavior of swarms or colonies of insects and bird flocks. Human society is characterized by the manifestation of swarm intelligence as a condition of joint organized activity, but the development of digital technologies brings swarm intelligence to a higher level. Creation of private swarms causes risks in the form of “Byzantine robot” – a hacked particle of the swarm, transmitting false information and jeopardizing the whole swarm. The solution is to incorporate elements of the economic game that support the values of honesty, cooperation and solidarity into the particle interactions. This leads to making privacy a “process” and changing its value status. Protecting privacy in swarm intelligence society has the potential to cause labor to lose its public status and acquire a private, hidden status and anonymized employment. **Conclusion.** The possible scenario of human society development towards the digital society of swarm intelligence can become a source of profound social changes and, above all, a rethinking of the social stratification based on the division of labor and social hierarchy in general. **Keywords:** swarm intelligence, digital society of swarm intelligence, privacy, Byzantine robot, risks

For citation: Shatkin M. A. The problem of privacy in a digital society of swarm intelligence. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 62–66 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-62-66>, EDN: JSDFKE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества и получение ими статуса не только инструментов решения практических задач, но обеспечивающей социальные и экономические взаимодействия инфраструктуры обусловило возникновение понятия «цифровое общество», которое часто ассоциировалось в первую очередь с функционированием цифровых платформ. Однако сегодня понятие «цифровое общество» требует конкретизации, поскольку прорывы в развитии цифровых технологий обуславливают разные сценарии становления этого общества. Речь идет о создании генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ), а также о развитии алгоритмов «роевого интеллекта» (англ. *swarm intelligence*, далее – РИ), под которым понимается коллективный результат локальных взаимодействий между членами роя (называемых частицами), ведущего себя как разумный объект [1, р. 13–17]. Если проблемы, связанные с развитием ИИ сегодня активно обсуждаются в российской философии [2, 3], то тема РИ в силу своей специфичности до сих пор остается вне поля зрения социально-философских исследований.

РИ предполагает наличие организованного с помощью алгоритмов роевой оптимизации множества отдельных элементов робототехники. Роевая организация позволяет существенно увеличить адаптивные способности роботов и их способности решать поставленные задачи благодаря скоординированным усилиям. При этом взаимоотношения между человеческим субъектом и роем могут иметь две формы. В первом случае роботизированный рой управляется человеком-оператором, в то время как рой функционально является продолжением нервной системы человека. В этом случае речь идет о «совместной петле» человека и роя, а точнее, кибернетической системе, включающей в себя человека, рой и интерфейс взаимодействия между ними [4]. В втором случае человек и рой образуют гибридный суперорганизм, способный к саморегуляции (например, в игровой ситуации решения задачи защиты человека от воздействий окружающей среды) посредством обмена сигналами, получившими название «виртуальные феромоны» [5]. Логично предположить, что распространение роевых алгоритмов на более широкий спектр социальных и экономических взаимодействий будет способствовать формированию общества, чьей отличительной характеристикой будет саморе-

гуляция на основе логики роя. Однако, как будет показано в следующем разделе, роевая логика уже лежит в основе человеческого общества. Вхождение роевой робототехники в социальные взаимодействия облегчается тем, что последние уже подчиняются роевым алгоритмам. В то же время усиление этой логики благодаря цифровым технологиям не только раскрывает новые горизонты для возможностей саморегуляции общества, но и формирует новые риски для как для общества в целом, так и для отдельных личностей.

Теоретический анализ

1. Роевая логика человеческого общества

В 2019 г. биолог и эколог Марк Моффетт опубликовал книгу «Человеческий рой» [6], в которой описал переход организации человеческого общества от малых сообществ, в основе которых лежит личное узнавание членов своего сообщества (такая организация характерна для всех высших приматов), к крупным сообществам, в которых господствует логика колоний (роев) общественных насекомых, птичьих стай и косяков рыб. В рамках последней нет необходимости постоянного укрепления доверительных отношений с друзьями, что ограничивает максимальный размер сообщества, но требуется наличие «маркеров идентичности», подтверждающих принадлежность группе (колонии, улью, культурному или религиозному сообществу). Чтобы выполнять свои функции, получать и передавать информацию о нахождении источника пищи, общественным насекомым не нужно лично знать друг друга, а нужно уметь действовать в соответствии с общими интересами и правильно формулировать и понимать данные, которые передаются между особями (умение, которым не обладают шимпанзе). Биологической предпосылкой, благодаря которой наши предки смогли перенять логику другого класса животного мира, стала способность людей к совместному вниманию и решению общих задач, что также может быть описано как наличие общего и разделяемого между членами общества опыта, – одной из ключевых характеристик РИ.

Способность координировать внимание и усилия, иметь одинаковые представления и образ мышления позволили людям создавать государства, религии и культуры. РИ может быть представлен как идеальная организация социальных взаимодействий в человеческом обществе. Классическим примером органи-

зации и действия определенной анонимной совокупности людей как единого разума является хор, начиная с ранних древнегреческих драм [7, р. 83–84]. В социологии и социальной психологии проблематика роевого поведения и интеллекта изучалась имплицитно как «групповое поведение» и «групповое мышление» и в эксплицитной форме с 2010 г. [8]. К первым попыткам философского осмысления РИ в человеческом обществе можно отнести разные формы критики «массового общества» и особенно работу Э. Канетти «Масса и власть», написанную в условиях более низкого уровня знаний закономерностей роевого поведения и интеллекта как в живой природе, так и в человеческом мире, и поэтому в некоторых аспектах уже устаревшую. Поэтому нами предлагается обзорное описание основных черт общества РИ с учетом современного уровня знаний.

Основной характеристикой общества РИ является разделение между членами общества опыта, ценностей, когнитивных паттернов, а также наличие совместного принятия решений. Обращаясь к истории русской философии, следует отметить, что сходными чертами обладала «соборность», понятие которой было развито у А. С. Хомякова. В данном обществе индивидуальные способности и знания объединены в целях достижения общего блага. Члены общества РИ обладают умением слушать и учитывать точки зрения других, а также готовностью к коммуникации и сотрудничеству. Это способствует максимально эффективной реализации задач и принятию оптимальных решений. Кроме того, общество РИ характеризуется информационной открытостью и доступностью знаний. В нем каждый член осведомлен о событиях и происходящих изменениях в обществе. Знания и опыт широко распространяются, что способствует повышению общего уровня интеллекта и качества принимаемых решений.

Препятствием к достижению такого состояния общества являются не только корыстные устремления отдельных индивидов, но и биологические ограничения в распространении и обработке информации людьми. Если в религиозной философии предполагалось, что эти ограничения будут сняты благодатным преобразованием человеческой природы, то в современном обществе «функцию» благодати в определенной мере начинают выполнять технологии. Полноценное человеческое общество

РИ требует внешнего подкрепления и может быть либо «соборным и благодатным», либо «цифровым».

На первом этапе своего развития цифровые технологии позволили большинству жителей развитых стран получить новый статус существования – «онлайн», означающий способность мгновенно получать сигналы и делиться опытом с другими членами общества вне зависимости от расстояния. Подключение к Интернету все большего числа материальных объектов (далее – роботов), обменивающихся информацией между собой и людьми, расширило возможности обмена информацией и саморегуляции. Следующим, активно обсуждаемым сегодня на уровне организации военных действий и правового регулирования, шагом является получение роботами права на принятие самостоятельных решений. Помимо рисков для человеческих жизней, здесь возникают другие риски, и прежде всего риски для приватности личности.

2. «Византийский робот» и риски приватности в цифровом обществе роевого интеллекта

Эффективность роя определяется его способностью действовать как разумный объект, решающий возникающие задачи. Достижение эффективности требует распределения между частицами роя достоверной информации о полученном ими опыте. Эффективный рой повышает для своих частиц шанс на адаптацию и выживание (а для личности – благополучие). Поэтому для идеального роя опыт частиц является публичным (в этом контексте получает новое звучание древнегреческое обозначение лиц, отстранившихся от публичной сферы, как «идиотов»). Роботизированные частицы роя, получая достоверную информацию о физическом мире и в перспективе психических состояниях человека, снижают риск получения личностями (чьи интересы поддерживает рой) ущерба от физического насилия, хищения и мошенничества со стороны других личностей. Условием для этого является доверие личностью роботам функций сбора полной информации о его жизни для обеспечения ее безопасности от возможных злоумышленников и происшествий. Эта информация поступает в общую информационную сеть для координации с действиями и интересами других личностей и потенциально – саморегуляции всего общества как роя высшего уровня. Однако вопросы обеспечения личной безопасности цифровыми средствами, а также тот факт, что, с точки зрения способно-

стей саморегуляции, РИ превышает интеллект отдельной частицы, создают давление на сферу приватности личности, причем это давление может выходить за границы исключительно вопросов безопасности.

При наличии изолированных (приватных) роев с конкурирующими интересами какая-то частица роя может быть взломана и начнет предоставлять другим частицам ложную информацию, ставя под угрозу интересы всего роя. Такая частица получила название «византийский робот», который даже в единственном экземпляре способен разрушить рой [9, р. 1]. «Византийский робот» не обязательно передает приватную информацию о человеке или наносит прямой или косвенный ущерб, но в любом случае следует и транслирует иную стратегию поведения, чем сотрудничество и честность. Результатом становится снижение возможностей для саморегуляции и адаптации роя и личности, чью деятельность рой поддерживает.

Проблема «византийского робота» требует переосмысления феномена приватности, в которую, помимо защиты жилища и персональных данных, должны быть включены аспекты, обычно относившиеся к ценностным и этическим нормам социальных взаимодействий. Приватность в цифровом обществе РИ предполагает защиту целостности, честности и солидарности внутри частной сферы личности, а не только в отношениях с другими личностями и обществом в целом, или в отношениях с супермощным ИИ при другом сценарии развития общества. Эта проблема соответствует начавшейся в социальных науках дискуссии о ценностных основаниях и ограничениях функционирования ИИ, однако только обращение к цифровым роям позволяет конкретизировать предмет обсуждения. Ключевым концептуальным и техническим вопросом здесь является создание инструментов, содействующих честному и «порядочному» поведению частиц роя. Исследователи отвечают на этот вопрос через включение во взаимодействие между частицами экономических правил, регулирующих взаимодействие роботов [9]. Роботы не просто обмениваются информацией, а «продают» ее, и те, чья информация оказывается истинной, со временем приобретают больше богатства, чем «византийские роботы», продающие ложную информацию. Это помогает создать своеобразную «атмосферу доверия», когда сигналы от более «богатых» частиц требуют меньше проверки, чем от «бедных», а отсутствие бо-

гатства, практически по-кальвинистски, может быть знаком «неблагонадежности» частицы.

Включение элементов экономической игры в функционирование роя ведет к важным последствиям. Во-первых, данный подход демонстрирует распространение на РИ ценностных установок через их связь с непосредственным накоплением «виртуального богатства», что отсылает к распространенным формам религиозности, обосновывающей пользу этического поведения материальным процветанием. Во-вторых, меняется концептуальный статус приватности, которая из геометрической метафоры «сферы» трансформируется в динамичный процесс, или «работу», связанную с подсчетом внутренней целостности, доверия и балансов взаимодействия частиц роя. В свою очередь, это повышает для личности ценность приватности, поскольку ее нарушение ведет к более существенным рискам для благополучия, чем получение спама или размещение личной переписки в Интернете. В-третьих, в качестве более отдаленного последствия трансформации приватной сферы в «процесс приватности» можно указать реверсивное распространение логики приватности на все рабочие процессы и выведение труда из публичной сферы в приватную. Потребуют переосмысления понятия общественного производства и социальной стратификации на основании престижности профессий, поскольку профессия личности станет скрытой через опосредование выполнения трудовых обязанностей РИ. Внедрение технологий блокчейна в этом направлении может привести к ситуации, когда руководитель не может знать, кто является его подчиненными или коллегами, хотя точно сможет сказать, кому из них можно доверять. Это станет предельным воплощением логики анонимного роя в публичной сфере – логики, которая проявляет в наши дни все возрастающую настойчивость.

Заключение

Краткий обзор специфики цифрового общества РИ в целом и проблемы приватности в рамках данного общества в частности позволяют заключить, что внедрение алгоритмов оптимизации, заимствованных из мира общественных насекомых, птиц и рыб, способно оказать глубокое трансформирующее влияние на ценностные установки общества, и в первую очередь на сферу приватности. Это обусловлено тем, что эффективность РИ напрямую

зависит от честности и открытости частиц роя, вследствие чего личность, использующая для поддержки своей жизни РИ, в дополнение к расширению своих возможностей получает рост уязвимости перед новыми рисками, такими, как «византийский робот». Социальными последствиями развития общества по данному сценарию может стать уход труда из сферы публичности в сферу приватности и последующая проблематизация социальной стратификации и, возможно, переосмысление социальной иерархии в целом. Таким образом, цифровое общество РИ может стать той социальной реальностью, в которой произойдут одни из наиболее глубоких перемен в истории человеческого рода.

Список литературы

1. Kennedy J., Eberhart R. C., Shi Y. *Swarm Intelligence*. San Francisco, Morgan Kaufmann, 2001. 512 p.
2. Глуздов Д. В. Философско-антропологический анализ противоречий развития искусственного интеллекта // *Философская мысль*. 2023. № 10. С. 106–123. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.10.40062>
3. Швырков А. И. Искусственный интеллект как философская проблема и искусственные интеллектуальные системы // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2022. Т. 47, № 4. С. 670–681. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-4-670-681>
4. Hasbach J. D., Bennewitz M. The design of self-organizing human–swarm intelligence // *Adaptive Behavior*. 2022. Vol. 30, iss. 4. P. 361–386. <https://doi.org/10.1177/10597123211017550>
5. Rockbach J. D. Enhancing Human Self-Regulation with Controllable Robot Swarms Acting as Extended Bodies // *2023 IEEE International Conference on Systems, Man, and Cybernetics (SMC)*. Honolulu, Oahu, HI, USA, 2023. P. 4104–4109. <https://doi.org/10.1109/SMC53992.2023.10394344>
6. Моффетт М. Человеческий рой: Естественная история общества. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2022. 704 с.
7. DuBois P. *Democratic Swarms: Ancient Comedy and the Politics of the People*. University of Chicago Press, 2022. 278 p.
8. Krause J., Ruxton G. D., Krause S. Swarm intelligence in animals and humans // *Trends in Ecology and Evolution*. 2010. Vol. 25, iss. 1. P. 28–34. <https://doi.org/10.1016/j.tree.2009.06.016>
9. Van Calck L., Pacheco A., Strobel V., Dorigo M., Reina A. A blockchain-based information market to incentivise cooperation in swarms of self-interested robots // *Scientific Reports*. 2023. Iss. 13. Article number 20417. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-46238-1>

References

1. Kennedy J., Eberhart R. C., Shi Y. *Swarm Intelligence*. San Francisco, Morgan Kaufmann, 2001. 512 p.
2. Gluzdov D. V. Philosophical anthropology analysis of contradictions in the development of artificial intelligence. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2023, no. 10, pp. 106–123 (in Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.10.40062>
3. Shvyrkov A. I. Artificial Intelligence as a Philosophical Problem and Artificial Intellectual Systems. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law], 2022, vol. 47, no. 4, pp. 670–681 (in Russian). <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-4-670-681>
4. Hasbach J. D., Bennewitz M. The design of self-organizing human–swarm intelligence. *Adaptive Behavior*, 2022, vol. 30, iss. 4, pp. 361–386. <https://doi.org/10.1177/10597123211017550>
5. Rockbach J. D. Enhancing Human Self-Regulation with Controllable Robot Swarms Acting as Extended Bodies. In: *2023 IEEE International Conference on Systems, Man, and Cybernetics (SMC)*. Honolulu, Oahu, HI, USA, 2023, pp. 4104–4109. <https://doi.org/10.1109/SMC53992.2023.10394344>
6. Moffett M. *Chelovecheskiy roy: Estestvennaya istoriya obshchestva* [The Human Swarm: How our Societies Arise, Thrive, and Fall]. Moscow, KoLibri, ABC-Atticus, 2022. 704 p.
7. DuBois P. *Democratic Swarms: Ancient Comedy and the Politics of the People*. University of Chicago Press, 2022. 278 p.
8. Krause J., Ruxton G. D., Krause S. Swarm intelligence in animals and humans. *Trends in Ecology and Evolution*, 2010, vol. 25, iss. 1, pp. 28–34. <https://doi.org/10.1016/j.tree.2009.06.016>
9. Van Calck L., Pacheco A., Strobel V., Dorigo M., Reina A. A blockchain-based information market to incentivise cooperation in swarms of self-interested robots. *Scientific Reports*, 2023, iss. 13, article no. 20417. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-46238-1>

Поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 67–72

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 67–72
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-67-72>

EDN: FMSBSS

Научная статья
УДК 159.923.2:355.232

Основные виды военной идентичности курсантов военных вузов

В. О. Акбутаев

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Акбутаев Владимир Олегович, соискатель кафедры военной педагогики и психологии, Daviir147@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-2255-0247>

Аннотация. Введение. В статье представлены результаты исследования основных видов военной идентичности курсантов. В качестве инструментария предложена новая методика для определения двух видов военной идентичности и оценки их значимости. **Теоретический анализ.** Военная идентичность как один из видов идентичности в структуре личности военнослужащего интересна для изучения не только через призму основной направленности его обязанностей по обеспечению безопасности. Военнослужащий всегда действует в составе воинского коллектива, поэтому военную идентичность необходимо исследовать в том числе через взаимосвязь его личности и окружающего воинского коллектива. **Эмпирический анализ.** Цель исследования – разработка нового инструмента для выявления и оценки данной взаимосвязи в структуре военной идентичности. Гипотезой проведенного исследования выступило предположение, что предложенный инструмент характеризуется достаточным уровнем валидности и надежности для определения и оценки двух основных видов военной идентичности курсантов. **Заключение.** В ходе исследования выделено два вида военной идентичности курсантов: общая военная идентичность и идентичность с воинским коллективом. Подтверждено, что предложенная методика характеризуется достаточным уровнем валидности, надежности и является достоверным диагностическим инструментом для определения и оценки значимости указанных видов военной идентичности.

Ключевые слова: общая военная идентичность, идентичность с воинским коллективом, подразделение, курсант, офицер

Для цитирования: Акбутаев В. О. Основные виды военной идентичности курсантов военных вузов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 67–72. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-67-72>, EDN: FMSBSS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

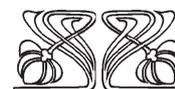
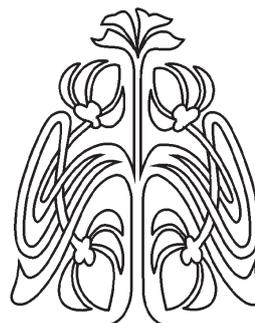
Main types of military identity of military universities cadets

V. O. Akbutaev

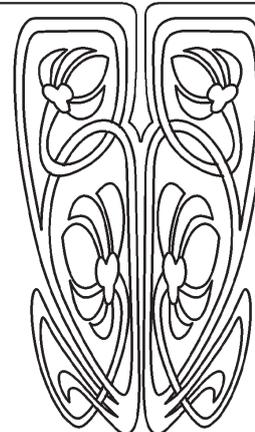
Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard of the Russian Federation, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Vladimir O. Akbutaev, Daviir147@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-2255-0247>

© Акбутаев В. О., 2024

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Abstract. Introduction. The article presents the results of the study of the main types of military identity of cadets. A new methodology for determining two types of military identity and assessing their significance is proposed as a toolkit. **Theoretical analysis.** Military identity, as one of the types of identity in the structure of a serviceman's personality, is interesting to study not only through the prism of the main focus of his security responsibilities. A serviceman always acts as a part of military staff, so military identity should also be studied through the relationship of his personality with the surrounding military team. **Empirical analysis.** The purpose of the study was to develop a new instrument for identifying and assessing this relationship in the structure of military identity. The hypothesis of the study was the assumption that the proposed instrument is characterized by a sufficient level of validity and reliability to identify and assess the two main types of cadets' military identity. **Conclusion.** In the course of the study, two types of cadets' military identity were identified: general military identity and identity with the military staff. It was confirmed that the proposed methodology is characterized by a sufficient level of validity, reliability and is a reliable diagnostic tool for determining and assessing the significance of the specified types of military identity.

Keywords: common military identity, identity with military staff, unit, cadet, officer

For citation: Akbutaev V. O. Main types of military identity of military universities cadets. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 67–72 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-67-72>, EDN: FMSBSS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Результаты многих исследований подтверждают, что идентичность личности напрямую связана с условиями социума, в которых находится человек. В зависимости от выполняемых социальных обязанностей один и тот же человек может одновременно обладать разными видами идентичности личности. Более того, находясь в коллективе, он идентифицирует себя не только с направлением выполняемых обязанностей, но и с остальными членами этого коллектива. Данные обстоятельства дают возможность рассматривать одну и ту же идентичность личности с разных сторон, изучать ее внешний и внутренний контуры.

Динамичность изменений в области безопасности внутри страны на уровне внешних угроз и в связи с возникновением многочисленных конфликтов требует формирования качественно нового подхода к изучению феномена военной идентичности тех, кто призван осуществлять эту безопасность, а также более углубленного ее изучения. Возникает необходимость в применении качественного инструментария, позволяющего не только выявить факт наличия военной идентичности, но и оценить уровень ее значимости через взаимосвязь личности военнослужащего и его отношения к выполняемым обязанностям, а также к воинскому коллективу, в составе которого исполняются эти обязанности.

Теоретический анализ

Феномен социальной идентичности активно исследуется учеными. Среди зарубежных специалистов можно выделить П. Рикера [1], Э. Эриксона [2], Г. Тэджфела и Дж. Тернера [3, 4]. Говоря об отечественных исследователях, необ-

ходимо отметить научные труды Н. Н. Лебедевой [5], М. В. Заковоротной [6], А. Н. Татарко [7], Т. Г. Стефаненко [8].

Анализ результатов исследований названных ученых позволяет утверждать, что в социальной психологии понятие «идентичность личности» указывает на то, как субъект (человек) воспринимает и осознает себя в процессе социального взаимодействия, т.е. «отыгрыwania» определенной роли в обществе. Это означает, что формирование идентичности есть эффект процесса социализации личности и ее воспитания в ходе данного процесса. Кроме того, их труды освещают назревшую актуальность более детального исследования отдельных видов социальной идентичности, необходимость выявления не только их наличия, но и изучения присущих им особенностей в междисциплинарной области знаний.

О роли идентичности применительно к военной профессии высказывались ученые-практики, такие как Л. А. Кузнецова [9], А. И. Сорокин [10]. Обобщая их мнение, можно сделать некоторые выводы относительно военной идентичности в структуре личности военнослужащего: сущность понятия «военная идентичность» непосредственно связана с удовлетворением потребности граждан в физической и психологической безопасности; она предполагает обязательное наличие у личности определенных черт и качеств «военного человека»; военную идентичность личности можно назвать «динамичной» характеристикой, развивающейся и изменяющейся в зависимости от процесса становления личности военнослужащего; на любом этапе военной социализации каждый военнослужащий всегда является частью какого-либо воинского коллектива.

Наибольший интерес для исследования данного феномена представляет категория кур-

сантов военных вузов. Становление личности будущего командира происходит в течение пятилетнего периода обучения. Такой длительный временной промежуток дает возможность не только подробно изучить процесс становления военной идентичности у курсантов, но и более объективно проследить ее взаимосвязь с другими видами идентичности личности на каждом этапе обучения. Таким образом, исследование становления идентичности курсантов может рассматриваться в первую очередь как естественный социальный эксперимент, в котором зависимой переменной становится военная идентичность. Из этого следует, что создание надежного и валидного инструмента для рассмотрения основных видов военной идентичности и оценки их уровня обусловлено не только с точки зрения научной новизны. Прикладной аспект применения результатов исследования позволит изучать уровень готовности абитуриентов к обучению в сложных условиях и дальнейшей военной службе в офицерских должностях, а также оценивать и своевременно корректировать военную социализацию личности курсантов.

Эмпирический анализ

Цель исследования – создание опросника для выявления и оценки видов военной идентичности у курсантов военных образовательных учреждений. В ходе разработки опросника были применены материалы исследования и практические рекомендации В. П. Устинова об особенностях валидизации опросных методик [11]. Содержание опросника включает 25 утверждений, на каждое из которых респонденту предложены варианты ответов: «абсолютно не согласен» – 1, «не согласен» – 2, «согласен отчасти» – 3, «согласен» – 4, «абсолютно согласен» – 5.

Методами исследования стали анкетирование и методы статистического анализа (факторный и корреляционные анализы).

В выборку вошли 500 курсантов, проходящих обучение на всех пяти курсах Саратовского военного института Росгвардии и обладающих различными социально-демографическими характеристиками. Возраст испытуемых – 17–26 лет, $M = 20,12$ лет.

Процедура. Первоначальным этапом исследования стала проверка валидности утверждений разработанного опросника видов военной идентичности. Для этого группе квалифицированных экспертов с опытом работы по исследуемому

направлению от 10 до 30 лет было предложено оценить очевидную валидность утверждений разработанного опросника, а также их адекватность по отношению к предмету исследования. Для оценки понятности утверждений в качестве неквалифицированных экспертов были привлечены сами курсанты, отобранные случайным образом по 5 чел. от каждого курса. Процедура оценки проводилась по отдельности в каждой группе курсантов, относящихся к одному курсу, что исключало возможность авторитетного влияния старшекурсников на курсантов младших курсов.

На следующем этапе проверялась содержательная валидность подготовленного опросника, отобранные утверждения были рационализированы, а некоторые утверждения, получившие низкие экспертные оценки, были выбракованы из первоначальной версии опросника как не отвечающие достаточному уровню экспертной валидности.

Завершающим этапом стал анализ полученных результатов с целью оценки надежности разработанного инструментария (вычисления α -Кронбаха) и проведение факторного анализа для выделения видов военной идентичности.

Результаты и их обсуждение

В ходе первоначального этапа анализа результатов нашего исследования был произведен расчет коэффициента α -Кронбаха. Полученный результат $\alpha = 0,925$ можно охарактеризовать как отличный, что указывает на высокий уровень внутренней согласованности шкал разработанного опросника.

При последующем анализе полученных данных для выделения видов военной идентичности нами был применен факторный анализ, включающий метод главных компонент. Вращение выделенных факторов осуществлялось методом Варимакс с нормализацией Кайзера. Полученный показатель меры адекватности выборки Кайзера – Майера – Олкина составил 0,936.

Высокие значения данных показателей говорят о применимости метода факторного анализа для выделения двух видов военной идентичности на основе представленных нами показателей (пунктов).

Как видно из табл. 1, в результате применения метода факторного анализа было выявлено два фактора, объясняющих 64,4% общей дисперсии.

Таблица 1 / Table 1

**Повернутая матрица компонентов
Rotated component matrix**

Утверждение	Компонент	
	1	2
Военная служба – это мое призвание	.826	
Мой выбор поступления в военный институт – единственно правильный среди других гражданских вузов	.806	
Я сильно ощущаю свою принадлежность к военной сфере	.802	
Я скорее предпочту быть военнослужащим, чем представителем какой-либо другой профессии	.797	
Мне ближе образ жизни по военному распорядку, чем свободный образ жизни обычного студента	.746	
Для меня очень важно чувствовать свою принадлежность к офицерскому корпусу России	.731	
Я не могу представить себя никем иным, кроме как военным	.722	
Если бы у меня была возможность, я бы изменил выбор своей будущей профессии на другую вместо военной службы	-.721	
Важной частью моей личности является членство в воинском коллективе	.644	
Мне комфортнее себя чувствовать, когда рядом есть военнослужащие моего подразделения		.826
Мне проще выполнять задачу в составе своего подразделения, чем когда я действую отдельно от него		.818
Я чувствую себя нужным, если действую вместе со своим подразделением		.760
Для меня важно ощущать себя частью своего подразделения		.585
Я чувствую сильную связь со своими сослуживцами		.558
Дисперсия	41,35%	23,05%

Первый фактор объясняет 41,35% общей дисперсии. Суммируя его показатели, представленные выше, сущность значения этого фактора можно сформулировать как «Общая военная идентичность». Второй фактор объясняет 23,05% общей дисперсии. Обобщив показатели табл. 1, его можно определить, как «Идентичность с воинским коллективом». В ходе анализа взаимосвязи пунктов, вошедших в выделенный фактор, установлен факт высоко значимых и положительных значений корреляции, за исключением пункта «Если бы у меня была возможность, я бы изменил выбор своей будущей профессии на другую, вместо военной службы» в шкале «Общая военная идентичность» (выявлено отрицательное значение корреляционной связи, табл. 2).

Представленные результаты свидетельствуют о логичности и высокой внутренней

согласованности субшкал (видов военной идентичности), выделенных в результате факторного анализа. Следовательно, выделенные факторы и соответствующие им шкалы могут быть использованы в качестве самостоятельных переменных в ходе дальнейших исследований.

Заключение

Современная обстановка демонстрирует актуальность и значимость исследования феномена военной идентичности. Представленные результаты исследования вносят вклад в изучение взаимосвязей военной идентичности личности военнослужащего с направленностью выполняемых им обязанностей по обеспечению безопасности государства и общества, а также коллективом, в составе которого эти обязанности выполняются. Разработанный инстру-

Корреляционный анализ пунктов видов военной идентичности
Correlation analysis of items of military identity types

Общая военная идентичность									
Номер пункта	3	5	6	7	10	11	13	18	25
3	1	,682**	,619**	,590**	,643**	,600**	,575**	,525**	-,582**
5	,682**	1	,659**	,644**	,682**	,655**	,606**	,601**	-,529**
6	,619**	,659**	1	,567**	,666**	,614**	,495**	,562**	-,410**
7	,590**	,644**	,567**	1	,665**	,590**	,640**	,565**	-,453**
10	,643**	,682**	,666**	,665**	1	,783**	,678**	,582**	-,498**
11	,600**	,655**	,614**	,590**	,783**	1	,637**	,594**	-,539**
13	,575**	,606**	,495**	,640**	,678**	,637**	1	,571**	-,464**
18	,525**	,601**	,562**	,565**	,582**	,594**	,571**	1	-,402**
25	-,582**	-,529**	-,410**	-,453**	-,498**	-,539**	-,464**	-,402**	1
Идентичность с воинским коллективом									
Номер пункта	20	21	22	23	24				
20	1	,658**	,439**	,431**	,460**				
21	,658**	1	,435**	,538**	,456**				
22	,439**	,435**	1	,509**	,617**				
23	,431**	,538**	,509**	1	,578**				
24	,460**	,456**	,617**	,578**	1				

Примечание. ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Note. ** – correlation is significant at 0.01 (two-way).

ментарий является надежным и позволяет качественно определять и оценивать значимость двух видов военной идентичности курсантов военных образовательных учреждений.

Список литературы

1. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: КАМІ, 1995. 160 с.
2. Эриксон Э. Детство и общество. 2-е изд., перераб. и доп. / пер. с англ. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
3. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / eds. W. G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks-Cole, 1979. P. 33–48.
4. Turner J. C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // Advances in Group Processes / ed. by E. Lawer. Greenwich, Connecticut: JAI Press, 1985. P. 77–121.
5. Лебедева Н. Н. Особенности социальной идентичности в раннем юношеском возрасте: представление результатов эмпирического исследования // Челябинский гуманитарий. 2012. № 1 (18). С. 55–60.
6. Заковоротная М. В. Идентичность человека: социально-философские аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 1999. 200 с.
7. Татарко А. Н., Чуйкина Н. В. Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17, № 4. С. 65–73. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170407>
8. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
9. Кузнецова Л. А. Феномен военной идентичности кадет и особенности ее формирования в кадетском военном корпусе // Человек и образование. 2021. № 1 (66). С. 66–70. <https://doi.org/10.54884/s181570410020337-5>
10. Сорокин А. И. Актуальность изучения военно-профессиональной идентичности военнослужащих в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Сборник статей IV Международной науч-

но-практической конференции : в 2 ч. Ч. 2 (Пенза, 20 октября 2017 г.) / под ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза : Наука и Просвещение, 2017. С. 166–169.

11. Устинов В. П. Разработка психодиагностических методик и их применение в эмпирических исследованиях : учебное пособие. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2004. 104 с.

References

1. Riker P. *Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie lektzii i intervyyu* [Hermeneutics. Ethics. Politics: Moscow lectures and interviews]. Moscow, KAMI, 1995. 160 p. (in Russian).
2. Ericson E. *Childhood and society*. New York, London, W. W. Norton & Company, 1993. 448 p. (Russ. ed.: Erikson E. *Detstvo i obshchestvo*. St. Petersburg, Lenato, AST, Fond "Universitetskaya kniga", 1996. 592 p.).
3. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict. In: Austin W. G., Worchel S., eds. *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks-Cole, 1979, pp. 33–48.
4. Turner J. C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. In: Lawer E., ed. *Advances in Group Processes*. Greenwich, Connecticut, JAI Press, 1985, pp. 77–121.
5. Lebedeva N. N. Features of social identity in early adolescence: Presentation of the results of an empirical study. *Chelyabinskiy gumanitariy* [Chelyabinsk Humanist], 2012, no. 1 (18), pp. 55–60 (in Russian).
6. Zakovorotnaya M. V. *Human Identity: Socio-Philosophical Aspects*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Rostov-on-Don, 1999. 200 p. (in Russian).
7. Tatarko A. N., Chuykina N. V. The relationship between multiple identities and social capital in the post-soviet space: Intergenerational analysis. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical Psychology], 2021, vol. 17, no. 4, pp. 65–73 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/chp.2021170407>
8. Stefanenko T. G. Ethnic identity: From ethnology to social psychology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2009, no. 2, pp. 3–17 (in Russian).
9. Kuznetsova L. A. The phenomenon of cadet military identity and the features of its formation in the cadet military corps. *Chelovek i obrazovanie* [Man and education], 2021, no. 1 (66), pp. 66–70 (in Russian). <https://doi.org/10.54884/s181570410020337-5>
10. Sorokin A. I. The relevance of studying the military-professional identity of military personnel in the troops of the National Guard of the Russian Federation. *Sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. Ch. 2* [Guljaev G. Yu., ed. Collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Part 2 (Penza, October 20, 2017)]. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2017, pp. 166–169 (in Russian).
11. Ustinov V. P. *Razrabotka psikhodiagnosticheskikh metodik i ikh primeneniye v empiricheskikh issledovaniyakh* [Development of Psychodiagnostic Techniques and their Application in Empirical Research]. Irkutsk, Irkutsk gosudarstvennyy universitet Publ., 2004. 104 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 16.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 16.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 73–78
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 73–78
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-73-78>, EDN: FUDPMN

Научная статья
УДК 316.6

Генерализованная готовность как социально-психологическая установка личности

С. С. Гоголь

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гоголь Светлана Сергеевна, аспирант кафедры психологии личности, s.gogol@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3138-9912>

Аннотация. Введение. Социальные вызовы современности обуславливают необходимость адаптации личности к стремительно меняющимся условиям. В качестве социально-психологического конструкта, способствующего эффективности такой адаптации, предлагается понятие «генерализованная готовность личности». **Теоретический анализ.** В статье рассмотрены отечественные и зарубежные работы, описывающие феномен готовности, а также близкие по содержанию конструкты: жизнестойкость, резильентность, толерантность к неопределенности; проведен сравнительный анализ этих понятий. Предложено понятие «генерализованная готовность личности» как установка, предполагающая предрасположенность к определенному социальному поведению и включающая когнитивный, мотивационный, эмоционально-волевой и поведенческий компоненты. Обоснована необходимость введения конструкта генерализованной готовности к широкому спектру социальных ситуаций, представляющего собой личностный ресурс, помогающий совладать с ситуацией социального вызова, неопределенности и сохранить самоэффективность в меняющихся условиях. Описаны основные содержательные характеристики генерализованной готовности личности. **Заключение.** Сформулировано определение генерализованной готовности личности как системы формируемых установок, ориентированных на эффективную жизнедеятельность в условиях неопределенности, проявляющихся в ситуации взаимодействия с Другими с учетом имеющегося опыта, самооценки, представлений о собственной компетентности и самоэффективности.

Ключевые слова: генерализованная готовность личности, неопределенность, социальные вызовы, установка, аттитюд

Для цитирования: Гоголь С. С. Генерализованная готовность как социально-психологическая установка личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 73–78. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-73-78>, EDN: FUDPMN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Generalized readiness as a socio-psychological attitude

S. S. Gogol

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana S. Gogol, s.gogol@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3138-9912>

Abstract. Introduction. Modern social challenges make it necessary to adapt the individual to rapidly changing conditions. The concept of generalized readiness of the individual is proposed as a socio-psychological construct that contributes to the effectiveness of such adaptation. **Theoretical analysis.** The article discusses domestic and foreign works describing the phenomenon of readiness, as well as constructs similar in content: vitality, resilience, tolerance to uncertainty. A comparative analysis of these concepts is carried out. The concept of generalized readiness is proposed as an attitude that presupposes a predisposition to certain social behavior and includes cognitive, motivational, emotional-volitional and behavioral components. The necessity of introducing the construct of generalized readiness for a wide range of social situations is substantiated, which represents a personal resource that helps to cope with situations of social challenge, uncertainty and maintain self-efficacy in changing conditions. The main content characteristics of a person's generalized readiness are described. **Conclusion.** The analysis made it possible to formulate a definition of generalized readiness as a system of formed attitudes focused on effective life activity in conditions of uncertainty, manifested in a situation of interaction with Others, taking into account existing experience, self-esteem, ideas about one's own competence and self-efficacy. **Keywords:** generalized personality readiness, uncertainty, social challenges, attitude

For citation: Gogol S. S. Generalized readiness as a socio-psychological attitude. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 73–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-73-78>, EDN: FUDPMN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современная социальная ситуация характеризуется высокой степенью неопределенности и непредсказуемости. Социальные вызовы обуславливают необходимость актуализации внутренних ресурсов личности, способствующих ее адаптации к новым условиям. При этом важно не только приспосабливаться к меняющейся ситуации, но и преодолевать жизненные трудности, сохраняя психологическое равновесие, уверенность в себе, способность эффективно планировать будущее, достигать поставленных целей, добиваться успеха, поддерживать и развивать социальные контакты.

Глобальные вызовы современности – экологические проблемы, геополитическая неустойчивость, высокие темпы развития технологий, цифровизация всех сфер жизни, социальная нестабильность – привели к формированию кризисной ситуации, когда мир стал восприниматься ненадежным, непредсказуемым, неустойчивым, непонятным.

Личность в ситуации неопределенности, социальных изменений и вызовов в последние годы становится центром внимания психологии. В качестве конструктов, способствующих эффективной ее адаптации в новой социальной ситуации, предлагаются толерантность к неопределенности, жизнестойкость, резильентность, готовность.

На наш взгляд, таким конструктом может выступить генерализованная готовность как более широкое понятие, охватывающее значительный спектр личностных ресурсов и способствующее сохранению и развитию личностной эффективности в ситуации социального взаимодействия в условиях нестабильности и неопределенности внешнего мира.

Цель статьи – обосновать содержание понятия «генерализованная готовность» как социально-психологическая установка личности.

Исследование проводилось с использованием метода теоретического анализа отечественных и зарубежных источников.

Теоретический анализ

Феномен психологической готовности понимается по-разному: как установка на выполнение какого-либо действия; настройка на предстоящую деятельность; особое эмоционально-волевое состояние, характеризующееся сосредоточенностью и активностью; предрасположенность к определенной форме реаги-

рования. В работах некоторых отечественных авторов психологическая готовность изучается в контексте конкретной деятельности как готовность в спорте, к учебной или профессиональной деятельности, к выбору профессии и решению задач определенного типа, к браку и родительству. Р. Д. Санжаева отмечает, что готовность рассматривается либо как состояние, либо как устойчивая характеристика личности. Во втором случае говорят также о подготовленности или заблаговременной готовности – эта структура, будучи ранее сформированной, становится постоянным, неотъемлемым качеством личности и выступает как важная предпосылка успешной деятельности [1].

Среди сравнительно новых направлений исследования готовности можно выделить готовность к риску, к самоопределению, адаптационную готовность. Появление этих категорий обусловлено особенностями современной социальной ситуации. Говоря о готовности в современных реалиях, необходимо учитывать социально-психологический аспект. Именно совокупность социальных качеств и навыков предопределяет адаптацию и эффективное развитие личности в ситуации неопределенности и непредсказуемости.

В социальной психологии под ресурсами совладания с субъективной неопределенностью понимаются процессы категоризации образа социального мира и идентификации с группой. Взаимодействие с социальной группой, идентификация с ней позволяют личности определить, как реагировать на происходящие изменения и выстраивать свое поведение в тех или иных социальных ситуациях (теория неопределенности – идентичности М. Хогга) [2].

Т. А. Нестик рассматривает групповые механизмы совладания с неопределенностью, основным из которых он считает групповую перспективную рефлексию – обсуждение членами группы их представлений о прошлом, настоящем и будущем, что позволяет преодолеть ситуацию неопределенности относительно грядущего. Кроме того, автор отмечает важность таких качеств, как уверенность группы в своих силах, доверие к интуиции, групповую креативность, способность к импровизации и наличие совместных договоренностей [3]. Эти механизмы, безусловно, являются важными ресурсами совладания с ситуацией социального вызова и на личностном уровне.

Зарубежные исследователи (Бергер, Брэдак) считают неопределенность элементом межличностного общения, а межличностную

коммуникацию – основным механизмом снижения неопределенности [4]. Г. У. Солдатова и Л. А. Шайгерова, говоря о неопределенности в межкультурном контексте, называют одним из способов ее снижения развитие межкультурной компетентности [5]. М. В. Григорьева обращает внимание на особенности социальной активности личности в ситуации неопределенности [6].

Социально-психологические аспекты адаптационной готовности иностранных студентов изучаются Е. В. Рягузовой [7], В. В. Константиновым и С. А. Иванчиным [8]. Р. М. Шамионов подчеркивает значимость социально-психологического компонента адаптационной готовности, рассматривая процесс ее формирования в контексте взаимодействия с Другими [9].

Соглашаясь с названными авторами в вопросах важности социального контекста, предлагаем определить генерализованную готовность как социально-психологический конструкт, а именно как установку личности. Традиционно установка понимается как предрасположенность личности к определенному социальному поведению. В ее структуру принято включать когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Стоит отметить, что связь когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов в контексте преодоления ситуации неопределенности подчеркивают ряд исследователей (А. В. Лаврик, А. А. Зубрихина, Д. Брашерс, М. Фристон, Г. М. Андреева и др.).

Т. В. Черноусова, описывая стратегии проживания ситуации неопределенности, включает в их структуру когнитивный, когнитивный, эмоциональный и мотивационный компоненты, определяя сами стратегии как обобщенный способ реагирования на ситуацию, воспринимаемую как неопределенная, основанный на оценке своих ресурсов и возможностей, особенностей ситуации, мотивах и целях [10].

С учетом вышесказанного предлагаем конструкт генерализованной готовности, представляющий собой систему установок или личностных установок, затрагивающую когнитивный, мотивационный, эмоционально-волевой, поведенческий компоненты, адаптированную к широкому диапазону социальных ситуаций, проявляющуюся в ситуации взаимодействия с Другими с учетом имеющегося опыта, самооценки, представлений о собственной компетентности и самоэффективности. Такого рода установка, основываясь на предыдущем опыте и полученных знаниях, способствует успешности деятельности, достижению целей, саморазвитию, характеризуется уверенностью в себе, верой в

свои возможности, позитивной самооценкой, стрессоустойчивостью. В социальном взаимодействии генерализованная готовность предполагает умение регулировать свое поведение и нести за него ответственность, выстраивать эффективные отношения с Другими, основанные на самоуважении и уважении к ним.

Таким образом, можно выделить следующие специфические характеристики генерализованной готовности:

- позитивное восприятие собственной эффективности, предполагающее веру в себя, в успех своей деятельности;

- способность быть уверенным и продуктивным в ситуациях социального взаимодействия;
- наличие опыта положительного решения тех или иных задач, связанных с проживанием ситуации социального вызова и сопровождающей его неопределенности;

- умение управлять своим поведением в ситуации социального взаимодействия;

- способность к психологической мобилизации и самоконтролю;

- наличие мотивации к определенной деятельности;

- гибкость и критичность мышления;

- стремление к саморазвитию и самосовершенствованию.

Стоит отметить, что существуют и другие категории, объясняющие процесс адаптации личности к изменениям. Так, А. Г. Асмолов и соавторы предлагают конструкт преадаптации к неопределенности, обозначающий готовность к тому, что может быть, но еще не произошло, нацеленность на непредсказуемость и новизну [11]. Похожий феномен – неявной или оценочной готовности – описывают зарубежные исследователи. Это некая готовность к достижению неосознаваемой цели, не требующая ее обдумывания или осознания, а также неосознаваемая готовность к решению определенных задач, с которыми ранее не приходилось сталкиваться [12, 13].

Схожее понятие толерантности к неопределенности в разных подходах понимается как черта личности, установка, навык или когнитивный процесс [14]. М. Фристон рассматривает толерантность (интолерантность) к неопределенности как фактор, опосредующий восприятие ситуации, а также предопределяющий поведение и реакции человека [15]. В модели М. Хиллен толерантность к неопределенности понимается, с одной стороны, как устойчивая личностная черта, а с другой – состояние, зависящее от конкретной ситуации [16].

В качестве ресурса совладания с ситуацией неопределенности или социального вызова выступает и жизнестойкость. С. Мадди рассматривал жизнестойкость как совокупность установок, позволяющих легче справляться с тревогой [17]. Ее основные характеристики – это активное участие в социальной жизни, готовность делать выбор, открытость новому опыту. Важные условия жизнестойкости – многообразие социальных отношений, способность интегрироваться в общество и успешно взаимодействовать с людьми. Именно социум становится ресурсом жизнестойкости и способствует успешному преодолению вызовов [18].

В данном контексте обращает на себя внимание и феномен резильентности, который в зарубежных исследованиях понимается как способность человека поддерживать психологическое равновесие в неблагоприятных жизненных ситуациях, иногда связанных с риском или представляющих угрозу. Отечественные ученые трактуют резильентность как конструкт, близкий по содержанию к жизнестойкости, жизнеспособности. Это способность к саморегуляции в стрессовой ситуации, умение преодолевать вызовы. Некоторые исследователи рассматривают резильентность как синоним жизнестойкости. И. А. Хоменко называет ее системообразующим фактором жизнестойкости и основным средством ее развития [19]. О. А. Селиванова и соавторы определяют резильентность как врожденное, развивающееся под влиянием внешних, в частности социальных, факторов, свойство личности, выражающееся в способности преодолевать неблагоприятные жизненные обстоятельства [20].

Обобщая сказанное, можно заключить, что толерантность к неопределенности – это способность эффективно действовать в условиях неполной или противоречивой информации; жизнестойкость – система установок, направленных на уменьшение тревожности и способствующих адаптации к меняющимся условиям; резильентность – способность к саморегуляции, совладанию с трудными жизненными ситуациями.

Как и перечисленные выше феномены, генерализованная готовность представляет собой личностный ресурс, помогающий совладать с ситуацией социального вызова, неопределенности и сохранить самооэффективность в меняющихся условиях. Как и жизнестойкость, генерализованная готовность представляет собой систему формируемых личностных установок, predisposed к определенному типу социального поведения и взаимодействия с Другими в

ситуации вызова, направленную на сохранение и реализацию личной эффективности в условиях неопределенности. Категории социального поведения и социальной активности сближают понятие «генерализованная готовность» с толерантностью к неопределенности. Как и резильентность, генерализованная готовность предполагает способность к саморегуляции и сохранению равновесия в ситуации стресса.

Тем не менее понятие «генерализованная готовность» представляется более многогранным. С учетом широкого смыслового содержания именно этот феномен, но трактуемый как социально-психологическая категория в контексте взаимодействия с Другими, на наш взгляд, может трактоваться как основополагающий личностный ресурс в ситуации глобальных изменений и социальных вызовов.

Таким образом, генерализованную готовность личности можно рассматривать применительно к широкому диапазону социальных ситуаций, в том числе таких, которые невозможно предвидеть или предсказать.

Заключение

В статье предложено понятие «генерализованная готовность» личности к широкому спектру социальных ситуаций.

Сформулировано определение генерализованной готовности личности как системы формируемых установок, ориентированных на эффективную жизнедеятельность в условиях неопределенности, социальных вызовов и постоянных изменений, проявляющуюся в ситуации взаимодействия с Другими с учетом имеющегося опыта, самооценки, представлений о собственной компетентности и самооэффективности.

В настоящее время проводится апробация методики диагностики генерализованной готовности.

Список литературы

1. Санжаева Р. Д. Готовность и ее психологические механизмы // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 2. С.6–16.
2. Belavadi S., Hogg M. A. Social categorization and identity process in uncertainty management: The role of intra-group communication // Thye S. R., Lawler E. J., eds. *Advances in group processes*. Bingley : Emerald, 2019. P. 61–77.
3. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психологические проблемы управления совместной деятельностью в условиях неопределенности // *Mobilis in mobili*:

- личность в эпоху перемен / под общ. ред. А. Г. Асмолова. М. : ЯСК, 2018. С. 226–244.
4. Berger C. R., Bradac J. J. Language and social knowledge: Uncertainty in interpersonal relations. London : Edward Arnold, 1982. 151 p.
 5. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/561/299> (дата обращения: 17.09.2023). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.561>
 6. Григорьева М. В. Компоненты социальной активности личности в ситуациях неопределенности и риска // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PSMN419.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).
 7. Рягузова Е. В. Адаптационный сценарий иностранных студентов, обучающихся в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 63–73. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-1-63-73>
 8. Иванчин С. А., Константинов В. В. Особенности адаптационной готовности к учебной деятельности иностранных студентов в условиях вузовского образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 4 (84). URL: https://disk.yandex.ru/i/_ueWzMb6RlmlAw (дата обращения: 17.09.2023). <https://doi.org/10.24158/spp.2021.4.13>
 9. Шамионов Р. М. Адаптационная готовность личности – субъекта социального взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 106–112. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2015-15-4-106-112>
 10. Черноусова Т. В. Стратегии проживания ситуации неопределенности как предмет социально-психологического анализа // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4, № 4. С. 421–434. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-4-421-434>
 11. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М. : Акрополь, 2018. 212 с.
 12. Ferguson M. J. On becoming ready to pursue a goal you don't know you have: Effects of nonconscious goals on evaluative readiness // Journal of personality and social psychology. 2008. Vol. 95, № 6. P. 12–68.
 13. Ferguson M. J., Wojnowicz M. T. The when and how of evaluative readiness: A social cognitive neuroscience perspective // Social and Personality Psychology Compass. 2011. Vol. 5, № 12. P. 1018–1038.
 14. Леонов И. Н. Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 4. С. 43–52.
 15. Freeston M. H., Tiplady A., Mawn L., Bottesi G., Thwaites S. Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19) // The Cognitive Behaviour Therapist. 2020. Vol. 13, article E31. <https://doi.org/10.1017/s1754470x2000029x>
 16. Hillen M. A., Caitlin M. G., Strout T. D., Smets E. M. A., Han P. K. J. Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for health-care // Social Science & Medicine. 2017. Vol. 180. P. 62–75. <https://doi.org/10.1016/j.isocscimed.2017.03.024>
 17. Maddi S. R. On hardiness and other pathways to resilience // American Psychologist. 2005. Vol. 60, № 3. P. 261–262.
 18. Ненашева М. В. Феномен жизнестойкости в контексте глобальных вызовов современности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 5. С. 69–76. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V209>
 19. Хоменко И. А. К вопросу о формировании резилентности у детей в условиях общеобразовательной практики // Вестник Герценовского университета. 2011. № 9. С. 30–35.
 20. Селиванова О. А., Быстрова Н. В., Дереча И. И., Мамонтова Т. С., Панфилова О. В. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf> (дата обращения: 17.10.2023).

References

1. Sanzhaeva R. D. Readiness and its psychological mechanisms. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost. Obshchestvo* [Buryat State University Bulletin. Education. Personality. Society], 2016, no. 2, pp. 6–16 (in Russian).
2. Belavadi S., Hogg M. A. Social categorization and identity process in uncertainty management: The role of intragroup communication. In: Thye S. R., Lawler E. J., eds. *Advances in group processes*. Bingley, Emerald, 2019, pp. 61–77.
3. Nestik T. A., Zhuravlev A. L. Psychological problems of joint activity regulation under uncertainty. In: *Mobilis in mobili: lichnost v epokhu peremen* [Asmolyov A. G., ed. *Mobilis in mobili: The psychology of changes*]. Moscow, YaSK, 2018, pp. 226–244 (in Russian).
4. Berger C. R., Bradac J. J. *Language and social knowledge: Uncertainty in interpersonal relations*. London, Edward Arnold, 1982. 151 p.
5. Soldatova G. U., Shaigerova L. A. Reflection upon multiplicity of choice in psychology of intercultural communication. *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological studies), 2015, vol. 8, no. 40. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/561/299> (accessed 17 September 2023) (in Russian). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.561>
6. Grigoryeva M. V. Components of a person's social activity in situations of uncertainty and risk. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* (World of Science. Pedagogy and Psychology), 2019, vol. 7, no. 4. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/52PSMN419.pdf> (accessed 17 September 2023) (in Russian).

7. Ryaguzova E. V. The Script Adaptation of Foreign Students in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 63–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-1-63-73>
8. Ivanchin S. A., Konstantinov V. V. Features of adaptive readiness for educational activities of foreign students in the framework of higher education. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* (Society: Sociology, Psychology, Pedagogy), 2021, no. 4 (84). Available at: https://disk.yandex.ru/i/_ueWzMb6RImIAw (accessed 17 September 2023) (in Russian). <https://doi.org/10.24158/spp.2021.4.13>
9. Shamionov R. M. Adaptation Readiness of the Personality as a Subject of Social Interaction. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 106–112 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2015-15-4-106-112>
10. Chernousova T. V. Strategies of responding to uncertainty as a subject of socio-psychological analysis. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Psychology in Education], 2022, vol. 4, no. 4, pp. 421–434 (in Russian). <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-4-421-434>
11. Asmolov A. G., Shehter E. D., Chernorizov A. M. *Preadaptatsiya k neopredelennosti: nepredskazuemye marshruty evoljutsii* [Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes]. Moscow, Akropol, 2018. 212 p. (in Russian).
12. Ferguson M. J. On becoming ready to pursue a goal you don't know you have: Effects of nonconscious goals on evaluative readiness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, vol. 95, no. 6, pp. 12–68.
13. Ferguson M. J., Wojnowicz M. T. The when and how of evaluative readiness: A social cognitive neuroscience perspective. *Social and Personality Psychology Compass*, 2011, vol. 5, no. 12, pp. 1018–1038.
14. Leonov I. N. Tolerance for ambiguity as a psychological phenomenon: The history of a construct. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofija. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2014, no. 4, pp. 43–52 (in Russian).
15. Freeston M. H., Tiplady A., Mawn L., Bottesi G., Thwaites S. Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19). *The Cognitive Behaviour Therapist*, 2020, vol. 13, article E31. <https://doi.org/10.1017/s1754470x2000029x>
16. Hillen M. A., Caitlin M. G., Strout T. D., Smets E. M. A., Han P. K. J. Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare. *Social Science & Medicine*, 2017, vol. 180, pp. 62–75. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.03.024>
17. Maddi S.R. On hardiness and other pathways to resilience. *American Psychologist*, 2005, vol. 60, no. 3, pp. 261–262.
18. Nenashva M. V. The Phenomenon of Resilience in the Context of Contemporary Global Challenges. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences], 2022, vol. 22, no. 5, pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V209>
19. Homenko I. A. On the issue of the formation of resistance in children in general educational practice. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Bulletin of the Herzen University], 2011, no. 9, pp. 30–35 (in Russian).
20. Selivanova O. A., Bystrova N. V., Derecha I. I., Mamontova T. S., Panfilova O. V. Studying the phenomenon of resilience: Problems and prospects. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* (World of Science. Pedagogy and Psychology), 2020, no. 3. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf> (accessed 17 October 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 03.12.2023; одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 03.12.2023; approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

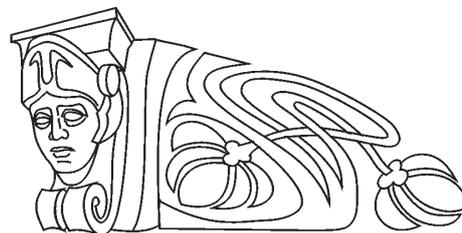

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 79–83
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 79–83
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-79-83>, EDN: GHJDEI

Научная статья
УДК [316.6+159.964.2](571.56)

Количественный анализ психологического состояния современного якутского общества

Н. Д. Елисеева

Северо-восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Россия, 677013, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 48

Елисеева Наталья Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и социальных наук, eliseeva_n_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0351-5822>

Аннотация. Введение. В статье проводится анализ психологического состояния современного якутского общества как части российского социума с помощью композитного индекса. Возможности композитных индексов, разрабатываемых в рамках макропсихологии, на сегодняшний день раскрыты недостаточно. **Теоретический анализ.** Предлагается рассмотреть композитный индекс психологического состояния общества с точки зрения системного подхода. Основанием для этого служит понимание отдельных субъектов как части российского макрообщества. В основу анализа легли официальные статистические данные субъектов Российской Федерации. **Эмпирический анализ.** Результаты показывают, что динамика показателей российского общества в целом имеет более стабильный характер, по сравнению с динамикой показателей якутского общества. Первичные индексы современного якутского общества имеют свое уникальное объяснение, которое не совпадает с общепринятыми трактовками. **Заключение.** Выявлено, что при интерпретации значения композитного индекса следует учитывать, как актуальные внешние факторы, влияющие на него, так и его обусловленность традиционной культурой и условиями проживания. Установлено, что композитный индекс макрообщества как индекс более высокого уровня обладает большим обобщающим потенциалом.

Ключевые слова: макропсихологический подход, системный подход, психологическое состояние общества, композитный индекс, суициды, разводы, убийства, психические заболевания, социальное сиротство

Для цитирования: Елисеева Н. Д. Количественный анализ психологического состояния современного якутского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 79–83. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-79-83>, EDN: GHJDEI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Quantitative analysis of the psychological state of modern Yakut society

N. D. Eliseeva

Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov, 48 Kulakovskiy St., Yakutsk 677013, Russia

Natalia D. Eliseeva, eliseeva_n_d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0351-5822>

Abstract. Introduction. The article analyzes the psychological state of the modern Yakut society as a part of the Russian society using a composite index. The possibilities of composite indices developed within the framework of macropsychology have not been fully disclosed to date. **Theoretical analysis.** The paper proposes to consider the composite index of the psychological state of society from the point of view of a systematic approach. The basis for this is the understanding of individual subjects as a part of the Russian macro-community. The analysis is based on data from 93 subjects of the Russian Federation according to official statistical data. **Empirical analysis.** The results show that the dynamics of indicators of Russian society as a whole is more stable in comparison with the dynamics of indicators of Yakut society. The primary indexes of modern Yakut society have their own unique explanation, which does not coincide with generally accepted interpretations. **Conclusion.** When interpreting the value of the composite index, it is necessary to take into account both the actual external factors affecting it and its conditionality with traditional culture and living conditions. It is revealed that the composite index of the macro-community as an index of a higher level has a great generalizing potential.

Keywords: macropsychological approach, systematic approach, psychological state of society, composite index, suicides, divorces, murders, mental illness, social orphanhood

For citation: Eliseeva N. D. Quantitative analysis of the psychological state of modern Yakut society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 79–83 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-79-83>, EDN: GHJDEI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Эволюция психологической науки способствует поиску новых методов исследования традиционных для психологии проблем. Один из таких подходов – изучение социально-психологического состояния большой социальной группы через цифровые показатели. Развитие данного подхода основывается как минимум на трех факторах. Первый фактор – тенденция глобализации в современном мире. Макропсихологический подход в изучении психологических процессов приобретает все большую актуальность в общественных науках. В психологии вопросы, рассматриваемые через призму макропсихологического подхода, отличаются большим разнообразием. В качестве примеров можно привести исследования глобальных рисков в экономических, технологических, природных, социальных и геополитических сферах [1], влияние психологических факторов на экономическое состояние регионов [2], управления человеческими ресурсами [3], исследования асоциального поведения [4], проблемы эмиграции [5], вопросы менталитета [6], нравственности, агрессивности современного общества [7] и др. Второй фактор – стремление к объективизации психологических методов исследования. Обращение к статистическим данным, которые фиксируют совершившиеся поведенческие акты (разводы, убийства, отказ от детей и т.д.), призвано повысить объективность метода исследования. Отличительной особенностью применения композитных индексов, основывающихся на объективных статистических данных, является их акцент на текущее состояние изучаемого общества [8]. Третий фактор – расширение предмета психологии и заинтересованность других наук психологическими проблемами [9].

Теоретический анализ

Метод нашего исследования – композитный индекс макропсихологического состояния больших социальных групп, который рассчитывается на основе объективных статистических данных, выделенных по определенным параметрам и нормализованных по специальной формуле. А. В. Юревич, Д. В. Ушаков, И. П. Цапенко считают, что все макропсихологические характеристики общества, оцениваемые композитным индексом взаимосвязаны [10]. Композитный индекс состоит из двух вторичных индексов: индекса психологической устойчивости и индекса социально-психологического благополучия

общества. Индекс психологической устойчивости состоит из среднего значения показателей заболеваемости психическими болезнями, смертности от самоубийств, смертности от психических заболеваний. В свою очередь, индекс психологического благополучия общества также является средним показателем трех параметров: смертности от убийств, социального сиротства и устойчивости семьи.

В данной статье композитный индекс психологического состояния рассматривается с точки зрения системного подхода [11]. Предлагаемый подход основывается на иерархической организации формулы расчета: во-первых, первичные индексы обуславливают индексы более высокого порядка (собственно индекс является производным от вторичных индексов, а вторичные индексы, как отмечалось, рассчитываются на основе первичных индексов). Во-вторых, анализ статистических показателей, которые являются собственно эмпирическими данными композитного индекса, учитывают показатели всех регионов России, т.е. составных частей целостной системы. При этом нужно понимать, что показатель индекса – это не простое обобщение статистических показателей, полученных по оцениваемому параметру в конкретном обществе, к примеру, в якутском. Формула расчета предполагает поиск минимальных и максимальных значений по анализируемому компоненту по всем регионам России. Таким образом, показатель композитного индекса рассчитывается относительно других регионов. Как видим, в композитном индексе раскрываются многомерность и взаимодетерминированность свойств системы. Разноплановость анализируемых показателей: убийства, разные причины смертности, разводы, отказы от детей и т.д. раскрывают многоплановость социально-психологических процессов, протекающих в обществе. Следует отметить, что согласно задумке авторов первичные индексы можно заменять другими, исходя из цели исследования [10]. Сравнительный анализ композитного индекса Якутии относительно показателей России является своего рода моделью анализа компонента системы относительно ее целостности.

Цель исследования заключается в количественном анализе психологических процессов современного якутского общества как части целостной системы.

Сложность исследования композитного индекса психологического состояния российского общества связана с многосубъектностью России. Наша страна – федеративное государ-

ство, в которое входят 89 субъектов. Для расчета композитного индекса психологического состояния якутского общества использованы статистические данные Федеральной службы государственной статистики, размещенные на ее официальном сайте. В статистической обработке данных использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

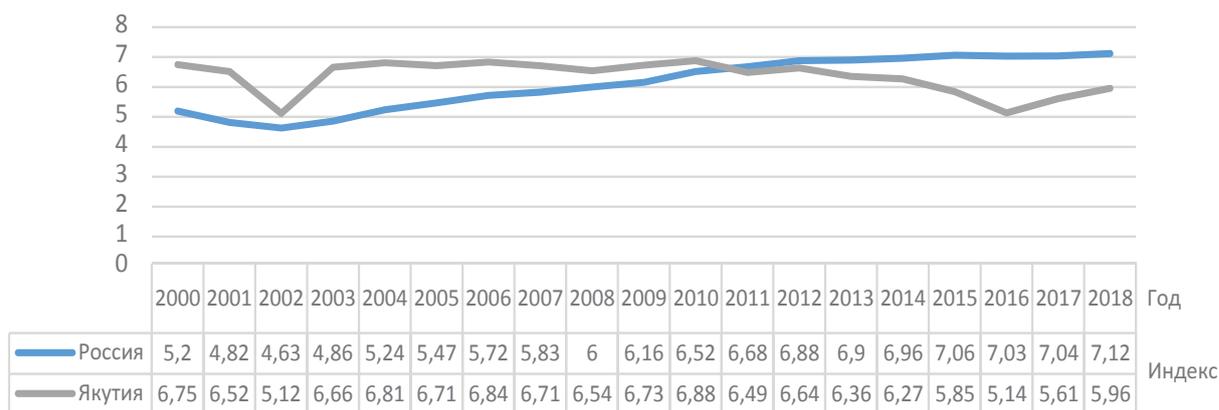
Эмпирический анализ

По результатам расчета композитного индекса психологического состояния якутского общества был построен график его динамики с 2000 по 2018 г. Для проверки нашей гипотезы был проведен сравнительный анализ с данными композитного индекса психологического состояния российского общества [13]. Выбор временного периода обусловлен доступностью статистических данных.

Как видно из рисунка, композитные индексы якутского и российского обществ имеют противоположные направленности. Коэффициент

ранговой корреляции Спирмена выявил значимые статистические различия между композитными индексами российского и якутского обществ ($p = 0,055$).

Композитный индекс якутского общества показывает отрицательную динамику, начиная с 2000 г., с периодическими подъемами в 2004, 2007, 2010, 2013, 2015 и 2018 гг., которые не дотягивают до значений предыдущих лет. Резкий спад наблюдается в 2013 г., после которого композитный индекс показывает улучшение психологического состояния якутского общества, но в 2018 г. (крайняя точка оценки в нашем исследовании) не доходит до показателя 2000 г., в то время как значения показателей композитного индекса российского общества, начиная с 2002 г., идут на повышение. Небольшой спад наблюдается только в 2016 г. Как видим, композитный индекс якутского общества не повторяет общую тенденцию российского общества, тем самым ставят под сомнение нашу гипотезу о том, что якутское общество как часть российского повторяет динамику его психологического состояния.

Динамика композитного индекса психологического состояния якутского и российского обществ (цвет онлайн)
Figure. Dynamics of the composite index of the psychological state of the Yakut Russian society (color online)

При анализе композитных индексов психологического состояния якутского общества и как части российского общества и как целого мы опирались на принцип разноуровневой организации системы. Сравнительный анализ композитных индексов психологического состояния выявил наличие противоположных тенденций в российском и якутском обществах. При этом композитный индекс последнего отличается большей нестабильностью – имеет резкие скачки вниз и вверх. На наш взгляд, данный факт объясняется методикой расчета самого индекса. Иерархичный принцип расчета композитного индекса макрообщества предполагает усреднение показателей большого количества регионов, из

которых состоит российское макрообщество. Таким образом, нивелируются пиковые значения, которые могут наблюдаться в обществах, являющихся составными частями макрообщества. В свою очередь, индексы обществ, являющихся составными частями макрообщества, рассчитываются на основе меньшего количества данных, что повышает их чувствительность к изменениям, происходящим в макрообществе. На основе полученных результатов можно предположить, что композитный индекс якутского общества более чувствителен к изменениям.

Следует отметить, что показатели композитного индекса психологического состояния якутского общества за изучаемый период не

имеют значения ниже медианы шкалы. Композитный индекс российского общества имеет показатели ниже медианы шкалы с 2001 по 2003 г. включительно, что, по мнению авторов индекса, является следствием социально-политических изменений после 1991 г. и экономического дефолта, произошедшего в 1998 г. [10]. Возможно, социально-политические события, случившиеся после перестройки, имели меньшее психологическое значение для населения Якутии в силу разнообразных факторов, одним из которых является удаленность от центра политических событий. В пользу данного аргумента можно отметить тот факт, что исследования по данному направлению свидетельствуют о том, что политические события являются стрессовым фактором в том случае, если личность вовлечена в происходящие процессы [12]. Таким образом, в связи с удаленностью от эпицентра событий, возможно, якутяне были не столь сильно вовлечены в политический процесс. Во-вторых, в указанный период был отмечен рост национального самосознания коренных народов Якутии в связи с принятием суверенитета Республики Саха (Якутия) в 1991 г. [13], что, на наш взгляд, позитивно сказалось на социально-психологическом состоянии якутского общества.

Резкое снижение композитного индекса психологического состояния якутского общества выявлено в 2013–2014 гг. Следует отметить, что если с 2000 г. в Якутии наблюдался рост ВРП (валовый республиканский продукт) на душу населения, то в 2012 г. темпы экономического развития республики снизились и стали отставать от темпов экономического развития Дальнего Востока и России [14]. Возможно, именно данная экономическая тенденция послужила причиной снижения значения композитного индекса.

Заключение

Макропсихологический подход представляет собой анализ психологического состояния общества на основе актуальных междисциплинарных факторов, что повышает значимость научных фактов. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, системный характер композитного индекса психологического состояния общества. Композитный индекс имеет иерархичность уровней и разноаспектность индексов. Первичные индексы отражают различные состояния общества, которые создают его целостную картину. Многокомпонентность макрообщества также служит признаком системы. К примеру,

психологическое состояние субъектов Российской Федерации отражает психологическое состояние всего российского общества. При этом совокупность индексов субъектов российского общества не является простой суммой. Значение индексов субъектов России зависит от статистических показателей других субъектов. Таким образом, происходит взаимодетерминация частей и целого.

Во-вторых, композитный индекс конкретного общества, представляющий собой компонент макрообщества, более сензитивен к текущим (социальным, экономическим, политическим, экологическим и т.п.) изменениям. В настоящем исследовании показано, что динамика индекса общероссийского общества носит более стабильный характер, по сравнению с динамикой индекса якутского общества. Выявлено, что композитные индексы субъектов обладают большей чувствительностью, а композитный индекс макрообщества как индекс более высокого уровня – большим обобщающим потенциалом.

Выводы, полученные в ходе исследования, а также результаты собственно композитного индекса можно рассматривать как постановочные вопросы для дальнейшего изучения каждой из областей, которые характеризуются первичными индексами.

Список литературы

1. *Нестик Т. А., Журавлев А. А.* Психология глобальных рисков. М.: Институт психологии РАН, 2018. 402 с.
2. *Obschonka M., Stuetzer M., Audretsch D. B., Rentfrow P. J., Potter J., Gosling S. D.* Macro-psychological factors predict regional economic resilience during a major economic crisis // *Social Psychological and Personality Science*. 2015. August. URL: <https://www.researchgate.net/publication/281406063> (дата обращения: 25.10.2023).
3. *Щетинина Д. П.* Факторы управления человеческими ресурсами в экономической пространстве России // *Российский психологический журнал*, 2014. Т. 11, № 4. С. 116–127. <https://doi.org/10.21702/rpj.2014.4.9>
4. *Сухарев А. В.* Этнофункциональный подход к анализу макропсихологических явлений (на примере асоциального поведения) // *Прикладная юридическая психология*. 2014. №3. С. 19–30.
5. *Фролова С. В.* Макропсихологический анализ эмиграционных намерений молодежи // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 91–96.
6. *Cunningham T. J., Fields E. C., Denis D., Bottary R., Stickgold R., Kensinger E. A.* How the 2020 US Presidential election impacted sleep and its relationship to public mood and alcohol consumption // *Sleep Health*. 2022. Vol. 8, iss. 6. P. 571–579. <https://doi.org/10.1016/j.sleh.2022.08.009>

7. Ford B. Q., Feinberg M., Lassetter B., Thai S., Gatchpazian A. The political is personal: The costs of daily politics // *Journal of Personality and Social Psychology: Attitudes and Social Cognition*. 2023. № 125, iss. 1. P. 1–28. <https://doi.org/10.1037/pspa0000335>
8. MacLachlan M., McVeigh J. *Macropsychology: A population science for sustainable development goals*. Heidelberg : Springer Cham, 2021. 330 p.
9. Юревич А. В. Психология социальных явлений. М. : Институт психологии РАН, 2016. 349 с.
10. Юревич А. В., Ушаков Д. В., Цапенко И. П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // *Психологические исследования*. 2009. Т. 2, № 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2009n2-4e/146-yurevich4e.html> (дата обращения: 25.10.2023). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i4.998>
11. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. Избранные труды. М. : Когито центр, 2006. 780 с.
12. Sham P. C., Sterne A., Purcell S., Cherny S., Webster M., Rijdsdijk F., Asherson P., Ball D., Craig I., Eley T., Goldberg D., Gray J., Mann A., Owen M., Plomin R. GENESiS: Creating a composite index of the vulnerability to anxiety and depression in a community-based sample of siblings // *Twin Research and Human Genetics*. 2010. Vol. 3, iss. 4. P. 316–322. <https://doi.org/10.1375/twin.3.4.316>
13. Никаева Т. М. Фрагмент политического сознания современной молодежи Республики Саха (Якутия), отраженный в языке // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. 2022. № 2 (88). С. 95–108. <https://doi.org/10.25587/svfu.2022.90.41.010>
14. Тарасов М. Е., Слепцов И. И., Тeryutina M. M., Данилова А. Е. Развитие экономики Республики Саха (Якутия) нуждается в реформировании // *Фундаментальные исследования*. 2020. № 7. С. 114–119. <https://doi.org/10.17513/fr.42814>
- example of antisocial behavior). *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 2014, no. 3, pp. 19–30 (in Russian).
5. Frolova S. V. Macropsychological analysis of youth emigration attitudes. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, iss. 3, pp. 91–96 (in Russian).
6. Cunningham T. J., Fields E. C., Denis D., Bottary R., Stickgold R., Kensinger E. A. How the 2020 US Presidential election impacted sleep and its relationship to public mood and alcohol consumption. *Sleep Health*, 2022, vol. 8, iss. 6, pp. 571–579. <https://doi.org/10.1016/j.sleh.2022.08.009>
7. Ford B. Q., Feinberg M., Lassetter B., Thai S., Gatchpazian A. The political is personal: The costs of daily politics. *Journal of Personality and Social Psychology: Attitudes and Social Cognition*, 2023, no. 125, iss. 1, pp. 1–28. <https://doi.org/10.1037/pspa0000335>
8. MacLachlan M., McVeigh J. *Macropsychology: A Population Science for Sustainable Development Goals*. Heidelberg, Springer Cham, 2021. 330 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-50176-1>
9. Yurevich A. V. *Psikhologiya sotsial'nykh yavleniy* [Psychology of Social Phenomena]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2016. 349 p. (in Russian).
10. Yurevich A. V., Ushakov D. V., Tsapenko I. P. Quantitative assessment of the macropsychological state of modern Russian society. *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological Studies), 2009, vol. 2, no. 4. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2009n2-4e/146-yurevich4e.html> (accessed 25 October 2023). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i4.998>
11. Lomov B. F. *Psikhicheskaya regulyatsiya deyatel'nosti. Izbrannye trudy* [Mental Regulation of Activity. Selected Works.]. Moscow, Kogito centr, 2006. 780 p. (in Russian).
12. Sham P. C., Sterne A., Purcell S., Cherny S., Webster M., Rijdsdijk F., Asherson P., Ball D., Craig I., Eley T., Goldberg D., Gray J., Mann A., Owen M., Plomin R. GENESiS: Creating a composite index of the vulnerability to anxiety and depression in a community-based sample of siblings. *Twin Research and Human Genetics*, 2010, vol. 3, iss. 4, pp. 316–322. <https://doi.org/10.1375/twin.3.4.316>
13. Nikaeva T. M. A fragment of the political consciousness of the modern youth of the Republic of Sakha (Yakutia), reflected in the language. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im M. K. Ammosova* [Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov], 2022, no. 2 (88), pp. 95–108 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/svfu.2022.90.41.010>
14. Tarasov M. E., Sleptsov I. I., Teryutina M. M., Danilova A. E. The development of the economy of the Republic of Sakha (Yakutia) needs to be reformed. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic Research], 2020, no. 7, pp. 114–119 (in Russian). <https://doi.org/10.17513/fr.42814>

References

1. Nestik T. A., Zhuravlev A. A. *Psikhologiya global'nykh riskov* [Psychology of Global Risks]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2018. 402 p. (in Russian).
2. Obschonka M., Stuetzer M., Audretsch D. B., Rentfrow P. J., Potter J., Gosling S. D. Macro-psychological factors predict regional economic resilience during a major economic crisis. *Social Psychological and Personality Science*, 2015, August. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/281406063> (accessed 25 October 2023).
3. Shchetinina D. P. Human resource management factors in the Russian Economic space. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2014, vol. 11, no. 4, pp. 116–127 (in Russian). <https://doi.org/10.21702/rpj.2014.4.9>
4. Sukharev A. V. An ethnofunctional approach to the analysis of macropsychological phenomena (using the

Поступила в редакцию 03.12.2023; одобрена после рецензирования 28.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 03.12.2023; approved after reviewing 28.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 84–89

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 84–89

<https://phpp.sgu.ru>

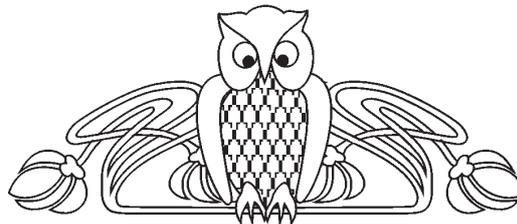
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-84-89>, EDN: DHTIHR

Научная статья

УДК 316.6+159.964.2

Архетипические образы лидера

В. В. Комаров

Самарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 443068, г. Самара, ул. Ново-Садовая, д. 106 Ж

Комаров Вадим Владимирович, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, komarov.sn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8446-1768>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются архетипические образы лидера; раскрывается понятие «архетип лидера»; воссоздается образ лидера в контексте разных историко-культурных эпох. **Теоретический анализ.** Методологической базой исследования выбрана теория архетипа и коллективного бессознательного К. Юнга. Проведен анализ ключевых источников по теме, сравнительный анализ лидерских первообразов и современных представлений об архетипах лидеров на основе собственной типологии стилей лидерства и подхода В. Г. Туркиной к анализу архетипов современного героя-лидера через призму ключевых параметров массового общества. **Заключение.** Особое значение для понимания содержания лидерства имеют ключевые архетипы аналитической психологии (анима, анимус, тень, самость). Формулируется вывод, согласно которому лидерство воспринимается во все времена и у разных народов с общими позициями: лидеры предстают в образах сверхчеловека (божества), правителя, героя, мудреца, трансформации. Названные образы можно считать архетипическими. Современные образы лидерства, порожденные социально-экономическим прогрессом и особенностями массовой культуры, массового производства и потребления, соотносятся с первообразами лидеров и в то же время отражают актуальное состояние общества. Это архетипы Достигателя, Вдохновителя, Бюрократа, Организатора, Командного (проектного) лидера и Эксперта.

Ключевые слова: архетип, лидер, лидерство, образы и архетипы лидера, теория архетипа и бессознательного К. Юнга

Для цитирования: Комаров В. В. Архетипические образы лидера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 84–89. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-84-89>, EDN: DHTIHR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Archetypal images of a leader

V. V. Komarov

Samara branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 106 Zh Novo-Sadovaya St., Samara 443068, Russia

Vadim V. Komarov, komarov.sn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8446-1768>

Abstract. Introduction. The article examines the archetypal images of the leader, reveals the concept of the archetype of the leader, shows the image of the leader in the context of different historical and cultural epochs. **Theoretical analysis.** The analysis of key sources on the topic was carried out, the theory of the archetype and the collective unconscious of K. Jung was chosen as the methodological basis of the research. The author also gives the comparative analysis of leadership archetypes and modern ideas about the archetypes of leaders based on the own typology of leadership styles and V. G. Turkina's approach to the analysis of the archetypes of the modern hero-leader through the prism of key parameters of mass society. **Conclusion.** Of particular importance for understanding the content of leadership are the key archetypes of analytical psychology (anima, animus, shadow, self). The author comes to the conclusion that leadership is perceived at all times and among different peoples from common positions: leaders appear in the images of a superman (deity), ruler, hero, sage, transformation. These images can be considered archetypal. Modern images of leadership generated by socio-economic progress and the peculiarities of mass culture, mass production and consumption correlate with the primordial images of leaders, but reflect the current state of society. These are the archetypes of the Achiever, Inspirer, Bureaucrat, Organizer, Team (Project) Leader and Expert.

Keywords: archetype, leader, leadership, images and archetypes of the leader, the theory of the archetype and the unconscious by K. Jung

For citation: Komarov V. V. Archetypal images of a leader. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 84–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-84-89>, EDN: DHTIHR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Лидер – довольно распространенное в социуме понятие, при этом лидерство – это не обязательно влияние на других, это может быть первенство в чем-то, способность достигать результатов, заслуживающих внимание обществу. Таким образом, лидерство может проявляться в глазах других в двух аспектах: как стремление к первенству и достижение при этом реальных впечатляющих результатов (непрямое влияние на других – через пример); как воздействие на последователей (подчиненных), ведомых с целью направления энергии общности к определенной цели (прямое влияние). Если в первом случае речь идет о «заражении» других вдохновляющим примером, то во втором случае – о «заражении» других вдохновляющей идеей, привлекательной целью. И в том и в другом случае оказывается влияние, однако характер его разный и, соответственно, образы лидера в глазах окружающих также разнообразны. Цель настоящего исследования – теоретико-методологическое обоснование типизации образов лидерства через анализ архетипов лидера.

Признаками современного лидерства могут быть передовые позиции в деле, отрасли, отдельных аспектах жизнедеятельности, а также первенство и значительное влияние конкретной личности на участников социальной группы, жителей населенного пункта или региона, государства в целом, нации. Однако «лидерство» и «лидер» как социальные категории возникли еще до того, как стало использоваться данное понятие в современном его понимании. Лидер с древних времен воспринимался в эпосе различных народов в качестве определенных образов, общие черты которых позволяют называть эти образы *первообразами*. Анализируя различные описания лидеров, например в трудах философов Античности и Средневековья, можно выделить их общие характеристики: набор личных качеств; понимание роли обстоятельств – семьи, воспитания, потребности общества – в формировании лидеров [1, с. 68]; особое отношение народных масс к проявлениям лидерства, закрепляющее значимую роль лидеров в историческом контексте.

Первообраз К. Г. Юнг называет *архетипами*, опираясь на определение Якова Буркгардта [2, с. 478]. Он соотносим с *энграммой*, открытой Земоном – следом в памяти, нейронной цепочкой, которая возникает «путем уплотнения множества сходных между собой процессов» [2, с. 479] при эмоциональном воздействии на психику.

Первообраз, возникающий в сознании, является отголоском душевного переживания или тем, что формирует новое душевное переживание.

Теоретический анализ

Архетип – элементарный образ, фигура демона, человека или события, «которая в процессе истории повторяется там, где свободно проявляется творческая фантазия» [3, с. 56], т.е. мы имеем дело с мифологическим феноменом, создаваемым поколениями, преломленным историческим и культурным контекстом. Сходные с «архетипом» понятия можно встретить у мыслителей прошлого: Филона Александрийского (образ Божий в человеке – *Imago Dei*), Ириней Лионского (первообразы сотворения), Дионисия Ареопагита (нематериальные архетипы и архетипический камень), Блаженного Августина (*ideae principals*), Гермеса Трисмегиста и других алхимиков, а также у Платона (*эйдос*) [4].

Карл Юнг полагал, что понятие архетипа неразрывно связано с коллективным бессознательным, которое он определял как огромное духовное наследие, возрожденное в каждой индивидуальной структуре мозга [3, с. 136]. Выделяют два аспекта коллективного бессознательного: во-первых, оно проявляется как инстинкты, побудительные мотивы, ведущие к появлению конкретных поведенческих форм; во-вторых, оно раскрывается как типично человеческий религиозно-мифологический мир фантазий [5, с. 14], формирующий символические жесты и символические образы, доступные для созвучного восприятия даже людям разных народов и времен. Архетипических образов может быть огромное количество, учитывая широту и глубину мироздания. Однако некоторые значимые архетипы, имеющие ключевое значение в описании психодинамических процессов, согласно теории К. Юнга стоит выделить. Это *персона*, *анима* и *анимус*, *тень*, *самость*.

Персона – личность, представляемая социуму, адаптированная под условия совместного существования в общности, демонстрирующая социально приемлемое поведение, привычки, ценности. В противоположность роли персоны, архетип *тень* представляет подавленную темную, дурную и животную сторону личности. С другой стороны, в тени можно рассмотреть источник жизненной силы, спонтанности и творческого начала личности. Архетип тени имеет важное значение при формировании и трансляции образов лидерства, обладающих многослойным и неоднозначным восприятием. Зачастую в лиде-

рах не только сторонние наблюдатели, но и даже последователи видят темную сторону, например, в лидерах, обладающих властью, основанной на силе. С архетипом тени связан образ трикстера, которого Юнг считал коллективным образом тени [4, с. 325]. Тень, присутствующая в структуре личности каждого, соотносится в сознании с коллективными представлениями о трикстере, сходными у разных народов, – антигерое, который бросает вызов общественным устоям.

Архетипы *анима* и *анимус* отражают андрогинную природу человека, в котором, по мнению Юнга, вмещаются и мужские, и женские черты. В научной литературе можно встретить разнотипные образы лидера с гендерной окраской: лидер как *строгий Отец* или лидер как *заботливая Мать*. В ситуационном лидерстве допускаются (и даже считаются полезными) переходы от одного стиля к другому в зависимости от определенных факторов и обстоятельств.

Пожалуй, самый значимый архетип в теории Юнга – *самость*, олицетворяющий центр личности. По Юнгу самость является причиной саморегулирования психики, направленной, с одной стороны, на сохранение целостности структуры, а с другой, позволяющей трансцендировать текущую позицию [цит. по: 6, с. 11], выходить за пределы обыденности к осмысленности жизни, поиску ответов на «вечные» вопросы. Самость, будучи цельной структурой, соединяющей разрозненные элементы психики, становится истоком индивидуальности личности, объединяющей прошлое, настоящее и будущее, и воспринимается в качестве *первообраза лидерского начала*, без которого невозможно само лидерство. Двойное значение самости (персональное и трансцендентное) означает потенциальную способность каждого человека к «выходу за пределы» эго-личности, что «придает значимость всем проявлениям человеческой природы» [7, с. 22], расширяет картину мира.

Использование архетипического подхода при рассмотрении образов лидерства обусловлено, во-первых, содержательной схожестью понятий «архетип» и «образ» в коллективном сознании, а во-вторых, определенной методологической традицией, в которой архетип выступает как собирательный образ в исследовании отдельных явлений социальной психологии.

С античных времен до нас дошли первые архетипы лидеров, описанные в философских трактатах, мифах и утопиях. Это, во-первых, герой-воин, полководец, своим примером ведущий в бой других, а также правитель – мудрый и справедливый. К примеру, Платон считал, что

идеальное государство должно управляться мудрыми и сильными (героями и мудрецами) [8]. Лидерство по Платону – удел лучших: первых в иерархии, приобретших с годами мудрость. «Великий человек» Аристотеля вбирает в себя архетипы мудреца и правителя, а отчасти воина [9]. Лучшие из лидеров в теории Аристотеля могут считаться выдающимися – «великими людьми» [10, с. 130–134].

В лидерской концепции китайского мыслителя Конфуция «благородный муж» (цзюнь цзы) должен быть образцом добродетели: мудрым, справедливым, великодушным. Именно таким должен быть и правитель, а также иные политические деятели, – мудрецом, имеющим идеальные качества [11, с. 107]. Конфуцианский образ лидера-правителя схож с архетипами мудреца и божества – к такому лидеру нужно относиться с почитанием, доверять его решениям, следовать его воле.

В Средние века усилилось влияние архетипа божества в образе правителя: идеальный правитель воспринимался как наместник Бога на земле, человек «небесный» (Аврелий Августин), Фома Аквинский считает важным качеством идеального лидера направление людей к всеобщему благу [12]. В архетипическую конструкцию образа лидера в Средние века попадает архетип трансформации, олицетворяющий развитие через приобщение к высшей мудрости, высоким ценностям.

В эпоху Возрождения и особенно в период Нового времени архетипы трансформации и мудреца продолжают свое укрепление в конструкции образа лидера, что обусловлено ростом значения науки во всех областях жизнедеятельности. Учитывая постоянную политическую напряженность и непрекращающиеся войны, в эти периоды огромное значение приобретает еще один архетип идеального лидера – архетип героя, защитника, военачальника, способного защитить свой народ, сохранить государственность. Идеальный правитель, по мнению средневековых мыслителей, должен сочетать в себе качества мудреца, государственного деятеля, полководца.

К концу Нового времени преобладающий образ идеального лидера-правителя постепенно вытесняется образом реального человека, оказывающегося в гуще событий, проявляющего волю и силу убеждения, ведущего за собой людей, указывающего новые пути развития общинности. XIX в. и начало XX в. – эпоха революционных перемен. Герой этого времени – бунтарь (архетипы трансформации и героя), бросающий вызов устоям общества и государства.

Итак, образы лидера в массовом сознании на протяжении многих веков воспринимались с нескольких позиций: правитель, герой, мудрец, трансформация. При этом названные образы объединяет именно лидерская компонента. В трудах Т. Карлейля [13] и Ф. Ницше [14] определяется, что *величие* означает нравственное и интеллектуальное превосходство, духовную одаренность и силу духа.

Архетипические представления о лидерах в современном мире сохранились, однако они отражают особенности нашего времени с его быстрым темпом жизни, изменчивостью, неопределенностью, тревожностью и взрывным ростом информатизации. К особым архетипам лидерства в настоящее время можно отнести отдельные роли, которые играют наиболее эффективные руководители организаций, занимая свою нишу в слаженной управленческой команде. Например, управленческая команда современной компании, как правило, отражает полный спектр областей менеджмента. Командную комплементарность в такой управленческой команде будет обеспечивать именно разнообразие лидерских стилей-ролей ее участников. Обычно выделяют следующие архетипы стилей современного организационного лидерства: Достигатор (лидер производства), Вдохновитель (лидер управления человеческими ресурсами), Эксперт (лидер исследований, аналитики), Бюрократ (лидер контроля и стандартизации), Организатор (лидер тактических действий), наконец, Командный (проектный) лидер (стратег, лидер изменений) [15].

В. Г. Туркина рассматривает архетипы героя-лидера нашего времени через призму ключевых параметров массового общества [16]. Она выделяет четыре мифологических стереотипа (мифологемы): *герой прометеевского типа* (лидер общества массового производства, эталон «производственного героизма»); *герой геркулесова типа* (лидер общества массового насилия, поборник правил и дисциплины, борец с врагами человечества); *герой деметрианского типа* (лидер общества массового потребления, проявляющий заботу, дающий отеческие советы, опекающий); *герой протестического типа* (лидер общества массовой коммуникации, транслятор идей, лидер мнений, герой коммуникативного контакта, действия, а не мысли) [16, с. 35–40].

Особые приметы современного общества – ускоряющийся темп изменений, нестабильность, непредсказуемость – неизбежно приводят к появлению героев, способных максимально приблизиться к пониманию тенденций и сути

происходящего, стать проводниками перемен, консолидирующими общности, указать маршруты движения в постоянно меняющемся мире. Массовое сознание нуждается в подобных героях, готовых спасти мир от хрупкости, и порождает соответствующие мифологемы, что можно расценивать как защитную реакцию общности на нарастающую непостижимость действительности. Мы предлагаем расширить список героических типов, описанных в работах В. Г. Туркиной, двумя мифологемами, сохранив ассоциативность, отсылающую к героям античных мифов: *герой афинского типа* (лидер постиндустриального общества, где ведущей технологией является умственная деятельность – современный эксперт, первообразом которого выступает мудрец. В основе мифологемы образ Афины – богини мудрости в древнегреческой мифологии); *герой аполлонского типа* (еще один лидер постиндустриального общества, отличающегося высоким уровнем технологичности и инновационности, ускоряющимся темпом изменений во всех сферах жизни. Аполлон – Бог Солнца, один из Богов Олимпа, наделенный проницаемостью, креативностью и мудростью, что и делает его образ схожим с современными лидерами изменений, формирующими эффективные проектные команды. Первообразом такого лидера является трансформация).

Выделим следующие образы современного лидерства в их взаимосвязи с архетипическими представлениями прошлого:

Достигатор – герой *прометеевского* типа (архетип Героя-воина);

Вдохновитель – герой *деметрианского* типа (архетип заботливой Матери);

Бюрократ – герой *геркулесова* типа (архетип Правителя-законодателя);

Организатор – герой *протестического* типа (архетип хозяйствующего Правителя; строгого, но справедливого Отца);

Командный (проектный) лидер – герой *аполлонского* типа (архетип Трансформации);

Эксперт – герой *афинского* типа (архетип Мудреца).

Образ современного лидера обретает свои очертания из наблюдений за паттернами его поведения, которые формируются его жизненным опытом, теоретическими и практическими знаниями в области менеджмента, психологии управления и других областях. Ключевым является повторяемость паттернов, т.е. их постоянство, что делает образ лидера четким, не размытым. Постоянство лидера в глазах последователей – важное качество лидерства, одна из

его сущностных характеристик. Совокупность паттернов, считает Манфред Кетс де Вриес, можно назвать *архетипом*, который определяет ту роль, которую призван играть тот или иной руководитель в организации – «несоответствие архетипа и ситуации, в которую попадает руководитель, приводит к сбоям в работе команды и целой организации и, как следствие, к карьерным провалам» [17].

Важно отметить, что ключевые характеристики современного организационного лидерства включают следующие качества: гибкость стилей лидера-руководителя, его способность адекватно и конструктивно реагировать на вызовы неопределенности, учитывать индивидуальные отличия подчиненных, проявлять подходящие в том или ином случае типы влияния на группу, добиваясь устойчивого движения к общей цели. Помимо лидерского потенциала, современному лидеру необходимы знания и навыки лидерологии, в том числе подходов к дифференциации образов (архетипов), стилей лидерства и типов лидерского влияния, способных обеспечить высокий уровень эффективности организационного лидерства. Это достигается через саморазвитие и участие в обучающих и тренинговых программах.

Заключение

Представления о лидере в разные времена и у разных народов во многом схожи. Схожесть также отмечается и в том, что в конкретной исторической ситуации чаяния общности выводят на авансцену событий лидеров определенного архетипа: бесстрашного героя, заботливого или жесткого правителя, проницательного мудреца, проводника перемен – архетип трансформации. Проведенный анализ позволяет выявить архетипический круг первообразов лидеров и сопоставить его с современными архетипами, прежде всего, организационного лидерства. Архетипические представления о дополняющих друг друга стилях лидерства в современных организациях, диагностика этих стилей, анализ их совместимости и выраженности, поможет управленческим командам стать более эффективными за счет тренингов и иных действий, приводящих команду к идеалу комплементарности, сплоченности, взаимопонимания. В целом представления К. Юнга и его последователей об архетипах, взятые за основу в настоящем исследовании, дают возможность не только подвести методологическую основу под концепцию типологии образов лидерства, но и расширить представление о психологической

сущности лидерства как явления всеобщего для всех народов, определяющего и направляющего эволюцию человечества, формирующего культуру, науку, творящего историю.

С позиций коллективного бессознательного, открытого Юнгом, можно по-иному взглянуть на феномен лидерства. Архетипы лидеров, растворенные в коллективном бессознательном, доступны для каждого индивида, что объясняет важные психические динамические процессы, такие как *идентификация* (с конкретным человеком и группой), *индивидуация* (процесс становления личности), *транценденция* (стремление к совершенству, самоактуализации, буквально – выход за пределы). Все эти процессы имеют прямое отношение к лидерству и его структуре: лидер не бывает без последователей и важно изучать психологические особенности их симбиоза; лидерами не рождаются, несмотря на необходимость некоторых лидерских задатков для формирования будущего лидера, важно определить основные процессы онтогенеза, ведущие к становлению личности лидера; эффективный лидер постоянно совершенствуется, и задача современной науки содействовать этому.

Список литературы

1. Ананченко М. Ю. Влияние архетипов на представления о лидере и лидерстве // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 107. С. 68–75.
2. Юнг К. Г. Психологические типы. 2-е изд. с изм. Минск : Харвест, 2017. 528 с.
3. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. СПб. : Питер, 2020. 336 с.
4. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. А. Чечиной. М. : АСТ, 2021, 496 с.
5. Франц Мария-Луиза фон. Архетипическое измерение психики. М. : Клуб Касталия, 2017. 210 с.
6. Каст В. Динамика символов. Основы юнгианской психотерапии. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2020. 232 с.
7. Хиллман Дж. Архетипическая психология / пер. с англ. Ю. Донца, В. Зеленского. СПб. : Б.С.К., 1996. 157 с.
8. Платон. Государство // Древнегреческая философия: От Платона до Аристотеля / сост. В. В. Шкода. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 91–438.
9. Аристотель. Политика // Древнегреческая философия: От Платона до Аристотеля / сост. В. В. Шкода. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. С. 439–699.
10. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / общ. ред., вступ. ст. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
11. Конфуций. Уроки мудрости / сост. М. А. Блюменкранц. М. : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2005. 958 с.

12. Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С. В. Перевезенцев. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 448 с.
13. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. СПб. : Издание В. И. Яковенко, 1908. 264 с.
14. Ницше Ф. Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов. М. : АСТ, 2019. 352 с.
15. Комаров В. В. Организационное лидерство: подходы к определению и классификации стилей лидерства // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9, № 2. С. 439–460. <https://doi.org/10.18334/lim.9.2.114367>
16. Туркина В. Г. Мифологемы как стереотипы массового сознания // Наука, искусство, культура, 2016. № 2 (10). С. 32–41.
17. Кетс де Вриес М. Восемь архетипов лидера // Harvard Business Review. 2014. URL: <https://hbr-russia.ru/management/upravlenie-personalom/p13335/> (дата обращения: 11.11.2023).
- Walter, 1990. 262 S. (Russ. ed.: Caste V. *Dinamika simvolov. Osnovy jungianskoy psikhoterapii*. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 232 p.).
7. Hillman J. *Archetypal Psychology: A Brief Account*. Dallas, Spring Publications, 1983. 88 p. (Russ. ed.: Hillman J. *Arkhetipicheskaya psikhologiya*. St. Petersburg, B.S.K., 1996. 157 p.).
8. Plato. State. In: *Drevnegrecheskaya filosofiya: Ot Platona do Aristotelya* [Ancient Greek philosophy: From Plato to Aristotle]. Moscow, AST, Kharkiv, Folio, 2003, pp. 91–438 (in Russian).
9. Aristotle. Politics. In: *Drevnegrecheskaya filosofiya: Ot Platona do Aristotelya* [Ancient Greek philosophy: From Plato to Aristotle]. Moscow, AST, Kharkiv, Folio, 2003, pp. 439–699 (in Russian).
10. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Dovatura A. I., ans. ed. Selected Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl', 1983, vol. 4. 830 p. (in Russian).
11. Confucius. *Uroki mudrosti* [Lessons of Wisdom]. Moscow, Eksmo, Kharkiv, Folio, 2005. 958 p. (in Russian).
12. *Antologiya filosofii Srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniya* [Perevezentsev S. V., compl. Anthology of Philosophy of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, OLMA-PRESS, 2001. 448 p. (in Russian).
13. Carlyle T. On Heroes, Hero-Worship, and The Heroic in History. Boston, Ginn & Company, 1901. 396 p. (Russ. ed.: Karlej' T. *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii*. St. Petersburg, Izdanie V.I. Yakovenko, 1908. 264 p.).
14. Nietzsche F. The Anti-Christ, Ecce Homo, Twilight of the Idols. New York, Cambridge University Press, 2005. 296 p. (Russ. ed.: Nitshe F. *Antikhris. Ecce Homo. Sumerki idolov*. Moscow, AST, 2019. 352 p.).
15. Komarov V. V. Organizational leadership: Approaches to defining and classifying leadership styles. *Liderstvo i menedzhment* [Leadership and Management], 2022, vol. 9, no. 2, pp. 439–460 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/lim.9.2.114367>
16. Turkina V. G. Mythologems as stereotypes of mass consciousness. *Nauka, iskusstvo, kul'tura* [Science, Art, Culture], 2016, no. 2 (10), pp. 32–41 (in Russian).
17. Kets de Vries Manfred F. R. The Eight Archetypes of Leadership. *Harvard Business Review*. 2014. Available at: <https://hbr.org/2013/12/the-eight-archetypes-of-leadership> (accessed 11 November 2023).

References

1. Ananchenko M. Yu. The influence of archetypes on ideas about the leader and leadership. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 107, pp. 68–75 (in Russian).
2. Jung C. G. *Psychologische Typen*. Zürich, Rascher & Cie., 1921. 708 p. (Russ. ed.: Jung K.G. *Psikhologicheskie tipy*. Minsk, Harvest, 2017. 528 p.).
3. Jung C. G. *Seelenprobleme der Gegenwart*. Zürich, Rascher & cie, 1931. 435 S. (Russ. ed.: Jung K. G. *Problemy dushi nashego vremeni*. St. Petersburg, Piter, 2020. 326 p.)
4. Jung C. G. *Archetypen und das Kollektive Unbewusste*. Freiburg in Breisgau, Olten, Walter, 1976. 473 S. (Russ. ed.: Jung K. G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe*. Moscow, AST, 2021. 496 p.).
5. Marie-Louise von Franz. *Archetypal dimensions of the psyche*. Boston, Shambhala, 1997. 405 p. (Russ. ed.: Franz Marie-Louise fon. *Arkhetipicheskoe izmerenie psikhiki*. Moscow, Club Castalia, 2017. 210 p.).
6. Kast V. *Die Dynamik der Symbole: Grundlagen der Jungschen Psychotherapie*. Freiburg in Breisgau, Olten,

Поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 08.11.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 90–96

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 90–96

<https://phpp.sgu.ru>

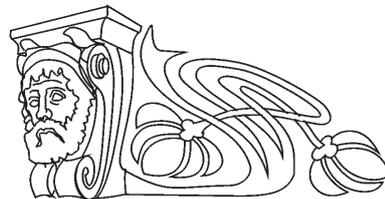
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-90-96>, EDN: CMHHLW

Научная статья

УДК 316.62

Сострадание и доброта как разные сценарии просоциального поведения личности

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. Во *введении* обосновывается актуальность проблемы дифференциации режимов просоциального поведения и определяется основная цель: выявить различия в распознавании и переживании модусов просоциального поведения у студентов-психологов и роли в них субъективного благополучия личности. *Теоретический анализ* сострадания и доброты позволил сформулировать гипотезу: эмпирическими референтами различения просоциального сценария доброты, связанного с заботой о будущем Другого и активизацией его психологических ресурсов, и сценария сострадания, направленного на уменьшение негативных переживаний Другого за счет предоставления собственных ресурсов, выступают актуализированные эмоции, а фасилитатором – наличный уровень субъективного благополучия личности. *Эмпирический анализ.* Участники: студенты-психологи (N = 76; M = 24,4; SD = 9,5). Методики: шкала сценариев доброты и сострадания (P. Gilbert et al.); методика режимов доброты (D. E. Youngs et al.); методика диагностики субъективного благополучия личности (P. М. Шамионов, Т. В. Бескова). **Выводы.** Выявлены различия в распознавании просоциальных сценариев доброты и сострадания; определены эмоциональные маркеры, позволяющие их дифференцировать; обнаружены различия в показателях субъективного благополучия участников с разной способностью к распознаванию доброты и сострадания, установлена значимая связь между сострадательной добротой и компонентами субъективного благополучия. Результаты могут использоваться в образовательном процессе при формировании профессиональных компетенций студентов-психологов через обучение практикам осознанности, сострадания, самозаботы.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие, просоциальное поведение, доброта, сострадание, режимы доброты, субъективное благополучие личности

Для цитирования: Рягузова Е. В. Сострадание и доброта как разные сценарии просоциального поведения личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 90–96. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-90-96>, EDN: CMHHLW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Compassion and kindness as different scenarios of pro-social behavior of the person

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. Introduction: the relevance problem of differentiating modes of prosocial behavior is substantiated and the main goal is determined: to identify differences in the recognition and experience of modes of prosocial behavior among psychology students and the role of subjective well-being of the person in them. *Theoretical analysis* of compassion and kindness made it possible to formulate a hypothesis: the empirical referents of distinguishing between the prosocial scenario of kindness, associated with concern for the future of the Other and the activation of his psychological resources, and the scenario of compassion, aimed at reducing the negative experiences of the Other by providing one's own resources, are actualized emotions, and the facilitator is the current level of subjective well-being of the person. *Empirical analysis.* Participants: psychology students (N = 76; M = 24.4; SD = 9.5). Methods: Kindness and Compassion Script Scale (P. Gilbert et al.); Kindness modes technique (D. E. Youngs et al.); Methods of diagnostics of subjective well-being of the person (R. Shamionov, T. Beskova). **Conclusions:** differences were identified in the recognition of prosocial scenarios of kindness and compassion; emotional markers have been identified that allow them to be differentiated; differences were found in the indicators of subjective well-being of participants with different abilities to recognize kindness and compassion, and a significant connection was established between compassionate kindness and the components of subjective well-being. The results can be used in the educational process for developing the professional competencies of psychology students through training in the practices of mindfulness, compassion, and self-care.

Keywords: interpersonal interaction, prosocial behavior, kindness, compassion, modes of kindness, subjective well-being of the person

For citation: Ryaguzova E. V. Compassion and kindness as different scenarios of pro-social behavior of the person. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 90–96 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-90-96>, EDN: CMHHLW
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность проблемы дифференциации разных режимов просоциального поведения, представляющего собой добровольную активность личности, направленную на благо Другого, обусловлена потребностью общества в таком поведении, укрепляющем солидарность, консолидацию, межличностное доверие социальных акторов и накопление ими социального капитала, способствующем их ответственной удовлетворенности жизнью, гармоничному развитию и духовному процветанию всего общества, что в современных условиях разнонаправленных кризисов, многочисленных вызовов и реальных рисков чрезвычайно важно.

На наш взгляд, способность дифференцировать разные сценарии просоциального поведения является профессионально важной компетенцией психологов, формирование которой опирается на индивидуально-психологические особенности личности (эмпатия, эмоциональный интеллект, особенности мотивации, субъективное благополучие) и осознанные практики заботы о себе.

Цель эмпирического исследования – выявить различия в распознавании и переживании сценариев доброты и сценариев сострадания как разных модусов просоциального поведения у студентов-психологов и роли в них субъективного благополучия личности.

Теоретический анализ

Анализ доброты в поведенческом и нормативно-измерительном контексте позволяет выделить и описать разные режимы доброты, а также сфокусировать внимание на различном понимании помощи как пользы (блага) для Другого.

В одном случае помощь как заботливость о Другом и сострадание ему связана с утешением, поддержкой, переживанием сходных с ним эмоций и чувств, ситуативным отождествлением себя с Другим и фактически предоставлением ему в режиме здесь-и-теперь собственных ресурсов (материальных, психологических, временных). Результатом оказания такой помощи может быть как удовлетворение, так и усталость от сострадания [1].

Конструкт «усталость от сострадания» выступает современным и знаковым эвфемизмом,

применение которого свидетельствует о новом дискурсе стрессовой проблематики, чей фокус направлен не только на субъекта, оказавшегося в стрессовой (травматической) ситуации, но и на того, кто находится рядом, осуществляет профессиональную помощь или поддерживает, эмпатически откликаясь на трудную ситуацию Другого. Термин «усталость от сострадания» или эмпатический стресс обычно используется для обозначения одного из возможных негативных и деструктивных видов профессионального стресса, приводящего к истощению личностных ресурсов, наряду с эмоциональным выгоранием и опосредованной травматизацией [2].

Чаще всего усталость от сострадания диагностируется у медицинского персонала, социальных работников, консультативных и клинических психологов, защитников детей и животных, т.е. у тех, кто часто сталкивается с чужой болью, страданиями и эмпатически подключается к ним, но она также может развиваться у любого человека, постоянно проявляющего чрезмерную включенность в травму и страдания Другого. Усталость от сострадания – это индивидуальное и контекстуальное проявление аффективно-когнитивного реагирования на психическую травму Другого через активное сопереживание ему и эмоциональное вовлечение в его травматическую ситуацию, которое приводит к субъективному неблагоприятному личностному и напряжению, снижению эффективности ее деятельности и ухудшению психического здоровья.

В другом случае помощь – забота и ответственность за будущее Другого – ориентирована на поддержание и активизацию его ресурсов, чтобы он смог самостоятельно справиться с возникшей проблемой и двигаться по пути саморазвития, самоактуализации и самодетерминации. Именно о такой заботе и помощи говорит Д.-Т. Бинфет, изучая педагогическую доброту и определяя ее в контексте ответственности за настоящее и будущее ребенка, безопасности образовательной среды и развивающихся взаимоотношений [3, 4].

Вместе с тем осознание бесперспективности заботы в силу объективных причин, субъективной неконтролируемости ситуации, осознанного или неосознанного сопротивления со стороны Другого и отсутствия у него позитивных изменений может также привести к усталости от

сострадания, которое проявляется в понимании собственной беспомощности и безнадежности в ситуации оказания помощи, раздражительности и вспышках гнева, подавленности и неудовлетворенности собственной жизнью, негативных эмоциях и потере мотивации заботы о Другом.

Эмпирический анализ

В исследовании принимали участие студенты, получающие психологическое образование ($N = 76$; $M = 24,4$; $SD = 9,5$): I курс бакалавриата ($N = 40$) в возрасте от 17 до 19 лет – 29 лиц женского пола и 11 мужского пола и I курс магистратуры ($N = 36$) в возрасте от 21 до 56 лет – 9 мужчин и 27 женщин.

Гипотеза: эмпирическими референтами различия просоциального сценария доброты, связанного с заботой о будущем Другого и активизацией его психологических ресурсов, и сценария сострадания, направленного на уменьшение негативных переживаний Другого за счет предоставления собственных ресурсов, выступают актуализированные эмоции, а фасилитатором распознавания – наличный уровень субъективного благополучия личности.

Методики. Для распознавания участниками исследования разных сценариев просоциального поведения применялась шкала сценариев доброты и сострадания [5]. Методика включает 8 описаний различных ситуаций, репрезентирующих один из заданных просоциальных сценариев – сосредоточенность на страдании Другого или акцентирование внимания на его благополучии, например, «Делаете кому-то одолжение, которое отнимает у вас время», «Помогаете кому-то усвоить определенные компетенции для достижения его карьерных целей», «Пытаетесь утешить кого-то в беде». От испытуемых требовалось не только идентифицировать тот или иной предложенный сценарий и указать его поведенческую типичность и субъективную значимость, но и определить качество тех эмоций (печаль, беспокойство, гнев, отвращение, радость), которые актуализируются при реализации указанного сценария, а также определить интенсивность той или иной эмоции в количественной форме.

Доминирующие источники доброты и ее направленность диагностировались с помощью методики режимов доброты [6], содержащей 20 утверждений, описывающих разные виды доброты, которые проявляются в тех или иных повседневных ситуациях («Я открываю двери,

чтобы пропустить людей», «Мне легко прощать», «Я даю деньги людям на улице»). Участники исследования оценивали степень своего согласия с предложенным утверждением по 5-балльной шкале Ликерта (от «полностью не согласен» до «полностью согласен»). Методика диагностирует 4 режима доброты: социально-предписанная; социально-предписанная проактивная; аффективно-проактивная; аффективно-социально-предписанная.

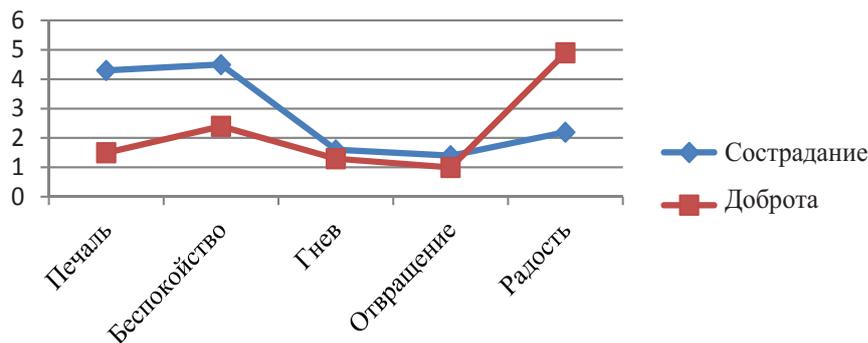
Определение уровня субъективного благополучия личности и выявление его видов (эмоциональное благополучие, экзистенциально-деятельностное благополучие, Эго-благополучие, гедонистическое благополучие, социально-нормативное благополучие) осуществлено с использованием методики диагностики субъективного благополучия личности [7], в рамках которой необходимо было выразить степень своего согласия с 34 суждениями по 5-балльной шкале.

Методы анализа данных. Для обработки первичных данных использовался пакет статистического анализа JAPS0.18.1. Для установления связи между структурными компонентами субъективного благополучия и разными режимами доброты применялся корреляционный анализ Спирмена, позволивший выявить значимые корреляционные связи. Для определения различий в специфике субъективного благополучия респондентов с разной степенью распознавания просоциальных сценариев сострадания и доброты использовался критерий Манна – Уитни. Применение непараметрического критерия, а также анализ корреляций по Спирмену связаны с тем, что согласно критерию Шапиро – Уилка распределение данных отличается от нормального.

Результаты и их обсуждение

Результаты распознавания разных сценариев просоциального поведения показали, что ситуации доброты правильно идентифицируются чаще, чем ситуации сострадания, хотя последние оцениваются как более типичные и более значимые для респондентов. Выявленный факт не согласуется с данными, полученными на американской выборке [5], что может быть связано с различием по ключевым психологическим измерениям культур, дифференцирующая важность которых часто указывается исследователями [8, 9]. Однако данный результат требует специального эмпирического подтверждения.

Профили эмоций двух просоциальных сценариев графически представлены на рисунке.

Профили эмоций сострадания и доброты
Profiles of the emotions of compassion and kindness

Приведенные данные свидетельствуют о том, что маркером различения этих просоциальных сценариев выступает степень выраженности таких эмоций, как печаль, беспокойство и радость. В ситуациях сострадания значимо больше печали и беспокойства, поскольку сострадание акцентируется на сильных негативных переживаниях Другого, предполагает включение и присоединение к ним, желание помочь, что, безусловно, связано с определенным мужеством человека принять на себя боль Другого, не пройти мимо нее, не дистанцироваться, испугавшись самого факта сострадания («страх сострадания» [10]), оказать помощь и поддержку Другому в режиме «здесь и сейчас». Включенность в трудную ситуацию Другого актуализирует не только сочувственную печаль, сопряженную со страданием и сопереживанием другому человеку, но и значительное беспокойство личности, определяемое как чувствительность к опасности, служащее сигналом предупреждения и мобилизации имеющихся ресурсов [11]. Беспокойство связано с тревожностью, которая по Изарду является поликомпонентным эмоциональным состоянием, одновременно сочетающим в себе страх, гнев, вину и интерес [12].

Охарактеризуем специфику каждого из этих эмоциональных состояний. Если страх в ситуации сострадания (эмпатический страх) представляет собой отклик на страх Другого и связан с опасениями о том, сможет ли он справиться со сложной ситуацией, есть ли у него достаточно психологических ресурсов, чтобы преодолеть трудности, то гнев, как правило, направлен на источник, породивший страдания Другого, в качестве которого могут выступать конкретный человек, группа, власть и общество в целом. Актуализация вины как эмоции самосознания и регулятор социального поведения

часто рассматривается как деструктивная эмоция – показатель психологической дисфункции личности, однако, как свидетельствуют недавние исследования, вина может выступать в качестве мощной моральной силы, мотивирующей сострадание [13], и являться механизмом, опосредующим позитивную связь между негативным собственным опытом и состраданием Другому [14], актуализируя принятие персональной ответственности за Другого. Что касается интереса, то в ситуации сострадания речь идет о когнитивном интересе, имеющем отношение к социальному познанию, признанию универсальности страданий и боли, расширению горизонтов субъективного видения личности, получению ею жизненного опыта, фасилитации альтруистической мотивации и углублению понимания мира, Другого и себя.

Оба просоциальных сценария характеризуются актуализацией эмоции радости, свидетельствуя о том, что, помогая и поддерживая Другого, личность проявляет нравственное отношение к нему и получает от этого удовлетворение – внутреннее вознаграждение, эйфорическое чувство, «теплое внутреннее свечение» [15], которое возникает при выборе действия в пользу Другого за счет ослабления собственной эгоистичной мотивации [16].

И тот и другой сценарий предполагает помощь и поддержку людям, включенным в разные коммуникативные сети: близкий – дальний круг, знакомые – незнакомые люди. Эти сценарии связаны с позитивным отношением к любому человеку, но положительный эффект доброго поступка – коэффициент позитивности [1] для человека, его совершающего, значительно выше, по сравнению с сострадательным действием, что обусловлено, прежде всего, различием в мотивации. Если основной мотив личности в рамках сострадательного сце-

нария – со-настройка на Другого и уменьшение (облегчение) его страданий в формате здесь-и-сейчас через предоставление собственных ресурсов с целью снижения уровня дистресса, то ключевым намерением доброго поступка выступает желание мобилизовать и усилить жизненные ресурсы Другого не только в контексте актуального настоящего, но и возможного будущего.

Известно, что просоциальное поведение связано с субъективным благополучием личности, о чем свидетельствуют различные данные [17–20]. В ходе проведенного исследования было установлено, что режим сострадательной доброты значимо коррелирует с такими компонентами субъективного благополучия, как эго-благополучие (0,580 при $p < .001$), гедонистическое благополучие (0,559 при $p < .001$) и социально-нормативное благополучие (0,573 при $p < .001$). Это доказывает, что личность, принимающая себя, живущая в согласии с собой, Другими и миром, удовлетворяющая свои базовые потребности, скорее будет реализовывать просоциальный сценарий сострадания. Однако установление связи не позволяет сделать заключение о причинах и следствиях и решить вопрос об исходной детерминации – благополучие личности детерминирует просоциальное поведение или, наоборот, реализация просоциальных поведенческих сценариев повышает уровень субъективного благополучия личности, что требует дополнительного изучения.

Мы разделили всю выборочную совокупность на 2 подгруппы, дифференцирующим критерием выступала точность распознавания просоциальных сценариев доброты и сострадания. За точку отсчета был принят показатель больше (меньше) 60% точной идентификации ситуаций просоциального поведения. В первую подгруппу были включены 51 чел. с высоким уровнем распознавания доброты и сострадания, во вторую вошли 25 чел. со сниженным уровнем идентификации анализируемых просоциальных сценариев. Использование Mann-Whitney U test позволило выявить значимые различия по всем показателям субъективного благополучия, при этом максимальное различие обнаружено по показателю эмоциональное благополучие ($p < .018$).

Выводы

Доброта и сострадание составляют содержание просоциальных поступков человека, направленных на благо Другого, его активную

поддержку и бескорыстную помощь. Просоциальные сценарии доброты и сострадания имеют инвариантное ядро – позитивное отношение личности к себе и Другому, но при этом сострадание всегда включает доброту, тогда как доброта не обязательно подразумевает сострадание. Сценарии доброты и сострадания различаются не только типом интенциональности и мотивационной направленности личности, совершающей просоциальный поступок, но и интенсивностью актуализированных эмоциональных состояний, основными из которых выступают печаль, беспокойство и радость. Обнаружены различия в показателях субъективного благополучия участников с разной способностью к распознаванию доброты и сострадания, установлена значимая корреляционная связь между сострадательной добротой и компонентами субъективного благополучия. Связь между просоциальным поведением и субъективным благополучием, подтвержденная в эмпирическом исследовании, позволяет говорить о необходимости разработки образовательных программ для студентов-психологов, направленных на формирование у них профессиональных компетенций, основанных на практиках осознанности, сострадания, заботы о себе и способствующих повышению субъективного благополучия личности.

Список литературы

1. Radey M., Figley C. R. The Social Psychology of Compassion // *Clinical Social Work Journal*. 2007. Vol. 35. P. 207–214. <https://doi.org/10.1007/s10615-007-0087-3>
2. Rauvola R. S., Vega D. M., Lavigne K. N. Compassion Fatigue, Secondary Traumatic Stress, and Vicarious Traumatization: A Qualitative Review and Research Agenda // *Occupational Health Science*. 2019. Vol. 3. P. 297–336. <https://doi.org/10.1007/s41542-019-00045-1>
3. Binfet J.-T. Not-so random acts of kindness: A guide to intentional kindness in the classroom // *International Journal of Emotional Education*. 2015. Vol. 7, № 2. P. 35–51.
4. Binfet J.-T. *Cultivating Kindness: An Educator's Guide*. Toronto : University of Toronto Press, 2022. 248 p.
5. Gilbert P., Basran J., MacArthur M., Kirby J. N. Differences in the Semantics of Prosocial Words: an Exploration of Compassion and Kindness // *Mindfulness*. 2019. Vol. 10. P. 2259–2271. <https://doi.org/10.1007/s12671-019-01191-x>
6. Youngs D. E., Yaneva M. A., Canter D. V. Development of a measure of kindness // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 5428–5440. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01882-6>
7. Шамионов Р. М., Бескова Т. В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11, № 60. С. 8.

8. Chang J.-H., Detrick S. M., Maas Z., Çoşkun H., Klos C., Zeifert H., Parmer E., Sule J. Cross-cultural comparison of compassion: An in-depth analysis of cultural differences in compassion using the Compassion of Others' Lives (COOL) Scale // *The Humanistic Psychologist*. 2021. Vol. 49, iss. 3. P. 459–478. <https://doi.org/10.1037/hum0000167>
9. Sinclair V. M., Topa G., Saklofske D. Personality Correlates of Compassion: A Cross-Cultural Analysis // *Mindfulness*. 2020. Vol. 11. P. 2423–2432. <https://doi.org/10.1007/s12671-020-01459-7>
10. Gilbert P., McEwan K., Matos M., Ravis A. Fears of compassion: Development of three self-report measures // *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*. 2011. Vol. 84, iss.3. P. 239–255. <https://doi.org/10.1348/147608310X-526511>
11. Соловьева С. Л. Тревога и тревожность: теория и практика // *Медицинская психология в России*. 2012. № 6 (17). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer14.php?ysclid=lpbdlkfbj5232054224 (дата обращения: 28.10.2023).
12. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
13. Lim D., DeSteno D. Suffering and compassion: The links among adverse life experiences, empathy, compassion, and prosocial behavior // *Emotion*. 2016. Vol. 16, iss. 2. P. 175–182. <https://doi.org/10.1037/emo0000144>
14. Lim D., DeSteno D. Guilt underlies compassion among those who have suffered adversity // *Emotion*. 2023. Vol. 23, iss. 3. P. 613–621. <https://doi.org/10.1037/emo0001116>
15. Andreoni J. Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-Glow Giving // *The Economic Journal*. 1990. Vol. 100, iss. 401. P. 464–477. <https://doi.org/10.2307/2234133>
16. Evren O., Minardi S. Warm-Glow Giving and Freedom to Be Selfish (August 20, 2013) // *HEC Paris Research Paper*. № ECO/SCD-2013-1011. URL: <https://ssrn.com/abstract=2347111> (дата обращения: 20.04.2023).
17. Hui B. P. H., Ng J. C. K., Berzaghi E., Cunningham-Amos L. A., Kogan A. Rewards of kindness? A meta-analysis of the link between prosociality and well-being // *Psychological Bulletin*. 2020. Vol. 146, iss. 12. P. 1084–1116. <https://doi.org/10.1037/bul0000298>
18. Shin L. J., Layous K., Choi I., Na S., Lyubomirsky S. Good for self or good for others? The well-being benefits of kindness in two cultures depend on how the kindness is framed // *The Journal of Positive Psychology*. 2020. Vol. 15, № 6. P. 795–805. <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1651894>
19. Curry O. S., Rowland L. A., Van Lissa C. J., Zlotowitz S., McAlaney J., Whitehouse H. Happy to help? A systematic review and meta-analysis of the effects of performing acts of kindness on the well-being of the actor // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018. Vol. 76. P. 320–329. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2018.02.014>
20. Gherghel C., Nastas D., Hashimoto T., Takai J. The relationship between frequency of performing acts of kindness and subjective well-being: A mediation model in three cultures // *Current Psychology*. 2021. № 40. P. 4446–4459. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00391-x>

References

1. Radey M., Figley C. R. The Social Psychology of Compassion. *Clinical Social Work Journal*, 2007, vol. 35, pp. 207–214. <https://doi.org/10.1007/s10615-007-0087-3>
2. Rauvola R. S., Vega D. M., Lavigne K. N. Compassion Fatigue, Secondary Traumatic Stress, and Vicarious Traumatization: A Qualitative Review and Research Agenda. *Occupational Health Science*, 2019, vol. 3, pp. 297–336. <https://doi.org/10.1007/s41542-019-00045-1>
3. Binfet J.-T. Not-so random acts of kindness: A guide to intentional kindness in the classroom. *International Journal of Emotional Education*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 35–51.
4. Binfet J.-T. *Cultivating Kindness: An Educator's Guide*. Toronto, University of Toronto Press, 2022. 248 p.
5. Gilbert P., Basran J., MacArthur M., Kirby J. N. Differences in the Semantics of Prosocial Words: An Exploration of Compassion and Kindness. *Mindfulness*, 2019, vol. 10, pp. 2259–2271. <https://doi.org/10.1007/s12671-019-01191-x>
6. Youngs D. E., Yaneva M. A., Canter D. V. Development of a measure of kindness. *Current Psychology*, 2023, vol. 42, pp. 5428–5440. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01882-6>
7. Shamionov R. M., Beskova T. V. Methods of diagnostics of subjective well-being of the person. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2018, vol. 11, no. 60, pp. 8 (in Russian).
8. Chang J.-H., Detrick S. M., Maas Z., Çoşkun H., Klos C., Zeifert H., Parmer E., Sule J. Cross-cultural comparison of compassion: An in-depth analysis of cultural differences in compassion using the Compassion of Others' Lives (COOL) Scale. *The Humanistic Psychologist*, 2021, vol. 49, iss. 3, pp. 459–478. <https://doi.org/10.1037/hum0000167>
9. Sinclair V. M., Topa G., Saklofske D. Personality Correlates of Compassion: A Cross-Cultural Analysis. *Mindfulness*, 2020, vol. 11, pp. 2423–2432. <https://doi.org/10.1007/s12671-020-01459-7>
10. Gilbert P., McEwan K., Matos M., Ravis A. Fears of compassion: Development of three self-report measures. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 2011, vol. 84, iss. 3, pp. 239–255. <https://doi.org/10.1348/147608310X-526511>
11. Solovyova S. L. Anxiety and anxiety: Theory and practice. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* (Medical Psychology in Russia), 2012, no. 6 (17). Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer14.php?ysclid=lpbdlkfbj5232054224 (accessed 28 October 2023) (in Russian).
12. Izard C. E. *The psychology of emotions*. New York, London, Plenum Press, 1991. 452 p. (Russ. ed.: Izard K. E. *Psikhologiya emotsiy*. St. Petersburg, Piter, 2006. 464 p.).

13. Lim D., DeSteno D. Suffering and compassion: The links among adverse life experiences, empathy, compassion, and prosocial behavior. *Emotion*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 175–182. <https://doi.org/10.1037/emo0000144>
14. Lim D., DeSteno D. Guilt underlies compassion among those who have suffered adversity. *Emotion*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 613–621. <https://doi.org/10.1037/emo0001116>
15. Andreoni J. Impure Altruism and Donations to Public Goods: A Theory of Warm-Glow Giving. *The Economic Journal*, 1990, vol. 100, iss. 401, pp. 464–477. <https://doi.org/10.2307/2234133>
16. Evren O., Minardi S. Warm-Glow Giving and Freedom to Be Selfish (August 20, 2013). *HEC Paris Research Paper*, no. ECO/SCD-2013-1011. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2347111> (accessed 20 April 2023).
17. Hui B. P. H., Ng, J. C. K., Berzaghi E., Cunningham-Amos L. A., Kogan A. Rewards of kindness? A meta-analysis of the link between prosociality and well-being. *Psychological Bulletin*, 2020, vol. 146, iss. 12, pp. 1084–1116. <https://doi.org/10.1037/bul0000298>
18. Shin L. J., Layous K., Choi I., Na S., Lyubomirsky S. Good for self or good for others? The well-being benefits of kindness in two cultures depend on how the kindness is framed. *The Journal of Positive Psychology*, 2020, vol. 15, no. 6, pp. 795–805. <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1651894>
19. Curry O. S., Rowland L. A., Van Lissa C. J., Zlotowitz S., McAlaney J., Whitehouse H. Happy to help? A systematic review and meta-analysis of the effects of performing acts of kindness on the well-being of the actor. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2018, vol. 76, pp. 320–329. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2018.02.014>
20. Gherghel C., Nastas D., Hashimoto T., Takai J. The relationship between frequency of performing acts of kindness and subjective well-being: A mediation model in three cultures. *Current Psychology*, 2021, no. 40, pp. 4446–4459. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00391-x>

Поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 97–101

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 97–101
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-97-101>

EDN: BUVDPE

Научная статья

УДК [378.015.3:811](470.22-25)

Мотивация студентов гуманитарных специальностей к изучению иностранных языков: изменения и тенденции

И. Е. Абрамова, Е. П. Шишмолина ✉

Петрозаводский государственный университет, Россия, 185035, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33

Абрамова Ирина Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений, lapucherabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1263-3599>

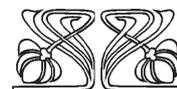
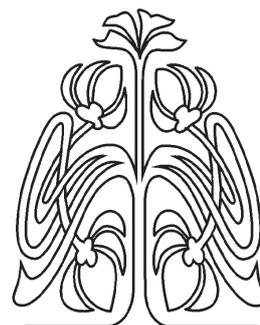
Шишмолина Елена Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных направлений, elena.shishmolina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6253-1788>

Аннотация. Введение. В обучении россиян иностранным языкам наметилась тенденция к снижению мотивации изучать европейские языки из-за изменения геополитической ситуации. Цель статьи – проанализировать динамику изменения мотивации к изучению английского языка студентами гуманитарных специальностей Петрозаводского государственного университета с 2019 по 2022 г. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ российских и зарубежных исследований показывает, что низкая мотивация к обучению препятствует достижению высоких результатов. На мотивационную сферу оказывают влияние ряд объективных и субъективных факторов: специальность, возраст, пол, среда обучения, учебная программа университета. **Эмпирический анализ.** Проведенное исследование позволило выявить две разные тенденции. Если будущие историки, политологи, социальные работники не снизили свой интерес к изучению английского языка с целью самообразования и самореализации, то среди обучающихся специальности «Туризм» зафиксировано снижение мотивации, вызванное сокращением возможностей применения английского языка в своей профессиональной деятельности в ближайшем будущем. **Заключение.** Формулируется вывод согласно которому задачи стимулирования интереса к изучению европейских языков среди студентов российских вузов и поиск новых нестандартных методик иноязычного обучения не теряют своей актуальности.

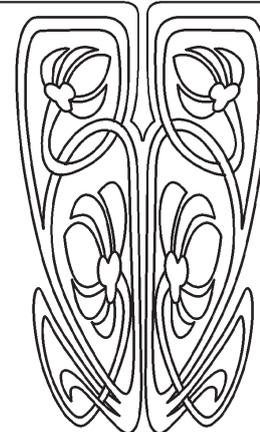
Ключевые слова: иностранные языки, учебная мотивация, внутренние мотивы, студенты

Для цитирования: Абрамова И. Е., Шишмолина Е. П. Мотивация студентов гуманитарных специальностей к изучению иностранных языков: изменения и тенденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 97–101. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-97-101>, EDN: BUVDPE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Motivation of humanities students to learn foreign languages: Changes and trends

I. E. Abramova, E. P. Shishmolina ✉

Petrozavodsk State University, 33 Lenina Prospect, Petrozavodsk 185035, Russia

Irina E. Abramova, lapucherabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1263-3599>

Elena P. Shishmolina, elena.shishmolina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6253-1788>

Abstract. Introduction. In teaching foreign languages to Russian students there is a tendency of decreasing motivation in learning European languages because of changes in the geopolitical situation. The aim of the article is to analyze the dynamics of the changes in students' motivation to learn English at Petrozavodsk State University from 2019 to 2022. **Theoretical analysis.** A comparative analysis of Russian and foreign studies shows that low motivation to learn prevents students from achieving high results. The motivational sphere is influenced by such objective and subjective factors as profession, age, gender, learning environment, and university curriculum. **Empirical analysis.** The study revealed two different trends. If the future historians, political scientists, and social workers still show their interest in learning English for the purpose of self-education and self-realization, then among the students specializing in "Tourism" the decrease in motivation, caused by the reduction of opportunities to use English in their professional activities in the near future, was recorded. **Conclusion.** The authors conclude that the task of stimulating students' interest in learning European languages in Russian universities and the search for new non-standard methods of teaching foreign languages does not lose its relevance.

Keywords: foreign languages, learning motivation, intrinsic motivation, students

For citation: Abramova I. E., Shishmolina E. P. Motivation of humanities students to learn foreign languages: Changes and trends. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 97–101 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-97-101>, EDN: BUVDFE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изменения в геополитической ситуации в мире не могли не сказаться на отношении к иностранным языкам в Российской Федерации. Так, иностранный язык не вошел в число предметов, подлежащих государственной итоговой аттестации во избежание неравенства в образовании школьников из разных регионов России. В начале 2022 г. развернулась острая дискуссия на тему необходимости преподавания английского языка. Согласно мнению руководства Фонда развития гражданского общества в учебных программах для школ и вузов должно быть увеличено количество часов на историю и географию в целях усиления патриотического воспитания. На этом фоне в 2022 г. многие работодатели снизили свой интерес к найму работников, свободно владеющих иностранными языками: количество вакансий с обязательным владением английским языком снизилось на 12%, а с итальянским на – 44% [1].

После отмены сдачи в России международных экзаменов IELTS и TOEFL отмечается отток учеников из сетевых языковых школ [2]. Тем не менее в 2022 г. вырос спрос на обучение английскому языку персонала IT-компаний, в финансовой и медицинской сферах [1]. По данным социологических опросов, 47% россиян

планировали в 2023 г. выучить иностранный язык [3]. Согласно исследованиям ведущей российской онлайн-школы по изучению английского языка большинство россиян изучают иностранные языки, чтобы путешествовать, читать литературу в оригинале, смотреть фильмы, для карьерного роста. Глубинным мотивом признается стремление повысить собственную самооценку [4].

Цель данного исследования – проследить динамику изменения мотивации к изучению и применению английского языка студентами гуманитарного профиля Петрозаводского государственного университета в период с 2019 по 2022 г. и проанализировать полученные результаты.

Теоретический анализ

В университетах мира студенты лингвистических специальностей осваивают иностранный язык в качестве одного из общеобразовательных предметов, где мотивация признается одной из наиболее значимых составляющих эффективного учебного процесса. Тем не менее А. Б. Сетияди, М. Махпул, Б. А. Висаксоно [5], В. Буссе говорят о сравнительно невысоком уровне потребности изучать иностранный язык не только в странах Азии, но и Европы [6].

Следует признать, что на учебные и профессиональные (внутренние) и социальные (внешние) мотивы и мотивацию как их совокупность влияют различные факторы, например, уровень материально-технической базы вуза, компетенции преподавателя при использовании электронной образовательной среды, наличие методической и технической поддержки [7, 8], использование в учебном процессе предметно-интегрированного обучения (CLIL) [9], индивидуальных и групповых проектов [10]. Особое внимание исследователи мотивации уделяют изучению влияния личностных качеств обучающихся. Е. Ахметович, С. Бечирович, В. Дубравас, А. Смит, Н. Манзанарес, Х. Муноз, Ж. Деваеле, С. Ли считают, что тревожность является наиболее точным критерием для прогнозирования успеваемости того или иного студента по иностранному языку и мотивации к его изучению [11].

Эмпирический анализ

В исследовании, проведенном в период с 2019 по 2022 г. в Петрозаводском государственном университете, приняли участие 406 студентов (N = 406) I–IV курсов студентов очного отделения направлений подготовки «История», «Политология», «Социальная работа» Инсти-

тута истории, политических и социальных наук (ИИПСН) и направления подготовки «Туризм» Института физкультуры, спорта и туризма (ИФКСиТ). Уровни и типы мотивации студентов к изучению иностранного языка определялись с помощью стандартизированного общего опросника И. С. Домбровской [12], адаптированного под цели и задачи проводимого исследования. Также в группах респондентов оценивались и сопоставлялись данные по успеваемости участников исследования по итогам сессии и посещаемости.

Результаты и их обсуждение

Полученные данные свидетельствуют о выявленной противоречивой тенденции в динамике уровней и типов мотивации студентов к изучению иностранного языка. Так, мотивация студентов ИИПСН сохранилась на прежнем уровне или выросла (на 0,1 балла), поскольку они больше ориентируются на самореализацию, планируют научную работу и участие в международных конференциях. В то же время студенты в сфере гостеприимства продемонстрировали постепенное снижение мотивации, что, очевидно, связано с объективными изменениями в профессиональной деятельности вследствие уменьшения числа иностранных туристов из-за геополитических факторов (таблица).

Сопоставительные данные изменения показателей мотивированности студентов разных направлений подготовки (ИИПСН и ИФКСиТ) к изучению английского языка (2019–2022)
Table. Comparative data on motivation indicator changes in students of different fields of study (IIPSN and IFKST) to learn English (2019–2022)

Годы обучения	Направление обучения	Познавательные мотивы, макс. 3 балла	Социальные мотивы, макс. 3 балла	Успеваемость по ИЯ, макс. 5 баллов	Посещаемость занятий по ИЯ, макс. 100%
2019	ИФКСиТ	3,0	2,8	4,4	91
	ИИПСН	3,0	2,9	4,5	89
2020	ИФКСиТ	2,8	2,7	4,2	85
	ИИПСН	3,0	2,9	4,4	86
2021	ИФКСиТ	2,5	2,5	3,6	74
	ИИПСН	2,8	2,7	4,5	80
2022	ИФКСиТ	2,3	2,2	3,6	62
	ИИПСН	2,9	3,0	4,5	83

Согласно данным таблицы студенты ИИПСН демонстрировали на протяжении 2019–2022 гг. высокий уровень познавательной (в пределах 3,0–2,8 баллов) и социальной мотивации к изучению иностранного языка (3,0–2,7 баллов).

У студентов ИФКСиТ было выявлено снижение познавательной (с 3,0 баллов в 2019 г. до 2,3 балла в 2022 г.) и социальной мотивации (с 2,8 баллов в 2019 г. до 2,3 баллов в 2022 г.). О снижении мотивации студентов ИФКСиТ косвенно свидетель-

ствуется их успеваемость за исследуемый период (средний балл участников снизился с 4,4 до 3,6), в то время как у студентов ИИПСН средний балл сохранился на уровне 4,4–4,5 балла. Активность посещения занятий по иностранному языку также в большей мере снизилась у студентов ИФКСиТ, по сравнению с ИИПСН. Кроме того, данные опроса, проведенного в декабре 2022 г., подтвердили, что причиной сохранения (а в отдельных случаях и усиления) мотивации среди будущих политологов, социологов, историков является статус английского языка как «языка мирового общения», необходимого для участия в научных конференциях, чтения научных статей, взаимодействия с международными партнерами, туризма, прослушивания музыкальных композиций. Важными мотивами для данной группы студентов являются самореализация и общее развитие, которые обеспечивают изучение иностранных языков. Снижение мотивации у студентов ИФКСиТ вызвано разочарованием из-за заметного сокращения потока иностранных туристов в Россию и Республику Карелия. Среди причин изучать английский язык данная группа респондентов выделяет необходимость знания языка при «работе с иностранным софтом», просмотр иностранных сериалов, фильмов в оригинале, учебные занятия.

Заключение

Данная работа проведена в русле отечественных и зарубежных исследований внутренней и внешней мотивации к обучению иностранным языкам в нелингвистическом вузе, а также в рамках национальной дискуссии о языковой политике в текущей геополитической ситуации. Полученные данные не противоречат результатам подобного рода исследований. В частности, подтвержден вывод о том, что мотивация студентов вузов определяется не только востребованностью английского языка в профессиональной карьере, но и желанием повысить самооценку, что совпадает с результатами качественного исследования российской онлайн-школы по обучению английскому языку и данными психологов [4, 5]. Кроме того, авторами выявлена зависимость степени мотивации студентов нелингвистических специальностей от направления подготовки: мотивация сохранилась на гуманитарных направлениях и заметно снизилась среди студентов практико-ориентированного направления «Туризм» под воздействием объективного фактора уменьшения количества иностранных туристов. В целом данные по снижению желания

изучать иностранные языки у студентов нелингвистических вузов коррелируют с результатами ряда ученых из европейских и азиатских стран [6, 13]. В этой связи сохранение здорового баланса в преподавании иностранных языков и формирование мотивации к их изучению среди россиян продолжают оставаться серьезным профессиональным вызовом для русских преподавателей иностранных языков. Это также совпадает с профессиональными вызовами, стоящими перед зарубежными коллегами, постоянно обновляющими свой методический репертуар новыми педагогическими технологиями.

Список литературы

1. Мишина В. Don't speak: работодатели снизили интерес к носителям европейских языков // Известия. URL: <https://iz.ru/1457293/valeriia-mishina/dont-speak-rabotodateli-snizili-interes-k-nositeli-evropeiskikh-iazykov?ysclid=1h5qv2zdvh701318070> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Россияне передумали учить иностранные языки: курсов и школ станет меньше // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/04/26/rossiyane-peredumali-uchit-inostrannye-yazyki-kursov-i-shkol-stanet-menshe.html?ysclid=1h5qvqztlf996468300> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Хабибуллина А. Нерабочие моменты: как больше читать и выучить иностранный язык в 2023 году // Известия. URL: <https://iz.ru/1448363/aigul-khabibullina/nerabochie-momentyy-kak-bolshe-chitat-i-vyuchit-inostrannyi-iazyk-v-2023-godu> (дата обращения: 10.04.2023).
4. Ларьяновский А. Английский не нужен: как обманывают себя россияне, когда начинают учить // Forbs. URL: <https://www.forbes.ru/billionaire-school/400959-angliyskiy-ne-nuzhen-kak-obmanyvayut-sebya-rossiyane-kogda-nachinayut?ysclid=1h5qwlytnq945255697> (дата обращения: 10.04.2023).
5. Setiyadi A. B., Mahpul M., Wicaksono B. A. Exploring motivational orientations of English as foreign language (EFL) learners: A case study in Indonesia // South African Journal of Education. 2019. Vol. 39, № 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.15700/saje.v39n1a1500>
6. Busse V. Plurilingualism in Europe: Exploring attitudes toward English and other European languages among adolescents in Bulgaria, Germany, the Netherlands, and Spain // Modern Language Journal. 2017. № 101, iss. 3. P. 566–582. <https://doi.org/10.1111/modl.12415>
7. Babelyuk O., Koliasa O., Lopushanskyy V., Smaglii V., Yukhymets S. Psychological difficulties during the covid lockdown: Video in blended digital teaching Language, Literature, and Culture // Arab World English Journal. 2021. № 4. P. 172–182. <https://doi.org/10.24093/awej/covid.13>
8. Chernova O. E., Litvinov A. V., Gorbunova L. N., Telezhko I. V., Nizamutdinova S. M. Development of sportsman

- students' autonomy in the educational environment of electronic information and foreign language teachers' readiness to this process // *Journal of Human Sport and Exercise*. 2021. № 16. С. 1227–1243. <https://doi.org/10.14198/jhse.2021.16.Proc3.39>
9. Navarro-Guzmán J. I., Romero-Alfaro E., Menacho-Jiménez I., Aragón-Mendizábal E. Teaching psychology at university using the content and language integrated learning (CLIL) approach // *Porta Linguarum Revista Interuniversitaria de Didáctica de las Lenguas Extranjeras*. 2021. № 35. С. 77–91. <https://doi.org/10.30827/portalin.v0i35.16858>
 10. Станкович Д. Ф. Формирование положительной мотивации учения студентов консерватории посредством просветительских проектов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 350–354. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-350-354>
 11. Smyth A. M., Manzanares N. G., Fernandez-Munoz J. J. Anxiety and personality as indicators of academic performance in university Foreign Language classrooms // *Porta Linguarum Revista Interuniversitaria de Didáctica de las Lenguas Extranjeras*. 2021. № 36. P. 27–42. <https://doi.org/10.30827/portalin.v0i36.15376>
 12. Мотивация учебной деятельности: уровни и типы (разработка И. С. Домбровской). URL: <https://www.psyoffice.ru/3-2-praktikum-00458.htm> (дата обращения: 10.04.2023).
 13. Yan C. M., He C. J. Why do final-year student teachers skip classes? A Chinese perspective // *Compare-A Journal of Comparative and International Education*. 2019. Vol. 49, iss. 1. С. 81–97. <https://doi.org/10.1080/03057925.2017.1385389>
 4. Lar'yanovskiy A. English is not needed: How Russians deceive themselves when they begin to learn it. *Forbs*. Available at: <https://www.forbes.ru/billionaire-school/400959-angliyskiy-ne-nuzhen-kak-obmanyvayut-sebya-rossiyane-kogda-nachinayut> (accessed 10 April, 2023) (in Russian).
 5. Setiyadi A. B., Mahpul M., Wicaksono B. A. Exploring motivational orientations of English as foreign language (EFL) learners: A case study in Indonesia. *South African Journal of Education*, 2019, vol. 39, no. 1, pp. 1–12. <https://doi.org/10.15700/saje.v39n1a1500>
 6. Busse V. Plurilingualism in Europe: Exploring attitudes toward English and other European languages among adolescents in Bulgaria, Germany, the Netherlands, and Spain. *Modern Language Journal*, 2017, vol. 101, iss. 3, pp. 566–582. <https://doi.org/10.1111/modl.12415>
 7. Babelyuk O., Koliassa O., Lopushanskyy V., Smaglii V., Yukhymets S. Psychological difficulties during the covid lockdown: Video in blended digital teaching Language, Literature, and Culture. *Arab World English Journal*, 2021, no. 4, pp. 172–182. <https://doi.org/10.24093/awej/covid.13>
 8. Chernova O. E., Litvinov A. V., Gorbunova L. N., Telezhko I. V., Nizamutdinova S. M. Development of sportsman students' autonomy in the educational environment of electronic information and foreign language teachers' readiness to this process. *Journal of Human Sport and Exercise*, 2021, no. 16, pp. 1227–1243. <https://doi.org/10.14198/jhse.2021.16.Proc3.39>
 9. Navarro-Guzmán J. I., Romero-Alfaro E., Menacho-Jiménez I., Aragón-Mendizábal E. Teaching psychology at university using the content and language integrated learning (CLIL) approach. *Porta Linguarum Revista Interuniversitaria de Didáctica de las Lenguas Extranjeras*, 2021, no. 35, pp. 77–91. <https://doi.org/10.30827/portalin.v0i35.16858>
 10. Stankovich D. F. Formation of positive motivation in teaching conservatory students through Enlightening projects. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 350–354 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-350-354>
 11. Smyth A. M., Manzanares N. G., Fernandez-Munoz J. J. Anxiety and personality as indicators of academic performance in university Foreign Language classrooms. *Porta Linguarum Revista Interuniversitaria de Didáctica de las Lenguas Extranjeras*, 2021, no. 36, pp. 27–42. <https://doi.org/10.30827/portalin.v0i36.15376>
 12. *Motivation of educational activity: Levels and types (development of Dombrovskaya I. S.)*. Available at: <https://www.psyoffice.ru/3-2-praktikum-00458.htm> (accessed 10 April 2023) (in Russian).
 13. Yan C. M., He C. J. Why do final-year student teachers skip classes? A Chinese perspective. *Compare-A Journal of Comparative and International Education*, 2019, vol. 49, iss. 1, pp. 81–97. <https://doi.org/10.1080/03057925.2017.1385389>

References

Поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 102–106
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 102–106
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-102-106>, EDN: YYAPDH

Научная статья
УДК 373.2.02

Модель методического сопровождения педагогов при проектировании образовательного процесса

М. В. Корепанова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия, 400005, г. Волгоград, проспект им. В. И. Ленина, д. 27
Корепанова Марина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики дошкольного образования, mariko57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6892-1701>

Аннотация. Введение. В современной образовательной ситуации актуальными становятся поиск и внедрение эффективных практик, которые могут послужить альтернативой традиционным способам трансляции знаний и формирования умений дошкольников. К их числу относится проектирование, мотивирующее познавательную активность детей и повышающее воспитательный потенциал педагогического процесса. В связи с этим обосновывается целесообразность оказания методической помощи воспитателям в преодолении дефицита компетенций в области проектирования образовательных практик. **Теоретический анализ.** При обосновании модели методического сопровождения был предпринят анализ теоретических подходов к данной проблеме, который позволил выделить приоритетные формы сотрудничества методиста-наставника с педагогами: наставничество, тьюторство, коучинг. Полученные результаты дают основание сделать вывод о необходимости создания условий для овладения педагогами-практиками проектирования образовательного процесса. **Заключение.** Чтобы выстроить эффективную систему поддержки творческих начинаний как отдельного педагога, так и всего педагогического коллектива, важно учесть их готовность к участию в преобразованиях, овладеть способностью быстро реагировать и перестраивать модели методического сопровождения в зависимости от текущих условий. Рассмотрение обозначенной проблемы позволило доказать актуальность предложенной модели методического сопровождения проектирования образовательных практик в достижении качественных преобразований педагогической деятельности.

Ключевые слова: проектирование, образовательные практики, методическое сопровождение, наставничество, тьюторство, коучинг

Для цитирования: Корепанова М. В. Модель методического сопровождения педагогов при проектировании образовательного процесса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 102–106. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-102-106>, EDN: YYAPDH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Model of methodological support of teachers in the design of the educational process

M. V. Korepanova

Volgograd State Social and Pedagogical University, 27 Lenin Avenue, Volgograd 400005, Russia
Marina V. Korepanova, mariko57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6892-1701>

Abstract. Introduction. In the modern educational situation, it becomes relevant to search for and implement effective practices that can become an alternative to traditional methods of transmitting knowledge and forming the skills of preschoolers. These include design that motivates the cognitive activity of children and increases the educational potential of the pedagogical process. In this regard, the expediency of providing methodological assistance to educators in overcoming the deficit of competencies in the design of educational practices is substantiated. **Theoretical analysis.** When substantiating the model of methodological support, an analysis of theoretical approaches to this problem was undertaken, which made it possible to identify priority forms of cooperation between the methodologist-mentor and teachers: mentoring, tutoring, and coaching. The results obtained give grounds to conclude that it is necessary to create conditions for teachers to master the practices of designing the educational process. **Conclusion.** In order to build an effective system of support for creative endeavors, both for an individual teacher and for the entire teaching staff, it is important to take into account their readiness to participate in transformations; possess the ability to react quickly and rebuild models of methodological support depending on current conditions. Consideration of the problem made it possible to prove the relevance of the proposed model of methodological support for the design of educational practices in achieving qualitative transformations of pedagogical activity. **Keywords:** design, educational practices, methodological support, mentoring, tutoring, coaching

For citation: Korepanova M. V. Model of methodological support of teachers in the design of the educational process. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 102–106 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-102-106>, EDN: YYAPDH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современные тенденции развития общества непосредственно влияют на цели и задачи образования, которое выполняет важную миссию формирования и развития личности, ее духовно-нравственного потенциала и социальной активности.

Осуществление этих приоритетных направлений образования строится на учете отечественных традиций и современных практиках дошкольного образования, среди которых важное место принадлежит проектированию как эффективному методу организации образовательного процесса, открывающему новые возможности в воспитании и развитии дошкольников. Проектирование образовательных практик существенно расширяет сферу педагогической деятельности, обогащает содержание образования, стимулирует профессиональный рост педагога.

Современные практики дошкольного образования требуют от педагога универсальных компетенций, заключающихся в умении проектировать образовательный процесс с опорой на культурные традиции, новые знания, актуальный уровень развития ребенка. В данном контексте внимание акцентируется на необходимости совершенствования профессиональной деятельности педагогов, что закономерно влечет за собой поиск новых актуальных моделей методического сопровождения непосредственно в условиях образовательной организации.

Теоретический анализ

Нами была предпринята разработка модели методического сопровождения, основной смысл которой заключался в уходе от традиционно устоявшихся методов, построенных на прямом научении педагога конкретным действиям и операциям. Методическое сопровождение – это «движение вместе с ним, рядом, а иногда – чуть впереди, если надо объяснить возможные пути» [1, с. 91]. При построении модели сопровождения была осуществлена проекция уровневых показателей готовности педагогов к овладению новыми формами организации образовательного процесса на содержательно-процессуальный контекст самой процедуры сопровождения. В качестве основных форм взаимодействия с педагогами были избраны наставничество, тьюторство, коучинг. На первом этапе методист-наставник выполнял функцию организатора и мотиватора учения, специалиста по проектной деятельности; на втором – методиста-тьютора, осуществляющего

функцию менеджера индивидуальных образовательных маршрутов; на третьем – методиста-коуча, реализующего аналитико-корректирующую функцию во взаимодействии с сопровождаемым педагогом. Динамика процесса освоения технологией проектирования педагогической деятельности по реализации содержания образования при последовательном использовании различных форм сопровождения выражалась в увеличивающейся доле самостоятельности и инициативы педагогов.

Получение объективной картины о мотивационной готовности воспитателей к проектированию педагогической деятельности по реализации содержания образования в соответствии с требованиями федеральной образовательной программы осуществлялось через оценку отношения педагогов к проектированию и применению актуальных методов в работе с детьми. Работа осуществлялась на базе ДОО № 198 г. Волгограда при непосредственном участии старшего воспитателя данного учреждения. Были использованы анкета «Отношение к проектированию образовательной деятельности» [2], опросник «Выявление уровня владения педагогом методом проектирования» [3].

При суммировании баллов анкеты можно отметить, что подавляющее большинство педагогов (83%) считают проектирование продуктивной технологией работы с детьми; 17% педагогов согласны с этим частично. По результатам применения опросника С. В. Юрловой [3] удалось определить уровень владения педагогами проектным методом и отметить резервы профессионального роста в аспекте проектной деятельности. В целом 53% педагогов имеют не только представление о методе проектов, но и частично владеют им. У 29,4% воспитателей (ими оказались педагоги со стажем работы более 17 лет, имеющие высшую квалификационную категорию) выявлен высокий уровень владения проектным методом; 17,6% педагогов показали низкий уровень (в эту категорию вошли молодые и вновь пришедшие специалисты).

Таким образом, результаты диагностики позволили определить текущий статус, вектор и динамику развития профессиональных компетенций педагогов.

Недостаточная мотивация и подготовленность педагогов к проектированию методов и технологий по реализации образования актуализируют поиск новых методических форм работы с педагогическим коллективом. Нами были изучены достоинства методического сопровождения, эффективность и целесообразность

которого заключается в его нацеленности на поддержку и мотивацию саморазвития педагога, создание условий, побуждающих к овладению современными методами проектирования образовательного процесса, системному оцениванию собственных достижений и трудностей, совместный поиск с наставником эффективных способов преодоления противоречий между необходимостью целедостижения и недостаточным владением специфической совокупностью средств для решения стоящих перед педагогами задач. Методическое сопровождение реализовывалось через следующие формы организации процесса: наставничество, тьюторство, коучинг. Данные формы сопровождения получили широкое распространение в работах зарубежных и отечественных исследователей [4–8].

Наставничество предусматривает систематическую работу опытного педагога по развитию у начинающих педагогов необходимых навыков проектирования образовательных практик. Это совместная форма работы, результатом которой является взаимообмен идеями, приобретение новых знаний и умений в процессе общения с более опытным коллегой или наставником. Основная функция наставника заключается в создании локальной образовательной среды, насыщенной развивающими возможностями для освоения педагогами технологии проектирования образовательных практик.

Тьюторское сопровождение – следующий этап в обеспечении эффективности деятельности каждого педагога. Оно направлено на разработку маршрута сопровождения и постоянного взаимодействия с каждым педагогом, помощь в профессиональном становлении [9, 10]. В основе сопровождения лежат взаимосвязанные функции, выполняемые тьютором, основное место среди которых занимает разработка дизайна сценариев совместных занятий на основе многообразных, динамических форм организации взаимодействия и оптимальной последовательности использования различных форм решения частных профессиональных проблем в зоне ближайшего развития.

Коучинг как компонент модели методического сопровождения направлен на активизацию процессов самообучения и саморазвития. Основная функция методиста-коуча заключается в организации индивидуальной и командной (в том числе самостоятельной, проектной) деятельности педагогов, сопровождаемой профессионально значимой коммуникацией и организацией рефлексивных обсуждений творческих проектов, выполненных педагогами.

Именно на этом этапе педагоги лучше осознают значимость процесса организации проектирования образовательных практик, учатся интерпретировать и расставлять акценты в целях, задачах организации образовательных практик, проектировать свою образовательную деятельность.

Заключение

Анализ полученных результатов показал, что реализация любой стратегии, направленной на совершенствование качества образования, существенно затрудняется по причине нехватки соответствующих компетенций педагога.

Изучение научных работ, описывающих методы поддержки педагогов в проектировании образовательной деятельности, показало, что прослеживается общая тенденция, когда ученые направляют свой исследовательский интерес на методическое сопровождение профессиональной деятельности педагогического коллектива, формирование профессионально-личностных качеств субъектов образования [4, 7, 11–15]. При этом констатируется дефицит исследовательского внимания к проблеме методического сопровождения проектирования педагогом инициативной деятельности детей в формате образовательных практик как наиболее востребованной технологии в современном дошкольном образовании. Ее освоение находится в прямой зависимости от опыта педагогов, уровня мотивации, готовности соответствовать актуальным вызовам времени.

Результаты исследования подтвердили, что уровень качества проектирования педагогами образовательных практик дошкольников значительно вырос. Показатели среднего уровня владения проектированием снизились до 49,4%, а показатели, отражающие низкий уровень проектирования сократились до 1,6%, при этом значительно выросло число педагогов с показателем высокого уровня – 49,0%.

Должная подготовка педагогического коллектива – необходимое условие гармоничного развития по всем направлениям образовательной деятельности, отвечающей запросам и вызовам современных трансформаций в социокультурной сфере, образовательной среде [2, 8]. Освоение способами проектирования образовательных практик детей требует от большинства педагогов отказа от традиционно устоявшегося календарного планирования, где основной акцент ставится на планирование деятельности воспитателя. Проектирование образовательных практик на-

целено на инициирование деятельности детей, а это в корне меняет подход к самой системе работы с дошкольниками.

Чтобы выстроить эффективную систему поддержки творческих начинаний как на уровне отдельного педагога, так и на уровне всего педагогического коллектива, принципиально важно учесть результативность образовательной деятельности, готовность к участию в преобразованиях, владеть способностью быстро реагировать и перестраивать модели методического сопровождения в зависимости от текущих условий.

Разработанная модель методического сопровождения обладает единством, целостностью всех составляющих ее компонентов, нацеленностью на результат. Механизм процесса методического сопровождения строится на стимулировании инициативности педагога, обеспечивая динамику его поэтапного продвижения от формализованного подхода к профессиональной деятельности без учета контекста педагогической ситуации, к самостоятельному определению детерминант для проектирования образовательных практик.

Список литературы

- Щеголь В. И. Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса гимназии // *Фундаментальные исследования*. 2008. № 9. С. 89–91.
- Корепанова М. В. Методическое сопровождение проектирования культурных практик в дошкольном учреждении // *Воспитание и обучение детей младшего возраста : сборник материалов ежегодной Международной научно-практической конференции*. М. : Москва-Синтез, 2016. № 5. С. 666–668.
- Юрлова С. В. Выявление уровня владения педагогами проектным методом. URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/anketa-vyjavlenie-urovnja-vladieniya-pedagogami-proektnym-metodom.html> (дата обращения: 16.04.2020).
- Андреева Н. А. Подходы к организации методической работы в дошкольном образовательном учреждении // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2017. № 3 (35). С. 77–84.
- Аткинсон М., Чойс Р. Т. Наука и Искусство коучинга: Внутренняя динамика коучинга. М. : Международная Академия Трансформационного Коучинга и Лидерства, 2008. 256 с.
- Бышева М. В. Педагогическое сопровождение старшего дошкольного возраста в процессе социального познания : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2012. 169 с.
- Дубцова М. В. Методическое сопровождение молодого педагога в условиях современного дошкольного учреждения // *Теоретические и прикладные вопросы науки и образования: сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции* : в 16 ч. Ч. 10. Тамбов : ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. С. 55–58.
- Крылова Н. Б. Тьютор – новый тип педагога в условиях индивидуализации образования // *Завуч*. 2009. № 5. С. 61–70.
- Битянова М. Р. Школьный психолог: идея психолого-педагогического сопровождения // *Директор школы*. 1997. № 3. С. 4–12.
- Пономарева Л. И. Тьюторское сопровождение молодых педагогов как инновационный компонент процесса управления дошкольной образовательной организацией // *Проблемы современного педагогического образования*. 2017. № 57, вып. 4. С. 174–178.
- Белая К. Ю. Методическая работа в ДОО: анализ, планирование, формы и методы. М. : Сфера, 2006. 96 с.
- Волобуева Л. М. Работа старшего воспитателя ДОО с педагогами. Нормативные документы и практика. ФГОС ДО. М. : Сфера, 2020. 128 с.
- Голицина Н. С. Система методической работы с кадрами в дошкольном образовательном учреждении. М. : Скрипторий, 2004. 111 с.
- Кузьмин С. В. Методика «Квадрат функций», или как быстро оценить компетенции воспитателей по профстандарту // *Справочник старшего воспитателя дошкольного учреждения*. 2019. № 3. С. 40–47.
- Александрова Е. А. Научно-методическое сопровождение педагогов // *Ярославский педагогический вестник*. 2020. № 6 (117). С. 14–21.

References

- Shchegol V. I. Psychological and pedagogical support of the educational process of the gymnasium. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2008, no. 9, pp. 89–91 (in Russian).
- Korepanova M. V. Methodological support for the design of cultural practices in a preschool institution. *Vospitanie i obuchenie detey mladshego vozrasta: sbornik materialov ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Education and training of young children: Proceedings of the annual international scientific and practical conference]. Moscow, Moscow-Synthes, 2016, no. 5, pp. 666–668 (in Russian).
- Yurlova S. V. *Vyjavlenie urovnya vladieniya pedagogami proektnym metodom* (Identification of the level of teachers' proficiency in the project method). Available at: <https://www.maam.ru/detskijasad/anketa-vyjavlenie-urovnja-vladieniya-pedagogami-proektnym-metodom.html> (accessed 16 April 2020) (in Russian).
- Andreeva N. A. Approaches to the organization of methodological work in a preschool educational institution. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulliten of Shadrinsky State University], 2017, no. 3 (35), pp. 77–84 (in Russian).

5. Atkinson M., Choys R. T. *Nauka i iskusstvo kouchinga: vnutrennyaya dinamika kouchinga* [Science and Art of Coaching: The Internal Dynamics of Coaching]. Moscow, Mezhdunarodnaya Akademiya Transformatsionnogo Kouchinga i Liderstva Publ., 2008. 256 p.
6. Byvsheva M. V. *Pedagogical Support of Senior Preschool Age in the Process of Social Cognition*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Ekaterinburg, 2012. 169 p. (in Russian).
7. Dubtsova M. V. Methodological support of a young teacher in a modern preschool institution. In: *Teoreticheskie i prikladnye voprosy nauki i obrazovaniya: mezhdunarodnaya zaochnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Theoretical and applied issues of science and education: A collection of scientific papers based on the Proceedings of the International scientific and practical conference: in 10 parts]. Tambov, OOO "Konsaltingovaya kompaniya Yukom", 2015, pt. 10, pp. 55–58 (in Russian).
8. Krylova N. B. Tutor – a new type of teacher in the conditions of individualization of education. *Zavuch* [Head Teacher], 2009, no. 5, pp. 61–70 (in Russian).
9. Bityanova M. R. School psychologist: The idea of psychological and pedagogical support. *Direktor shkoly* [The Headmaster of the School], 1997, no. 3, pp. 4–12 (in Russian).
10. Ponomareva L. I. Tutor support of young teachers as an innovative component of the management process of a preschool educational organization. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2017, no. 57, iss. 4, pp. 174–178 (in Russian).
11. Belaya K. Yu. *Metodicheskaya rabota v DOU: analiz, planirovanie, formy i metody* [Methodical Work in DOW: Analysis, Planning, Forms and Methods]. Moscow, Sfera, 2006. 96 p. (in Russian).
12. Volobueva L. M. *Rabota starshego vospitatelya DOO s pedagogami. Normativnye dokumenty i praktika. FGOS DO* [The Work of a Senior Preschool Teacher with Teachers. Regulatory Documents and Practice. FGOS TO]. Moscow, Sfera, 2020. 128 p. (in Russian).
13. Golitsina N. S. *Sistema metodicheskoy raboty s kadrami v doshkol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii* [The System of Methodical Work with Personnel in a Preschool Educational Institution]. Moscow, Skriptoriy, 2004. 111 p. (in Russian).
14. Kuz'min S. V. The "Square of Functions" methodology, or how to quickly assess the competence of educators according to the professional standard. *Spravochnik starshego vospitatelya doshkol'nogo uchrezhdeniya* [Handbook of a Senior Preschool Teacher], 2019, no. 3, pp. 40–47 (in Russian).
15. Aleksandrova E. A. Scientific and methodological support of teachers. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2020, no. 6 (117), pp. 14–21 (in Russian).

Поступила в редакцию 02.07.2023; одобрена после рецензирования 03.10.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 02.07.2023; approved after reviewing 03.10.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 107–111
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 107–111
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-107-111>, EDN: VDKVCE

Научная статья
УДК 37.01

Теоретические аспекты готовности будущего педагога к аналитической деятельности

А. Н. Тимонин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тимонин Александр Николаевич, аспирант кафедры методологии и образования, timalex99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0508-802X>

Аннотация. Введение. В реалиях современного общества, переживающего процессы глобализации и информатизации, повышается спрос на молодых специалистов, обладающих умениями и навыками анализа больших объемов информации, способных эффективно и быстро принимать решения на основе данных. **Теоретический анализ.** Рассмотрены основные особенности осуществления аналитической деятельности педагога. Одним из ключевых компонентов профессиональной компетентности педагога является аналитическая деятельность, позволяющая анализировать, прогнозировать и оценивать результаты своей работы, а также оперативно реагировать на изменения в образовательной среде. Были изучены интерпретации понятия «готовность», а также раскрыты сущность и структура готовности будущих педагогов к аналитической деятельности. Новизна работы заключается в пересмотре структурных компонентов готовности педагога к аналитической деятельности, соответствующих современным требованиям образовательных стандартов. Подчеркивается необходимость подготовки специалистов, владеющих умениями и навыками работы с данными и информационными технологиями. **Заключение.** Формулируется вывод, согласно которому формирование готовности будущего педагога к аналитической деятельности, которое может быть осуществлено посредством применения в образовательном процессе программных средств имитационного моделирования, является необходимым фактором его успешной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: аналитическая деятельность, готовность к аналитической деятельности, будущий педагог, структурные компоненты готовности, педагогическая деятельность

Для цитирования: Тимонин А. Н. Теоретические аспекты готовности будущего педагога к аналитической деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 107–111. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-107-111>, EDN: VDKVCE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theoretical aspects of the future teacher's readiness for analytical activity

A. N. Timonin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksandr N. Timonin, timalex99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0508-802X>

Abstract. Introduction. In the realities of modern society experiencing the processes of globalization and informatization, there is an increasing demand for young professionals with the skills and abilities to analyze large amounts of information, able to make decisions based on data efficiently and quickly. **Theoretical analysis.** This article discusses the main features of the implementation of the analytical activity of the teacher. One of the key components of a teacher's professional competence is analytical activity, which allows to analyze, predict and evaluate the results of their work, as well as quickly respond to changes in the educational environment. Interpretations of the concept of "readiness" were analyzed, and the essence and structure of the readiness of future teachers for analytical activity were revealed. The novelty of the work lies in the revision of the structural components of the teacher's readiness for analytical activity, corresponding to modern requirements of educational standards. The necessity of training specialists with the skills and abilities to work with data and information technologies is emphasized. **Conclusion.** The conclusion is formulated, according to which the formation of the future teacher's readiness for analytical activity is a necessary factor of his or her successful professional activity, which can be carried out through the use of simulation modeling software in the educational process.

Keywords: analytical activity, readiness for analytical activity, future teacher, structural components of readiness, pedagogical activity

For citation: Timonin A. N. Theoretical aspects of the future teacher's readiness for analytical activity. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 107–111 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-107-111>, EDN: VDKVCE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время с учетом развития информационных технологий, занимающих важное место в повседневной жизни, одной из наиболее значимых компетенций современного специалиста является умение эффективно и оперативно работать с информацией, применять современные средства и методы.

Социокультурные изменения в условиях глобализации и мировой интеграции, несомненно, оказывают воздействие на молодое поколение и на ценностное пространство всего общества. В связи с этими тенденциями педагогическое сообщество играет важную роль в формировании будущего человеческого капитала. В стремительно развивающемся мире от учителя требуются актуальные практические навыки, необходимые для эффективного осуществления своей профессиональной деятельности, в состав которой входит аналитическая деятельность.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования способность осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации является одной из ключевых универсальных компетенций, которые должны быть сформированы у выпускника педагогического образования.

Теоретический анализ

Аналитическая деятельность – это очень сложный вид деятельности, без которого педагогическая деятельность не может быть эффективно реализована. В научно-методической литературе понятие «аналитическая деятельность» часто пересекается с терминами «анализ» или «аналитика» и нередко сопоставляется с аналитическим мышлением или аналитическими навыками. По мнению авторов, аналитика понимается как совокупность процессов анализа, синтеза, обобщения и прогнозирования, выступает связующей нитью между сбором и получением данных и эффективным принятием решений [1].

Считается, что аналитическая деятельность состоит из нескольких компонентов: функциональный компонент (аналитические методы), отраслевой компонент (знание предметной области) и личностный компонент (определенный тип структуры личности) [2]. Можно выделить следующие операции, характеризующие аналитическую деятельность:

разделение целостного объекта на составляющие элементы с целью их всестороннего исследования (анализ);

упорядочение некоторой совокупности знаний в систему, в которой отражены все различные взаимосвязи объектов (систематизация);

дифференциация исследуемых объектов на отдельные группы по определенным признакам (классификация);

определение сходных и отличительных свойств объекта (обобщение);

восстановление частей объекта, расчлененного в процессе анализа и познание этого объекта как единого целого (синтез);

отделение некоторых свойств объекта, зависящих от конкретного контекста (абстрагирование).

Деятельность учителя в психолого-педагогической литературе рассматривается как процесс решения множества задач разного типа, уровня и класса. При этом М. Б. Кенесова указывает на значимость педагогического анализа в образовательном процессе и определяет следующие характерные для аналитического вида деятельности задачи:

анализ учебно-воспитательного процесса;

разработка стратегии педагогических мероприятий;

проектирование и осуществление учебного процесса;

контроль и корректировка учебного процесса;

составление итогового отчета, оценивание полученных результатов и формулирование новых педагогических целей [3].

Таким образом, аналитическая деятельность как неотъемлемый элемент педагогической деятельности предполагает сложные интеллектуальные способности, к примеру, способность анализировать, прогнозировать, моделировать и синтезировать теоретические знания и методы педагогической деятельности. Для осуществления аналитической деятельности необходимо иметь сформированную готовность.

За определением термина «готовность» целесообразно обратиться к словарям. Педагогические словари не дают ясной трактовки данного понятия, тем не менее в психологическом словаре рассматривается понятие «готовность к действию». Готовность к действию представляет собой состояние, в котором все

психофизиологические системы человека находятся в мобилизованном состоянии, гарантируя эффективное выполнение конкретных действий [4]. В педагогическом словаре приводится определение понятия «готовность к педагогической деятельности» и трактуется как некий уровень профессионального мастерства педагога, который включает в себя овладение стандартами и нормами профессионально-педагогического образования [5].

Исходя из анализа справочной литературы, стоит отметить, что «готовность» является многоплановым и комплексным понятием и требует учета различных факторов и аспектов.

В современной научной литературе довольно широко изучается проблематика готовности личности относительно различных видов деятельности. По мнению Е. А. Помельниковой, готовность к профессиональной деятельности – это комплексное свойство личности, которое основывается на осознании профессиональных норм, позиционировании индивида как эксперта в своей области, наличии у специалиста благоприятного отношения к своей профессиональной деятельности и среде, а также в стремлении к максимальному творческому развитию [6].

Н. П. Гаманенко трактует готовность к профессиональной педагогической деятельности как комплексное образование личности педагога, которое определяет его потребность к совершенствованию как индивидуальной деятельности, так и деятельности педагогического коллектива, способствует выявлению актуальных проблем при подготовке специалистов, поиску и реализации оптимальных мер для их решения [7].

По мнению С. Г. Меньшениной, готовность к аналитической деятельности понимается как интегративное свойство личности, определяющее стремление обучающегося к качественному осуществлению функций профессиональной деятельности, а также наличие способствующих успешному выполнению этих функций аналитических умений [8].

Готовность к информационно-аналитической деятельности в исследовании Е. Н. Семеновой рассматривается как интегративное качество индивида, которое проявляется в осмыслении собственных мотивов, потребностей и способностей, необходимых для

успешного самостоятельного и независимого выполнения информационно-аналитической деятельности [9].

Анализируя различные взгляды на проблему готовности, можно определить сущность понятия «готовность к аналитической деятельности». Готовность к аналитической деятельности – это комплекс психологических, профессиональных и социальных качеств, определяющих способность личности к анализу, сбору, обработке и интерпретации информации в профессиональной деятельности. Она базируется на знаниях, умениях и навыках, обладание которыми позволяет индивиду оперативно и эффективно работать со сложными и многоуровневыми данными и информацией в рамках своей деятельности, а также находить оптимальные пути решения возникающих проблем и профессиональных задач. По нашему мнению, сформированная у будущих педагогов готовность к аналитической деятельности является важным фактором успешной работы и повышения качества образовательного процесса.

При рассмотрении различных концепций готовности к деятельности вышеупомянутых авторов было выявлено, что готовность представляет собой цельную систему, состоящую из отдельных структурных элементов. Обобщение авторских подходов к идентификации структуры готовности позволило выделить следующие компоненты готовности к аналитической деятельности: мотивационный, когнитивный, операциональный и рефлексивный. Рассмотрение данных компонентов в неразрывном единстве делает структуру готовности педагога к аналитической деятельности более систематизированной и эффективной, что дает возможность учитывать основные аспекты аналитической деятельности в образовательном процессе.

Исходя из анализа требований, квалификационных характеристик и функций профессиональной деятельности, определяемых Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», охарактеризуем каждый структурный компонент, составляющий готовность будущего педагога к аналитической деятельности (таблица).

Структурные компоненты готовности педагога к аналитической деятельности
Table. Structural components of the teacher's readiness for analytical activity

Компоненты	Критерии	Показатели
Мотивационный	Позитивный настрой на проведение аналитической деятельности, уверенность в своих силах, стремление к постоянному усовершенствованию своих знаний и умений; осознание важности данной деятельности для успешной реализации профессиональных задач	Высокий уровень самооценки и уверенности в своих аналитических возможностях. Желание реализовывать свой профессиональный потенциал, удовлетворение от достигнутых результатов в аналитической деятельности
Когнитивный	Наличие у педагога необходимых знаний и навыков в области анализа данных, умений работать с информацией, быстро принимать решения и критически мыслить	Общее представление о целях, задачах и принципах аналитической деятельности; знание методов и технологий аналитической деятельности, основных методов обработки и анализа данных
Операционный	Способность педагога эффективно использовать свои профессиональные умения к планированию работы, организации технической подготовки для решения сложных профессиональных задач по анализу данных	Умение планировать и разрабатывать учебные программы в соответствии с современными требованиями и стандартами; использование передовых технологий и методов образования и внедрение их в учебный процесс; применение современных информационных технологий для сбора, хранения, обработки и анализа данных в рамках педагогической деятельности
Рефлексивный	Способность педагога анализировать свою профессиональную деятельность, корректировать свое поведение и принимать оптимальные решения на основе полученных результатов	Умение осуществлять системный и целостный анализ своей деятельности, выявлять ее проблемные аспекты и разрабатывать стратегии их решения, умение анализировать эффективность своих образовательных и воспитательных действий

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, согласно которому формирование аналитической деятельности педагога должно быть связано с развитием соответствующей системы профессиональных знаний и умений, а также профессионально значимых характеристик педагога.

Смеем предположить, что формирование готовности к аналитической деятельности является неотъемлемой частью обучения в любой дисциплине, однако оно приобретает большое значение в процессе обучения информационным технологиям. В связи с широким распространением и внедрением новых технологий во все сферы деятельности человека необходима подготовка специалистов, обладающих умениями

и навыками работы с данными и способных применять их для изучения и прогнозирования процессов, характерных для профессиональной деятельности.

В качестве средств современных информационных технологий видятся средства имитационного моделирования, которые могут быть полезным инструментом для формирования готовности будущего педагога к аналитической деятельности [10]. С помощью таких средств можно моделировать виртуальные системы, которые будут напоминать реальные учебные ситуации, и позволят студентам учиться применять аналитический подход к решению различных задач. Это также может помочь обучающимся развить способности анализировать информацию, принимать решения и оценивать их результаты.

Список литературы

1. Понкин И. В. Понятие «Аналитика» // *International Journal of Open Information Technologies*. 2019. Т. 7, № 10. С. 80–90.
2. Петров В. К., Петрова М. Ю. Организация информационных потоков и управление ими как неотъемлемая функция аналитика // *Власть*. 2020. Т. 28, № 5. С. 119–123. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7585>
3. Кенесова М. В. Педагогический анализ как составная часть готовности учителей к аналитической деятельности // *Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия: Педагогические науки*. 2019. № 4. С. 58–64.
4. Авдеева Н. Н. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: АСТ, 2009. 811 с.
5. Загвязинский В. И. Педагогический словарь / под ред. В. И. Загвязинского, А. Ф. Закировой. М.: Академия, 2008. 343 с.
6. Помельникова Е. А. Формирование готовности будущих специалистов информационной безопасности к успешной профессиональной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2019. 183 с.
7. Гаманенко Н. П. Формирование готовности педагогов колледжа к совершенствованию профессиональной педагогической деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Пермь, 2018. 259 с.
8. Меньшенина С. Г. Формирование готовности к аналитической деятельности студентов – будущих специалистов по информационной и компьютерной безопасности: дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2016. 208 с.
9. Семенова Е. Н. Формирование готовности курсантов военных вузов к информационно-аналитической деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2019. 257 с.
10. Александрова Н. А., Тимонин А. Н. Развитие аналитического мышления обучающихся на уроках информатики средствами имитационного моделирования // *Информатика в школе*. 2022. № 2. С.18–27. <https://doi.org/10.32517/2221-1993-2022-21-2-18-27>

References

1. Ponkin I. V. The concept of “Analytics”. *International Journal of Open Information Technologies*, 2019, vol. 10, no. 10, pp. 80–90 (in Russian).
2. Petrov V. K., Petrova M. Yu. Organization of information flows and their management as an integral function of the analyst. *Vlast' [Power]*, 2020, vol. 28, no. 5, pp. 119–123 (in Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7585>
3. Kenesova M. V. Pedagogical analysis as an integral part of teachers' readiness for analytical activity. *Izvestiya KazUMOiMYa imeni Abylay khana. Seriya: Pedagogicheskie nauki [Bulletin of Ablai Khan KazUIRandWL, Series Pedagogical Sciences]*, 2019, no. 4, pp. 58–64 (in Russian).
4. Avdeeva N. N. *Bol'shoy psikhologicheskii slovar' [Meshcheryakova B. G., Zinchenko V. P., eds. A Large Psychological Dictionary]*. Moscow, AST, 2009. 811 p. (in Russian).
5. Zagvyaginskiy V. I. *Pedagogicheskii slovar' [Zagvyazinskiy V. I., Zakirova A. F., eds. Pedagogical Dictionary]*. Moscow, Akademiya, 2008. 343 p. (in Russian).
6. Pomel'nikova E. A. *Formation of Readiness of Future Information Security Specialists for Successful Professional Activity*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Samara, 2019. 183 p. (in Russian).
7. Gamanenko N. P. *Formation of Readiness of College Teachers to Improve Professional Pedagogical Activity*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Perm', 2018. 259 p. (in Russian).
8. Men'shenina S. G. *Formation of Readiness for Analytical Activity of Students – Future Specialists in Information and Computer Security*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Samara, 2016. 208 p. (in Russian).
9. Semenova E. N. *Formation of Readiness of Cadets of Military Universities for Information and Analytical Activity*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Khabarovsk, 2019. 257 p. (in Russian).
10. Aleksandrova N. A., Timonin A. N. Development of analytical thinking of students in informatics lessons by tools of simulation modeling. *Informatika v shkole [Computer Science at School]*, 2022, no. 2, pp. 18–27 (in Russian). <https://doi.org/10.32517/2221-1993-2022-21-2-18-27>

Поступила в редакцию 09.06.2023; одобрена после рецензирования 07.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
 The article was submitted 09.06.2023; approved after reviewing 07.12.2023; accepted for publication 12.01.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 112–117

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 112–117

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-112-117>, EDN: WQELKW

Научная статья
УДК 373.5.013

Методы и формы воспитания современного школьника

И. Ю. Шустова

Институт стратегии развития образования, Россия, 101000, г. Москва, ул. Жуковского, д. 16

Шустова Инна Юрьевна, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории развития личности в системе образования, innashustova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4418-9218>

Аннотация. Введение. В настоящее время при приоритете воспитания в общественной политике страны важно провести анализ существующих подходов к категориям «методы» и «формы воспитания». **Теоретический анализ** позволяет увидеть противоречия в трактовке данных понятий. Сравнительный анализ дает возможность обозначить значимые ориентиры для педагога в выборе методов и форм воспитания в работе с детьми. Рассмотрение проблемы позволило выявить различные подходы к определению форм и методов воспитания, основания для их классификации. **Заключение.** Обозначены основания для выбора методов и форм воспитания: активность самого ребенка, проявление им субъектных качеств в деятельности, общении в определении и проявлении самостоятельной позиции; взаимодействие педагога с детьми должно носить ценностно-смысловой характер, выводить воспитанников на гуманистические общечеловеческие ценности; общение с воспитанниками и формы взаимодействия с ними должны стимулировать процессы самовоспитания и саморазвития, самосознания и самоотношения, самореализации и саморегуляции; использование методов и форм воспитания важно для коллективообразования, формирования связей и отношений между воспитанниками, педагогом и детьми, проявление общей цели совместной жизнедеятельности.

Ключевые слова: воспитание, воспитательная деятельность, методы воспитания, формы воспитания, педагог, взаимодействие

Благодарности. Работа выполнена в рамках ОЗМ ФГБНУ «Институт стратегии развития образования» на 2024 год на тему: Научно-методическое обеспечение обновления содержания общего образования. Разработка рабочей программы и методических рекомендаций курса внеурочной деятельности «Семьеведение» (10–11 классы).

Для цитирования: Шустова И. Ю. Методы и формы воспитания современного школьника // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 112–117. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-112-117>, EDN: WQELKW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Methods and forms of education of a modern student

I. Yu. Shustova

Institute for Education Development Strategy, 16 Zhukovsky St., Moscow 101000, Russia

Inna Yu. Shustova, innashustova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4418-9218>

Abstract. Introduction. At present, with the priority of education in the country's public policy, it is important to analyze existing approaches to the categories of methods and forms of education. **Theoretical analysis** allows us to see contradictions in the interpretation of these concepts. Comparative analysis makes it possible to identify significant guidelines for the teacher in choosing methods and forms of education in working with children, and to highlight the most significant positions. Consideration of the problem made it possible to identify various approaches to the definition of forms and methods of education, and the basis for their classification. **Conclusion.** The grounds for choosing methods and forms of upbringing are highlighted: the activity of the child himself, the manifestation of his subjective qualities in activities, communication in the definition and manifestation of an independent position; the interaction of a teacher with children should be of a value-semantic nature; communication with pupils and forms of interaction with them should stimulate the processes of self-education and self-development, self-awareness and self-attitude, self-realization and self-regulation; the use of methods and forms of education is important for collective formation, the formation of ties and relationships between pupils, the teacher and children, the manifestation of the common goal of joint life.

Keywords: education, educational activities, methods of education, forms of education, teacher, interaction

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the educational program of the Federal State Budgetary Institution "Institute of Educational Development Strategy" for 2024 on the topic: Scientific and methodological support for updating the content of general education. Development of a work program and methodological recommendations for the course of extracurricular activities "Family Studies" (grades 10–11).

For citation: Shustova I. Yu. Methods and forms of education of a modern student. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 112–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-112-117>, EDN: WQELKW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Рассмотрим, как представлены в учебниках и учебных пособиях для высшей школы в настоящее время технологическая, операциональная стороны воспитания, воспитательной деятельности. Она раскрывается через целый ряд понятий: средства, методы, формы, технологии, методика, приемы воспитания. Весь операциональный блок планируется и проводится, исходя из целей воспитания и реализуется через взаимодействие педагога и воспитанников.

К сожалению, в настоящее время отсутствует единое теоретическое понимание такой научной категории, как метод воспитания. Несмотря на то, что данный вопрос изучается в теории воспитания давно, исследовательское сообщество не пришло к единому пониманию того, что считать методом воспитания, и это является проблемой. Представленные определения не всегда соотносятся между собой, наблюдается путаница в определении таких понятий как метод, организационная форма, средства, технология, приемы воспитания.

Цель статьи – провести анализ существующих подходов к данным категориям операциональной стороны воспитания, выделить наиболее значимые позиции, показать противоречия в трактовке данных понятий, обозначить значимые ориентиры для педагога в выборе методов и форм воспитания в работе с детьми.

Теоретический анализ

Анализируя различные подходы, отметим, что под методом воспитания чаще всего понимается способ реализации целей воспитания (Л. В. Байбородова, М. И. Рожков, А. Н. Новиков).

Метод воспитания рассматривается и как способ воздействия на личность воспитанника (И. П. Подласый, И. Ф. Харламов и др.), это способ влияния на сознание, чувства, деятельность и поведение воспитанника с целью реализации поставленных педагогом задач.

Первый и второй пути в понимании методов воспитания часто пересекаются. Так, в определении М. Г. Алжанбекова метод воспитания – это путь достижения заданной цели, способ воздействия на сознание, волю, чувства и поведение воспитанника [1]. По мнению С. В. Шединой, метод – определенный способ достижения поставленной цели, одновременно система действий и операций теоретического и практического понимания действительности [2].

В характеристике методов воспитания имеет место еще и путь профессионального взаимо-

действия педагога и воспитанников для решения воспитательных задач (А. П. Тряпицина, В. А. Слостенин, И. А. Колесникова, Л. И. Маленкова, Л. П. Зернова и др.). Близкое определение содержится у Г. М. Коджаспировой. Оно дает понимание метода воспитания через общественно обусловленный способ целесообразного педагогического взаимодействия педагога и детей, содействует организации детской жизни, актуализирует их активность, регулирует их поведение, организует совместную деятельность и общение, формирует связи и отношения [3]. Сюда же можно отнести понимание метода воспитания Н. Е. Щурковой, которая определяет метод как «модель организации деятельности педагога и ребенка» [4, с. 58]. В настоящее время привычные методы «... в отношении современного растущего человека теряют свою эффективность в том виде, в котором они практикуются взрослыми (преподавателями, педагогами, родителями)» [5, с. 8].

Воспитатель должен понимать, каких результатов он хочет и должен добиться при помощи того или иного метода, каковы причины выбора именно данного метода педагогической деятельности.

Сознание и деятельность – главные области воспитательных воздействий, все методы воспитания так или иначе направлены на формирование данных областей личности. Именно сознание и деятельность чаще всего ложатся в основу классификации методов воспитания. В настоящее время существует достаточно большое количество разных классификаций методов воспитания.

В 70-е гг. XX в. в большинстве учебников по педагогике была представлена классификация методов воспитания через три основных направления воспитательной деятельности педагога: методы, создающие условия для формирования личностных качеств воспитанника; методы, позволяющие стимулировать саморазвитие личности воспитанника; методы коррекции и контроля развития личности воспитанника.

В конце XX в. возникла теория деятельностного подхода к воспитанию. В результате под руководством Г. И. Щукиной была построена классификация методов воспитания с учетом деятельности самого воспитанника [6]. В данной концепции определено три группы методов:

1. Методы выработки коллективного общественного сознания личности, куда относятся: убеждение, объяснение, рассказ и беседа, внушение, диспут, лекция и доклад, личный пример и пр.;

2. Методы формирования позитивного опыта поведения и опыта деятельности воспитанника через организацию его разнообразной деятельности, куда относятся: упражнение, педагогическое требование, приучение и поручение, воспитательные ситуации, самостоятельная работа и пр.;

3. Методы, актуализирующие деятельность воспитанника, стимулирующие ее, куда относятся: соревнование, поощрение и наказание, мотивация и пр.

Классификация Г. И. Щукиной встречается довольно часто и в других современных учебниках по педагогике: С. В. Шединой, М. Г. Алжанбекова, И. П. Подласого и др. К ней добавляют другие методы: метод контроля, самоконтроля и самооценки (педагогическое наблюдение, беседа и пр.); метод самовоспитания (рефлексия, самоприказ, самоотчет, самоодобрение и пр.); методы самоопределения личности; исследовательские и диагностические методы (И. Ф. Харламов, Ю. Б. Надточий, Л. П. Зернова, Е. А. Овсянникова, Г. М. Коджаспиров, Н. Ф. Голованов).

В учебнике А. П. Тряпициной в классификации методов воспитания делается упор на самоопределение личности воспитанника и развитие его нравственных качеств [7]. Выделяются следующие группы методов: способы формирования самосознания, моральных чувств и нравственных ценностей; способы поддержки и выработки нравственного поведения и опыта деятельности; способы стимулирования и коррекции процессов саморазвития и самовоспитания.

Методы воспитания можно разделить на методы прямого или естественного воздействия (личное общение, помощь воспитаннику в индивидуальной деятельности, общение в дружеской группе сверстников, организация совместной деятельности, организация массовых мероприятий и пр.) и опосредованного влияния на воспитанника (группа сверстников и детский коллектив, информационные средства, организация среды и пр.). Данное разделение представлено в работах С. Д. Полякова [8].

М. И. Рожков и Л. В. Байбородова делят методы воспитания на методы влияния на интеллектуальную, эмоциональную, мотивационную, волевую, предметно-практическую, экзистенциальную сферы личности, сферу саморегуляции [9]. Такое дробное деление затрудняют понимание отдельных методов, более того, отдельные методы того или иного раздела пересекаются и взаимодополняют друг друга.

Разделение методов воспитания по классам в большей степени условно, ведь процесс воспитания предполагает, что личность воспитанника формируется целостно, а не отдельными частями. К тому же нельзя упускать из вида один из главных принципов психологии – принцип единства сознания и деятельности. С. Л. Рубинштейн впервые выдвинул тезис о целостном понимании сознания и деятельности. Он писал, что «деятельность и сознание – не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое – не тождество, но единство» [10, с. 272].

Предметом воспитания выступает социальный опыт детей, их деятельность, их отношение к миру и с миром, к себе и с собой, а также взаимодействие с педагогом. Соответственно в структуре метода всегда два элемента: деятельность педагога воспитателя и деятельность воспитанника. Можно выделить еще третий элемент – воспитательный результат.

Методы воспитания должны быть ориентированы на активность самого воспитанника, учитывать его свободу деятельности, самостоятельную позицию. На наш взгляд, данный метод основан на взаимодействии педагога и воспитанников, их открытом общении. Вопрос метода – это понимание того, как сделать общение с детьми воспитывающим, какие педагогические средства для этого использовать, чтобы максимально приблизиться к решению воспитательных задач. Целесообразно все-таки разделить методы воспитания, исходя из структуры личности воспитанника, и учитывая его активность, направленную на себя, на самовоспитание. Получается четыре группы методов:

1. Когнитивные, направленные на формирование сознания воспитанника, его мировоззрение, сюда можно отнести: рассказ, разъяснение, внушение, методы наглядно-практического воздействия и пр.

2. Деятельностные, ориентированные на приобретение социального опыта и поведения воспитанника, освоение им практических навыков действий и деятельности, основанные на практической деятельности школьника и решающие задачу – формировать необходимые практические навыки и требуемый тип поведения. Сюда можно отнести: метод упражнений, приучение, требование, просьба, совет, акцент на результат деятельности, возложение полномочий и ответственности и пр.

3. Отношенческие, направленные на развитие мотивационно-ценностной сферы личности воспитанника, его отношения к миру и

с миром, формирование жизненной позиции, общечеловеческих ценностей и смыслов. Сюда можно отнести: конкретные образцы, примеры для подражания, пример конкретных людей, пример героев книг и фильмов, исторических деятелей и ученых, личный пример воспитателя и его авторитет, поощрение и наказание, одобрение, похвала, благодарность, почетные грамоты и прочие награждения.

4. Методы Само, направленные на формирование самосознания воспитанника, его отношения к себе и с собой, стимулирование процессов самоопределения, самовоспитания и саморазвития (самопознания, самоотношения, самореализации, саморегуляции, самоконтроля и пр.). Сюда можно отнести: рефлексию, обратную связь, установление причинно-следственных связей, моделируемые педагогом проблемные ситуации, проекция результата, акцент на результат деятельности ребенка, акцент на достоинства, работа с проблемной ситуацией воспитанника. Важно перевести внешнее воздействие во внутренние стимулы, побуждающие воспитанника проявить активность, направленную на себя, понять себя, проявить себя. Важно перевести сложную проблемную для него ситуацию в задачу самостоятельной деятельности. В данную группу можно отнести все методы педагогической поддержки О. С. Газмана.

По нашему мнению, в педагогической литературе имеют место путаница в определении методов и организационных форм, подмена понятий. Методами часто называют формы воспитания, такие как рассказ, беседа, дискуссия или совокупность методов, как, например, формирование общественного мнения. Действительно понятия метод и организационная форма воспитания очень близки, но форма – это внешнее построение и определение способа взаимодействия, формы воспитания – это внешнее выражение воспитательного процесса. Они очень разнообразны и разномасштабны, постоянно обновляются в связи с меняющимися социальными условиями. С. М. Шмаков насчитал 1 200 форм воспитания. В настоящее время все больше новых форм встречается в режиме онлайн.

Одинаковые формы могут быть заполнены различным содержанием, в частности, классный час может проходить в любой форме и быть ориентирован на решение различных задач. Каждая форма привязана к разнообразным видам деятельности, во многом определяющим ее содержание. Существуют формы простые и крайне сложные, которые могут растягиваться на продолжительное время, к примеру постановка

спектакля. Организационные формы воспитания задают и направляют воспитательный процесс, формируя педагогические единицы различного масштаба.

По мнению Е. В. Бондаревской и С. В. Кульневича, форма – это «пакетик» методик, прилагаемый к целям воспитания. И. П. Подласый определяет форму воспитания как оболочку для упаковки содержания, внешнее выражение процесса. Н. И. Болдырев характеризует формы воспитания как подчиненность методу воспитательного воздействия: аудиальные, или словесные (сборы, собрания и линейки, лекции, конференции и пр.); практические, или деятельностные (экскурсии и олимпиады, конкурсы и соревнования, профессиональные пробы и пр.); наглядные, или визуальные (выставки и показы, демонстрация и пр.). И. Ф. Харламов рассматривает форму воспитания как организацию педагогического действия, в котором достигаются цели, решаются задачи, раскрывается содержание, определяются методы воспитательного процесса. Он называет три группы форм: управление и самоуправление школьной жизнью, познавательные формы и развлекательные формы.

Чаще всего в учебниках встречается следующая классификация форм воспитания: индивидуальные (беседы, занятия и т.д.); групповые (кружок, клуб и пр.); данные формы предполагают непосредственный контакт педагога и воспитанника. И отдельная группа – массовые формы (несколько классов, школа, район, страна). В настоящее время можно дополнить данную классификацию и выделить онлайнформы (конференция, форум, конкурс и пр.).

Представим перечень наиболее традиционных форм, встречающихся в литературе: классный час, КТД, выставки, праздники, дискуссии и обсуждения, диспут, школьный театр, художественные конкурсы, олимпиады, прогулки, турниры, трудовой десант, школьный пресс-центр, музей, экскурсии, праздники, соревнования, клубы, тематические вечера

Заключение

В методах воспитания и организационных формах одна сторона всегда обращена к содержанию, задачам воспитания «Что хотим?», вторая сторона – к способам деятельности, через что, какие способы, методы и средства деятельности педагога, его взаимодействие с воспитанниками осуществляется воспитание. Это делает методы и формы зоной перехода, превращение целей и содержание воспитания

через различные методы и формы взаимодействия с воспитанниками в конкретный способ воспитания.

Выделим основные ориентиры для выбора методов и форм воспитания.

Первый – это активность самого ребенка, проявление им субъектных качеств в деятельности, общении, определении и проявлении самостоятельной позиции. Здесь должен быть переход от включенности воспитанника во взаимодействие с педагогом и сверстниками к его самостоятельности и ответственности в разнообразных средствах самореализации в деятельности и общении.

Второй ориентир – это характер взаимодействия педагога и детей. Воспитанники во взаимодействии с педагогом должны чувствовать свою безопасность, свой личный интерес к данному взаимодействию. Педагогическое взаимодействие должно стать открытым и позиционным (каждый может проявить себя в позиции, деятельности, переосмыслить свою позицию, понять и принять другую), основываться на доверии и взаимоуважении участников взаимодействия, лично-значимым для участников, отражать их интересы и личные смыслы, выходить в ценностно-смысловое взаимодействие, когда проявляются и формируются индивидуальные смыслы и ценности воспитанников.

Третий ориентир – общение с воспитанниками и формы взаимодействия с ними – должны стимулировать процессы Само, становление самосознания, способности к самопознанию, самоконтролю, самооцениванию и саморегуляции, запускать и поддерживать процессы самоопределения и самореализации, показывать способы самовоспитания и саморазвития.

Четвертый ориентир – это гибкая исследовательская позиция педагога. В педагогическом процессе не бывает мелочей, педагог должен очень чутко реагировать на процесс «здесь и теперь», улавливать настроение и интересы детей, уметь работать по процессу от «живой», непосредственной ситуации, которая возникает сейчас и значима для детей. Несомненно, педагог должен обладать способностью к рефлексии и целостному анализу, уметь анализировать и выбирать наиболее значимый и важный метод или форму, соответствующие конкретной ситуации, придумывать новую форму, творчески относиться к педагогическому процессу.

Пятый ориентир предполагает, что использование форм и методов в воспитании должно носить целостный характер. Каждый метод или форма затрагивает все стороны личностного

становления и развития, а значит влияет и на сознание, и на деятельность, и на мотивационно-ценностную сферу личности. Например, если взять такую форму, как дискуссия, то она, с одной стороны, формирует сознание, дает более четкое понимание конкретных знаний и представлений; с другой стороны, способствует приобретению ценного опыта самореализации в определении и проявлении своей позиции, вырабатывает умение выражать позицию, защищать и отстаивать ее, способность переосмысливать свои взгляды и пр. Главное – в дискуссии рождается общее ценностно-смысловое пространство, формирующее ценности и смыслы участников; и, конечно, в дискуссии запускаются процессы Само.

И последний шестой ориентир – это использование методов и форм воспитания для коллективообразования, формирования связей и отношений между воспитанниками, педагогом и детьми, проявление общей цели совместной жизни. Использование форм и методов должно опираться на коллективное целеполагание и планирование, совместную деятельность и сотрудничество участников, их умение прийти друг другу на помощь, понять и принять другого.

Список литературы

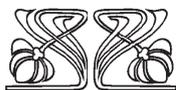
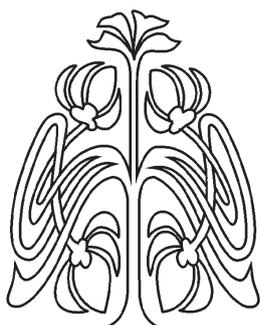
1. Алжанбеков М. Г. Педагогика : учебное пособие для студентов непедагогических специальностей. Махачкала : Дагестанский государственный университет, 2022. 291 с.
2. Шедина С. В. Педагогика: теория воспитания: учебное пособие. Хабаровск : Хабаровский государственный университет, 2022. 115 с.
3. Коджаспирова Г. М. Педагогика : учебник. М. : Гардерика, 2004. 528 с.
4. Воспитание детей в школе: Новые подходы и новые технологии / под ред. Н. Е. Щурковой. М. : Новая школа, 1998. 208 с.
5. Александрова Е. А. Эволюция методов и приемов воспитания: 1917–2017 // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 6. С. 7–12.
6. Психология и педагогика : учебник для бакалавров / под ред. П. И. Пидкасистого. М. : Юрайт, 2021. 781 с.
7. Педагогика : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. А. П. Тряпициной. СПб. : Питер, 2013. 304 с.
8. Поляков С. Д. Психопедагогика воспитания и обучения. Опыт популярной монографии. М. : Новая школа, 2004. 304 с.
9. Рожков М. И., Байбородова Л. В. Воспитание свободного человека. М. : Директ-Медиа, 2020. 264 с.
10. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М. : Издательство АН СССР, 1957. 329 с.

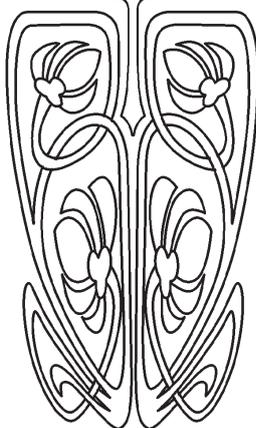
References

1. Alzhanbekov M. G. *Pedagogika: uchebnoe posobie dlya studentov nepedagogicheskikh spetsial'nostey* [Pedagogy: A textbook for students of non-pedagogical specialties]. Mahachkala, Dagestan State University Publ., 2022. 291 p. (in Russian).
2. Shedina S. V. *Pedagogika: teoriya vospitaniya: uchebnoe posobie* [Pedagogy: The Theory of Education: Textbook]. Khabarovsk, Khabarovsk State University Publ., 2022. 115 p. (in Russian).
3. Kodzhaspirova G. M. *Pedagogika: uchebnik* [Pedagogy. Textbook]. Moscow, Garderika, 2004. 528 p. (in Russian).
4. *Vospitanie detey v shkole: Novye podkhody i novye tekhnologii* [Shchurkova N. E., ed. Bringing up Children at School: New Approaches and New Technologies]. Moscow, Novaya shkola, 1998. 208 p. (in Russian).
5. Aleksandrova E. A. The evolution of methods and techniques of education: 1917–2017. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2017, no. 6, pp. 7–12 (in Russian).
6. *Psikhologiya i pedagogika: uchebnik dlya bakalavrov* [Pidkasisty P. I., ed. Psychology and Pedagogy: A Textbook for Bachelors]. Moscow, Yurayt, 2021. 781 p. (in Russian).
7. *Pedagogika: uchebnik dlya vuzov. Standart tret'ego pokoleniya* [Tryapitsina A. P., ed. Textbook for High Schools. Third Generation Standard]. St. Petersburg, Piter, 2013. 304 p. (in Russian).
8. Polyakov S. D. *Psikhopedagogika vospitaniya i obucheniya. Opyt populyarnoy monografii* [Psychopedagogy of Education and Training. The Experience of the Popular Monograph]. Moscow, Novaya shkola, 2004. 304 p. (in Russian).
9. Rozhkov M. I., Bayborodova L. V. *Vospitanie svobodnogo cheloveka* [Education of a Free Man]. Moscow, Direkt-Media, 2020. 264 p. (in Russian).
10. Rubinshteyn S. L. *Bytie i soznanie* [Being and Consciousness]. Moscow, AN SSSR Publ., 1957. 329 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 16.06.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 12.01.2024

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36014
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
философский факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12

E-mail: aporia@inbox.ru

Website: <https://phpp.sgu.ru>

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024.
Том 24, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

- Серия: Акмеология образования. Психология развития
- Серия: История. Международные отношения
- Серия: Математика. Механика. Информатика
- Серия: Науки о Земле
- Серия: Социология. Политология
- Серия: Физика
- Серия: Филология. Журналистика
- Серия: Философия. Психология. Педагогика**
- Серия: Химия. Биология. Экология
- Серия: Экономика. Управление. Право

